

Ян Флеминг

Только для личного ознакомления *(сборник рассказов)*

С точки зрения убийства **(From a view to a kill)**

Глаза за большими защитными очками из черной резины сверкали холодным каменным блеском. Только они оставались спокойными в этой плоти, мчащейся на грохочущем мотоцикле “БСАМ-20” со скоростью семьдесят миль. Глаза пристально смотрели вперед, прямо перед собой поверх руля, и их темные застывшие зрачки напоминали дуло оружия. Верхняя часть лица была закрыта очками, и ветер попадал мотоциклисту прямо в рот, растягивая губы в широкую ухмылку, открывавшую передние зубы и беловатые десны. Из-за ветра щеки были похожи на слегка пульсирующие мешочки. Специальные черные перчатки, выступающие справа и слева от низко опущенной головы в защитном шлеме, напоминали лапы большого, изготовившегося к нападению зверя. Человек был одет в форму мотоциклиста королевских войск связи, и его мотоцикл был бы похож на обычную машину британской армии, если бы не улучшенный вариант клапанов и карбюратора, а также снятые для увеличения скорости глушители. Ничто ни в самом человеке, ни в его экипировке не предполагало, что он был не тем, кем казался, исключение составлял полностью снаряженный “люгер”, прикрепленный к бензобаку.

Было семь часов майского утра, и пустынная прямая дорога, которая шла через лес, блестела от светящегося весеннего тумана. Мелькавшие по обе стороны дороги прогалины между дубовыми деревьями, покрытые мхом и цветами, выглядели так же театрально красиво, как королевские леса в Версале и Сен-Жермене. Это было шоссе Д-98, вторая по значимости дорога для местного движения в округе Сен-Жермена, и мотоциклист только что пересек шоссе Париж — Мант, по которому с грохотом проносились машины в сторону Парижа. Мотоциклист ехал на север, в сторону Сен-Жермена. В этом же направлении, приблизительно в полумиле впереди, двигался только еще один связист королевских войск. Тот был моложе, изящнее, на мотоцикле сидел расслабившись, наслаждаясь утром и сохраняя скорость где-то около сорока миль. Он не торопился — день выдался прекрасный — и размышлял о том, что станет есть, когда вернется в штаб около восьми часов, — глазунью или омлет.

Пятьсот ярдов, четыреста, триста, двести, сто. Человек, приближающийся сзади, снижает скорость до пятидесяти миль. Он поднимает правую перчатку к зубам, стаскивает ее и запихивает между пуговицами мундира. Затем опускает руку и отстегивает оружие. Теперь его, должно быть, хорошо было видно в зеркале молодого человека, ехавшего впереди, потому что тот неожиданно оглянулся, удивившись при виде другого связиста, появившегося на дороге в это же утро. Он ожидал американскую или, возможно, французскую военную полицию, это мог быть представитель любой из восьми стран-членов в штабе верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Но еще одного связиста встретить было мудрено, вот почему он удивился и обрадовался. Кто же это мог быть? В знак приветствия он бодро поднял большой палец правой руки и сбросил скорость до тридцати, поджидая, когда коллега поравняется с ним. Наблюдая за дорогой и за приближающимся Силуэтом, он

перебрал в уме имена британских связистов специальной службы транспортной части в штабе объединенного командования. Альберт, Сид, Уэлли. Может быть, это Уэлли — та же полная фигура? Хорошо идет! Ах да, он еще морочит голову этой девчонке в столовой: Луиза, Элиза, Лиз — как ее зовут?

Человек с оружием сбросил скорость. Сейчас их разделяло пятьдесят ярдов. Лицо преследователя, не искаженное теперь ветром, приобрело грубоватые, жесткие, в чем-то славянские очертания. В черных глазах горела красная искра. Сорок ярдов, тридцать. Одинокая сорока вылетела из леса перед молодым связистом. Она неуклюже пролетела над дорогой и скрылась в кустах за указательным знаком, который оповещал о том, что до Сен-Жермена остался один километр. Молодой человек усмехнулся и иронически поднял палец: повторное приветствие и так, на всякий случай — “одинокая сорока к беде”. В двадцати ярдах от него человек с оружием оторвал руку от руля, поднял “люгер”, аккуратно прицелился и выстрелил один раз. Руки молодого человека отбросило от руля назад к спине. Его мотоцикл сделал вираж, перепрыгнул через узкую канаву и врезался в траву и лилии, росшие в лощине. Здесь мотоцикл со скрежетом поднялся на заднее колесо и медленно, с грохотом повалился на мертвого мотоциклиста. Мотор зачихал, фыркнул напоследок, обдав дымом человека и цветы, а затем замолк.

Убийца резко развернулся в обратную сторону и остановил мотоцикл. Он закрепил его на месте и пошел по дикорастущим цветам. Наклонился над убитым, грубо открыл ему веко. Также грубо он снял с трупа черную полевую сумку из кожи, расстегнул мундир и вытащил потрепанный кожаный кошелек. Резко сдернул дешевые наручные часы с левой руки, так что хромовый браслет разлетелся пополам. Он встал и перекинул полевую сумку через плечо. Пока клал кошелек и часы в карман мундира, постоянно прислушивался. Ни звука, кроме лесных шорохов да тихого постукивания горячего металла разбитой машины. Убийца вернулся на дорогу. Он шел медленно, забрасывая листьями следы от шин на мягкой земле и траве. Особое внимание он обратил на более глубокие следы в канаве и на бордюре. Затем остановился около своего мотоцикла и оглянулся назад — на поле, усыпанное лилиями. Неплохо! Сюда смогут добраться лишь полицейские собаки, а для этого потребуются часы или, возможно, дни. Времени, чтобы проехать необходимые десять миль, хватит с избытком. Главное в таких делах — иметь достаточный запас времени. Он мог бы застрелить человека на расстоянии сорока ярдов, но предпочел двадцать. А то, что прихватил часы и кошелек, только усложнит поиск — работал настоящий профессионал.

Довольный собой, он снял мотоцикл с упора, уселся на сиденье и нажал на стартер. Медленно, чтобы не оставить следов, он вновь выехал на дорогу и через минуту уже мчался со скоростью семьдесят миль, и ветер опять раздвигал его щеки в ухмылке. Лес, затаивший дыхание во время убийства, медленно оживал.

Джеймс Бонд выпил свою первую рюмку “У Фуке”. Напиток не был крепким. Невозможно серьезно напиться во французском кафе. Сколько можно проглотить водки, виски или джина в городе и на солнышке? Виски с содовой еще пойдет — крепко, но не так забористо. Полбутылки шампанского или шампанское плюс апельсиновый сок хороши перед завтраком, но вечером с шампанским может быть перебор. Шампанское вредно на сон грядущий. Можно, конечно, перейти на “Перно”, но такое вино нужно пить в компании, да и Бонду этот напиток был вовсе не по вкусу, он горчил, как микстура в детстве. Нет, в кафе надо пить что-нибудь приятное, и Бонд всегда брал одно и то же — вполне по-американски — горький “Самоари”: “Чинзано”, ломтик лимона и сода. Он всегда брал дорогую содовую воду “Перрье”, так как считал, что дорогая содовая вода — это самый дешевый способ улучшить плохой напиток.

Когда Бонд бывал в Париже, он неизменно ходил по одним и тем же адресам.

Останавливался в гостинице “Терминус Норд”, потому что ему нравились привокзальные гостиницы: они были не столь претенциозны и даже неприметны. Завтракал обычно в кафе “Пэ”, “Ротонда” или “Дом”, так как еда там была довольно сносной и, кроме того, предоставлялась возможность наблюдать за людьми. Если ему хотелось выпить что-нибудь покрепче, он отправлялся в бар “Хэрри”, и делал это по двум причинам. Во-первых, потому что напитки там действительно были крепкие, и, во-вторых, потому что в свой первый визит в Париж, когда ему едва исполнилось шестнадцать, он сделал то, к чему призывала реклама этого бара в газете “Континентел дейли мейл”, — сказал шоферу такси: “Сэнк рю дю ну”. С этого начался один из самых незабываемых вечеров в его жизни, который кончился тем, что он потерял невинность и бумажник почти одновременно. А обедать Бонд ходил только в самые шикарные рестораны — “Вефур”, “Канетон”, “Лука-Картон” или “Кошон д'Ор”. Он считал, что эти рестораны, что бы ни говорил справочник “Мишелин” о ресторанах “Тур д'Аржан”, “Максим” и им подобных, не утратили своего блеска, несмотря на обилие чеков и долларов, оставленных в них. В любом случае он предпочитал их кухню. После обеда он обычно направлялся на площадь Пигаль, дабы посмотреть, что там еще может с ним произойти. Когда, как обычно, ничего особенного не случалось, он шел пешком по улицам Парижа до Северного вокзала, приходил домой и ложился спать.

Сегодня вечером Бонд решил выйти за рамки этого рутинного времяпрепровождения и устроить себе настоящий старомодный праздник. Он ехал через Париж после провалившегося задания на австро-венгерской границе. Бонда специально направили из Лондона руководить операцией и контролировать действия начальника поста “V”. Это решение, конечно, не могло понравиться венскому персоналу поста. Произошли недоразумения — намеренные. В пограничной минной зоне погиб человек. Теперь начнет работу следственная комиссия. Бонд должен был вернуться в Лондон на следующий день, чтобы доложить о случившемся, и эта мысль угнетала его. Сегодня был такой прекрасный день — один из тех, когда почти начинаешь верить, что Париж красив и весел, — и Бонд решил дать городу последний шанс. Он найдет себе девушку, стоящий вариант, пригласит ее на обед в какое-нибудь фантастическое место в Буа, наподобие “Арменонвилля”. Дабы сразу избежать ее вопрошающего выражения лица — деньги всегда вперед, — он как можно скорее даст ей пятьдесят тысяч франков. Потом непременно скажет: “Я хотел бы называть тебя Донатьенна или Соланж, потому что именно эти имена созвучны моему настроению и этому вечеру. Представь, что мы давно знакомы, и ты одолжила мне эту сумму, так как я был в затруднительном положении. Вот эти деньги, а теперь расскажем друг другу все, что с нами происходило с тех пор, как мы виделись в последний раз в Сант-Тропе год назад. А пока — вот меню и карта вин, можешь выбрать все, от чего мгновенно станешь счастливой и толстой”. И ей сразу станет легче при мысли о том, что на сей раз не придется прикладывать никаких усилий, она засмеется и скажет: “Но, Джеймс, я не хочу толстеть”. И вот так начнут они с мифа “Весенний Париж”, и Бонд не станет напиваться, но проявит неподдельный интерес и к самой девушке, и ко всему, что она будет говорить. И Бог мой, он не окажется виноват, когда к концу дня выяснится, что от древней сказки “Хорошее времяпрепровождение в Париже” не останется и следа.

Сидя “У Фуке” и ожидая свой коктейль “Американо”. Бонд улыбался этим безумным мыслям. Он знал, что просто фантазирует, находя занимательной мысль о том, что еще сведет счеты с городом, который ненавидел с военных лет. С 1945 года у него не было ни одного счастливого дня в Париже. И дело не в том, что сей город продажный. Многие города нисколько не лучше. Но у Парижа нет сердца — он заложен туристам, заложен русским, румынам и болгарам, заложен подонкам со всего мира, которые постепенно захватили этот населенный пункт. И город, конечно,

заложен немцам. Это видно в глазах людей — угрюмых, завистливых, стыдливых. Архитектура! Бонд взглянул через дорогу на ряды черных полированных машин, ослепительно блестящих на солнце. Повсюду так же, как на Елисейских полях. Настоящее лицо города можно увидеть только в течение двух часов — между пятью и семью утра. После семи он тонул в ревящем потоке черного металла, с которым не могут соревноваться ни красивые здания, ни широкие, окаймленные деревьями бульвары. Поднос официанта с лязгом опустился на мраморный столик. Ловким движением одной руки, которое Бонду никогда не удавалось, официант открыл бутылку “Перрье”. Он положил счет под ведро со льдом, сказал механически: “Пожалуйста, мсье” и быстро отошел. Бонд бросил лед в напиток, налил до краев соды и сделал большой глоток. Он откинулся назад и закурил. Вечер, конечно, будет испорчен. Даже если он найдет девушку через час или около того, содержание ее не будет соответствовать внешнему виду. При ближайшем рассмотрении выяснится, что у нее грубая, влажная, пористая кожа французской буржуа, а светлые волосы под модным вельветовым беретом на самом деле у корней коричневые и такие же жесткие, как струны фортепьяно. Запах мяты не перебивает запаха чеснока, который она ела на обед. Соблазнительная фигура будет замысловато обтянута корсетом. Она окажется откуда-нибудь из Лилля и будет его спрашивать, не американец ли он. И — Бонд улыбнулся про себя — или она, или ее сутенер, возможно, стащат его кошелек. Замкнутый круг! Он очутится там, где начинал. Более или менее. Ну и пошли все к черту!

Потрепанный черный “пежо-403” неожиданно выскочил из своего ряда, пересек ближнюю к тротуару полосу движения и затормозил у обочины. Раздался обычный визг тормозов, гневные возгласы и крики. Совершенно спокойно из машины вышла девушка и решительно двинулась по тротуару, не обращая никакого внимания на поток машин, который привела в такой беспорядок. Бонд выпрямился. У нее было все, абсолютно все, что он мог только себе вообразить. Довольно высокая, и хотя на ней был легкий плащ, то, как она шла и держалась, говорило о красивой фигуре. Лицо веселое и смелое, и именно так она вела свою машину, но сейчас, когда она шла сквозь двигающуюся по тротуару толпу, в сжатых губах сквозило нетерпение, а в глазах горело беспокойство.

Бонд внимательно следил за ее передвижениями: вот она подошла к столикам и появилась в проходе. Конечно, надежды у него никакой. Она пришла на встречу с кем-то, вероятно, со своим любовником. Такие женщины всегда принадлежат другому. Она опоздала. Поэтому так торопилась. Черт возьми, какие длинные светлые волосы под модным беретом. Ух, вот это везение — она смотрела прямо на него. Она улыбалась...

Прежде чем Бонд успел собраться с мыслями, девушка подошла к его столику, отодвинула стул и села. Она несколько натянуто улыбнулась, глядя в его встревоженные глаза.

— Извините, что опоздала, боюсь, нам надо ехать немедленно. Вас вызывают. — И тихо добавила:

— “Аварийный прыжок”.

Бонд усилием воли вернул себя в реальный мир. Кем бы она ни была — работала на “фирму”. “Аварийный прыжок” — это сленг. Секретная служба заимствовала выражение у подводников. Означало оно плохие новости — хуже не бывает. Бонд порылся в кармане, положил несколько монет на стол и произнес:

— Хорошо. Идемте.

Они поднялись, и он последовал за ней к машине, которая все еще мешала движению. Теперь в любую минуту мог появиться полицейский. Усаживались в машину, провожаемые сердитыми взглядами. Девушка не выключала двигатель. Она с ходу врубила вторую скорость и выехала на дорогу.

Бонд искоса поглядывал на нее. Бледная кожа выглядела бархатной. Светлые волосы казались шелковыми до самых корней.

— Откуда вы и что все это значит? Не сводя глаз с дороги, она ответила:

— Я с поста. Второй помощник. Служебный номер 765. Вне службы — Мери-Энн Рассел. И я понятия не имею, что происходит. Только-только получила сигнал из Центра от М, начальнику поста. Сверхсрочно. Он должен найти вас немедленно и, если нужно, прибегнуть к услугам французской “Двоечки” — их спецслужбы. Начальник поста “Р” сказал, что вы всегда ходите в одни и те же места в Париже, и я и еще одна сотрудница получили соответствующий список. — Она улыбнулась. — Я только что была в баре “Хэрри”, а после “Фуке” собиралась искать вас в больших ресторанах. Как хорошо, что все так быстро уладилось. — Она взглянула на него. — Надеюсь, что выглядела не очень неуклюже.

— Выбыли прекрасны. А что стали бы делать, окажись я не один?

Девушка засмеялась.

— Поступила бы точно так же, но величала бы вас “сэром”. Не знаю только, что придумала бы, чтобы избавиться от той особы. Если бы она устроила сцену, предложила бы отвезти ее на моей машине, а вам взять такси.

— Вы очень изобретательны. Сколько лет на службе?

— Пять. Но этот пост — первый.

— Как вам здесь нравится?

— Работа вполне устраивает. Вечера, дни проходят незаметно. В Париже нелегко завести друзей, — на ее губах появилась ироническая улыбка, — не обещая всего остального. — Она поспешно добавила:

— Я не ханжа, но французы мне просто надоели. Пришлось отказаться от метро и автобусов. В любое время суток вся попка исщипана. — Она улыбнулась. — От подобного внимания устаешь, и, кроме того, я не знаю, что говорить мужчинам в таких случаях, ведь иногда бывает очень больно. Это уж слишком. Чтобы избежать всего этого, купила по дешевке машину, и другие авто держатся от меня подальше. Пока не встретишься взглядом с другим водителем, можно помериться силами с самыми противными из них. Они хотят быть замеченными. Однако опасаются страшного вида машины. И тогда можно отдохнуть.

Они доехали до Ронд-Пойнт. Как бы подтверждая свою теорию вождения, она пересекла его по диагонали и выехала прямо навстречу движению с площади Конкорд. Машины, оторопев, расступились и дали ей проехать на авеню Матильон.

Бонд сказал:

— Здорово. Но не превращайте это в привычку. Здесь могут оказаться свои французские Мери-Энн.

Она засмеялась. И повернула на авеню Габриэль, остановившись у парижской штаб-квартиры Секретной службы.

— Я совершаю такие маневры только на службе. Бонд вышел из машины, обошел ее и оказался рядом с дверцей водителя.

— Спасибо, что подвезли. Когда эта буря пронесется, могу вернуть долг и подвезти вас. Хотя щипать меня некому, но в Париже, кажется, пропаду от одиночества.

Ее широко расставленные глаза были голубого цвета. Она внимательно посмотрела на Бонда и произнесла без тени иронии:

— Я не против. На коммутаторе меня всегда найдут. Бонд дотянулся до ее руки, лежавшей на руле, и пожал ее.

— Вот и прекрасно, — произнес он, повернулся и быстро пошел прямо в арку.

Подполковник авиации Ратгрей, начальник поста “Г”, был толстоват, розовощек, имел светлые волосы, которые зачесывал назад. Одевался он манерно, носил брюки с отворотами и двубортный пиджак. Прибавьте к этому бабочку и яркий жилет. Он

производил впечатление общительного человека, ни в чем себе не отказывающего. Несколько томные, с хитринкой, голубые глаза не вызвали, однако, доверия. Он постоянно курил сигареты “Голуаз”, и его кабинет провонял ими. Появлению Бонда он обрадовался.

— Кто нашел вас?

— Рассел. У “Фуке”. Она новенькая?

— Шесть месяцев. Отменный работник. Но садитесь. Черт знает, что творится, я должен все подробно рассказать и — в путь, в путь.

Он наклонился к внутреннему телефону, нажал на переключатель.

— Сообщите для М., пожалуйста. Лично от начальника поста: “Обнаружен 007. Получает инструкции”.

И отпустил переключатель.

Бонд отодвинул стул к открытому окну, подальше от дыма “Голуаз”. За стеной слышался мягкий шум машин, едущих по Елисейским полям. Полчаса назад он был сыт Парижем по горло и подумывал об отъезде. Теперь он надеялся, что останется. Начальник поста “F” сказал:

— Кто-то убил вчера нашего утреннего связиста, это произошло на дороге между штабом верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами и сенжерменским отделением. Среди похищенных документов — еженедельная информация разведывательного дивизиона штаба с отчетами объединенной разведки, оперативные инструкции в отношении “железного занавеса”, — словом, вся секретная информация. Один выстрел в спину. Взяли его полевую сумку, кошелек и часы.

Бонд сказал:

— Скверно. Ясно, что это не обычное ограбление. Наверное, полагают, что кошелек и часы взяты для отвода глаз?

— Служба безопасности штаба еще не пришла к такому выводу. Но, в общем, они склоняются к тому, что так оно и есть. Семь утра — неподходящее время для ограбления. Но вы можете оспорить их мнение при встрече. М, посылает вас в качестве своего личного представителя. Он очень волнуется. Мало того, что произошла утечка информации, случай этот играет на руку деятелям из разведорганов, им никогда не нравилось, что один из постов действует слишком самостоятельно. В течение многих лет они пытались присоединить сен-жерменское отделение к разведке штаба объединенного командования. Но вы-то знаете, каков М. — во всем хочет независимости, старый черт. Ему никогда не нравилась Служба безопасности НАТО. Подумать только, прямо в разведке штаба пасутся не только пара французов и один итальянец, но и немец, начальник Отдела контрразведки и безопасности. Бонд присвистнул.

— Проблема в том, что штаб пытается подчинить М, себе. В любом случае, сказал М., вы должны отправиться туда немедленно. Я организовал вам разрешение, получил пропуск. Вам нужно явиться к полковнику Шрайберу, Отдел безопасности штаба командования. Американец. Толковый парень. Он занимается этим с самого начала. Насколько мне известно, он уже сделал все, что можно было сделать.

— Что же он сделал? И что произошло? Начальник поста “F” взял карту со стола и подошел к Бонду. Это была крупномасштабная карта пригородов Парижа. Он указал карандашом:

— Вот Версаль, а здесь, к северу от парка, большая развязка трассы Париж — Мант и дорог, ведущих в Версаль. Где-то в двухстах ярдах к северу отсюда, на Н-184, находится штаб объединенного командования НАТО. В семь утра каждую среду связист специальной службы выезжает из штаба с разведданными за неделю, о чем я вам говорил. Ему нужно добраться до маленькой деревушки Фурке в окрестности Сен-Жермена, вручить пакет дежурному офицеру нашего штаба и вернуться назад в

штаб объединенного командования к семи тридцати. Чтобы не ехать через этот застроенный район, он должен в целях безопасности двигаться по маршруту Н-307 до Сен-Нома, повернуть направо на Д-98, проехать под трассой и через лес Сен-Жермена. Это расстояние составляет около восьми миль, и не торопясь он может проехать его менее чем за четверть часа. Так вот, вчера это был капрал из службы связи, хороший, крепкий парень по имени Бейтс. Когда он не вернулся в штаб к семи сорока пяти, они послали еще одного мотоциклиста, чтобы найти его. Следов не обнаружилось, и у нас его тоже не было. К восьми пятнадцати была подключена Служба безопасности, а к девяти выставлены дозоры на дорогах. Об инциденте было сообщено полиции и “Двойке”, по маршруту отправились группы поиска. Собаки обнаружили его, но только где-то около шести вечера, а к тому времени, если и были какие-то следы на дороге, все смел проходивший транспорт.

Начальник поста “F” протянул карту Бонду и вернулся к своему столу.

— И это почти все, плюс разве что обычные в таких случаях меры — усилен контроль на границе, в портах, на аэродромах и так далее. Но это не поможет. Работали профессионально. Кто бы это ни сделал, времени хватит, чтобы вывезти всю информацию из страны уже в полдень или в течение часа через посольство в Париже. — Уж это как пить дать, — не сдержался Бонд. — А что М, ждет от меня? Чтобы я поведал обо всем в штабе объединенного командования и сделал это лучше вас? Я тут, пожалуй, ни при чем, пустая трата времени.

Начальник поста “F” сочувственно улыбнулся.

— Я высказал М, фактически ту же точку зрения. Тактично. Старик все понимает. Сказал, что хочет показать штабу, что он относится к этому делу так же серьезно, как и они. Вы оказались под рукой, и он подумал, что именно вы вдруг сможете пролить свет на это дело. Я спросил его, что он имеет в виду, и он ответил, что во всех хорошо охраняемых штабах должен быть незаметный человек, человек, которого все принимают за своего и не замечают, — садовник, мойщик окон, почтальон. Я сказал, что в штабе это предусмотрели и работы такого рода выполняются рядовым составом. М, буркнул, что не нужно понимать все буквально, и повесил трубку.

Бонд засмеялся. Он представил себе недовольный вид М, и словно услышал его резкий голос.

— Хорошо. Я посмотрю, что смогу сделать. Кому мне докладывать?

— Докладывайте сюда. М, не хочет вовлекать отдел в Сен-Жермене. Все, что захотите сообщить, я сразу буду отсылать в Лондон. Но меня может и не быть, посажу на телефон дежурного офицера, с ним вы сможете связаться в любое время дня и ночи. Пожалуй, для этого подойдет Рассел. Она нашла вас. Вот и работайте вместе. Подходит?

— Да, — ответил Бонд. — Она подойдет.

Потрепанный “пежо”, который вел сейчас Раттрей, сохранил ее запах. Ее вещи лежали и в бардачке — полплитки молочного шоколада “Сухард”, заколки, завернутые в салфетку, роман Джона О’Хара в мягкой обложке, одна перчатка из черной замши. Бонд думал о ней всю дорогу до Этуалья, а потом, пока они проскакивали Буа, выбросил все эти мысли из головы. По словам Раттрея, через пятнадцать минут, если ехать со скоростью пятьдесят миль, они должны быть на месте. Бонд попросил сбросить скорость наполовину, дабы увеличить время вдвое, и передать полковнику Шрайберу, что он будет у него в девять тридцать. После Порт-де-Сент-Клауд движение было небольшое, и они двигались по автотрассе со скоростью семьдесят миль, пока не доехали до поворота, где стоял красный знак, указывавший дорогу к штабу. Шоссе пошло под уклон, и они уже мчались по маршруту Н-184. Вскоре в центре дороги ярдах в двухстах от них возник регулировщик, о котором говорили Бонду. Через большие ворота, появившиеся слева, Бонд въехал на закрытую территорию и затормозил у первого поста. Американский

полицейский в серой форме поднял в приветствии руку и взглянул на его пропуск. Он попросил Бонда проехать чуть дальше и остановиться. Теперь его пропуск взял французский полицейский, сделал пометки на бланке, прикрепленном к доске, и положил ему на переднее стекло большой пластиковый номерной знак: можно было трогаться дальше. Как только Бонд въехал на стоянку, неожиданно, как в театре, вспыхнула сотня дуговых ламп и осветила, как белым днем, поселок, лежащий перед ним. Чувствуя себя словно голым, Бонд прошел по гравию под флагами стран НАТО, взбежал по четырем маленьким ступенькам к широким стеклянным дверям, которые вели в штаб верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Здесь находился главный пост охраны. Американская и французская военная полиция еще раз проверила его пропуск и сделала пометки. Его передали британскому представителю военной полиции, и тот повел Бонда по основному коридору мимо бесконечных дверей кабинетов, на которых не было никаких имен, только обычная для всех штабов абракадабра условных обозначений. Одна из них звучала так: КОМСТРИКФЛТАНТ и САКЛАНТ СВЯЗЬ САКЕЮР.

Бонд спросил, что это значит. Представитель военной полиции или действительно не ведал о том, или просто в целях безопасности произнес бесстрастно:

— Не могу знать, сэр.

За другой дверью, уже с табличкой “Полковник Дж. А. Шрайбер, начальник Службы безопасности, штаб главнокомандующего”, Бонда встретил подтянутый американец средних лет с седеющими волосами и приторно вежливой манерой управляющего банком. На столе у него стояли несколько семейных фотографий в серебряных рамках и ваза с одной белой розой. В комнате не чувствовалось запаха табака. После первых слов приветствий Бонд поспешил поздравить полковника с отлично организованной охраной.

— Все эти проверки и перепроверки для противника должны быть как кость в горле. Вероятно, здесь не было ни одного ЧП, или я не прав?

— Нет, на оба ваши вопроса, командер. Я доволен обстановкой в штабе. Беспокойство вызывают только внешние подразделения. Кроме этого отдела вашей Секретной службы, у нас еще несколько местных частей связи. Потом здесь работают, конечно, сотрудники министерств внутренних дел четырнадцати различных государств. Я не могу отвечать за их действия.

— Да, нелегкая работа, — согласился Бонд. — Теперь об этом деле. Есть что-нибудь новенькое? Я располагаю лишь той информацией, что сообщил мне подполковник Раттрей.

— В связиста стреляли из “люгера”. Перебит позвоночник. Выстрел, вероятно, сделан с расстояния тридцати ярдов, плюс-минус десять ярдов. Если наш человек ехал, никуда не сворачивая, то пуля была выпущена сзади по горизонтальной траектории. Поскольку убийца, не мог стоять на дороге, стрелял он, по-видимому, из машины или с любого движущегося транспорта.

— Тогда ваш человек мог видеть его в зеркале заднего обзора?

— Возможно.

— Если ваши мотоциклисты обнаруживают за собой слежку, какие у них на этот счет инструкции? Как уходить от погони?

Полковник слегка улыбнулся.

— Они должны включить все обороты и сматываться немедленно.

— И на какой же скорости упал ваш человек?

— Они предполагают, что он ехал не очень быстро. Двадцать, может быть — сорок миль. К чему вы клоните, командер?

— Мне вдруг пришло в голову, задумывались ли вы о том, кто так сработал: профессионал или любитель? Если ваш человек не пытался уйти и если он видел

убийцу в зеркале, что, конечно, только мое предположение, то из этого следует, что он принял преследовавшего его типа за друга, а не за противника. А это значит, что его бдительность усыпили, придумали нечто такое, что выглядело вполне естественно, вписывалось в ситуацию, которая могла возникнуть на дороге в то раннее утро.

На гладком лбу полковника Шрайбера появилась небольшая морщинка.

— Коммандер. — Голос его звучал напряженно. — Мы, конечно, проанализируем все детали этого инцидента, включая и ту, что вы упомянули. Вчера в полдень генерал приказал бросить на расследование происшествия все силы: созданы постоянные комиссии по охране и безопасности, с этого момента любая дополнительная информация, любая зацепка в деле изучаются основательно. И я хочу сказать вам, коммандер, — полковник поднял ухоженную руку с наманикюренными ногтями и мягко опустил ее на блокнот, лежавший перед ним, — что человек, который выдвинет хоть мало-мальски оригинальную версию происшедшего, окажется просто родственником Эйнштейна. Однако пока нет решительно ничего, я повторяю — ничего, на что можно было бы опереться.

Бонд сочувствующе улыбнулся и поднялся.

— В таком случае позвольте откланяться, полковник. Единственная просьба — разрешите взглянуть на протоколы всех совещаний по этому вопросу, чтобы быть в курсе, и еще — пусть кто-нибудь покажет, где здесь можно перекусить, и проводит меня в отведенную комнату.

— Конечно, конечно.

Полковник нажал на кнопку. Вошел молодой адъютант с короткой стрижкой.

— Проктор, покажите коммандеру его комнату в крыле здания для особо важных гостей, а затем проводите в бар и столовую. — Он повернулся к Бонду:

— Бумаги подготовят для вас после ужина. Они будут в моем кабинете. Их нельзя выносить отсюда, но все, что надо, вы найдете в соседнем помещении, и Проктор поможет вам, если возникнет необходимость. — Он протянул руку. — Договорились? Жду вас у себя утром.

Бонд откланялся и вышел вслед за адъютантом. Пока шествовал по коридорам, которые были выкрашены в нейтральный цвет и даже имели нейтральный запах, думал о том, что это, возможно, самое безнадёжное задание, какое ему когда-либо поручали. Если лучшие умы разведки четырнадцати стран поставлены в тупик, каковы же его шансы? Наслаждаясь спартанской роскошью обители для заезжих чинов. Бонд решил, что поработает здесь пару деньков лишь для того, чтобы почаще видеть Мери-Энн Рассел, а потом отправится восвояси. И придя к этому решению, он быстро заснул глубоким и спокойным сном. Не два, а четыре дня спустя, с восходом солнца. Бонд лежал на толстой ветке дуба, наблюдая за небольшой просекой, которая терялась между деревьями вдоль дороги Д-98, дороги, на которой было совершено убийство.

С головы до ног он был одет как парашютист — в зеленое, коричневое и черное. Даже руки его были покрашены в эти цвета, а на голову надет капюшон. Это был хороший камуфляж, а когда взойдет солнце и тени станут темнее, маскировка только улучшится, и Бонда нельзя будет заметить с земли, даже если стоять прямо под деревом.

Здесь же он оказался следующим образом.

Первые два дня, проведенные в штабе, как и ожидалось, были пустой тратой времени. Бонд не только ничего не добился, но даже стал непопулярен, так как настойчиво задавал одни и те же вопросы. На третий день утром он уже собирался распрощаться со всеми и уехать, как вдруг ему позвонил полковник.

— Коммандер, думаю, что должен поставить вас в известность: вчера поздно ночью прибыла последняя розыскная группа, работавшая с собаками, они еще раз

прочесали весь лес, как вы настаивали. Должен огорчить, — в голосе его не было и капли сожаления, — ваши предположения не подтвердились, совершенно не подтвердились.

— Значит, напрасно теряли время. Однако, если не возражаете, — добавил Бонд, чтобы досадить полковнику, — я хотел бы поговорить с кинологом.

— Конечно, конечно. Он в вашем распоряжении. Кстати, командер, а как долго вы намерены оставаться у нас? Конечно, гостям мы всегда рады. Вот только места может не хватить. Ума не приложу, где вас разместить, — ведь через несколько дней сюда приезжает большая группа из Голландии. Высшее начальство или что-то в этом роде, и администрация утверждает, что расселять их негде.

Бонд и не думал, что найдет с полковником общий язык, к этому он вовсе не стремился. И поэтому мирно произнес:

— Я доложу об этом своему шефу и тут же перезвоню вам, полковник.

— Пожалуйста, будьте любезны.

Голос полковника прозвучал также вежливо, но оба еле сдерживали себя — телефонные трубки были брошены почти одновременно.

Главный кинолог оказался французом из Ландеза. У него были шустрые, хитрые глазки браконьера. Бонд встретился с ним у псарни, но овчарки чувствовали близость кинолога, и он повел Бонда туда, где не был слышен их лай, — в дежурную комнату, небольшое служебное помещение, на стенах которого висели бинокли, на лавках лежали плащи, резиновые сапоги, ошейники и другие предметы. В комнатке стояло всего два стула и стол, покрытый крупномасштабной картой Сен-Жерменского леса. Карта была разбита карандашом на квадраты. Кинолог жестом показал на карту.

— Наши собаки прочесали все. Ничего нет, мсье.

— Вы хотите сказать, что они это сделали не один раз?

Кинолог почесал в затылке.

— У нас возникли проблемы с дичью. Собаки подняли парочку зайцев. Были и лисьи норы. Кроме того, еле отвели их от просеки около Каррефур-Руаяль. Возможно, они еще чувствовали запах цыган.

— О! — Бонд сделал вид, что это его мало интересует. — Кстати, где это? И кто были эти цыгане?

Кинолог изящно вытянул смуглый маленький палец.

— Это старые названия. Вот Этуаль-Парфе, а здесь, где произошло убийство, находится Каррефур-де-Кюрье. Здесь же, как бы образуя нижнюю часть треугольника, расположен Каррефур-Руаяль, который, — добавил он драматически, — как бы образует крест с дорогой смерти.

Он вытащил из кармана карандаш и поставил точку рядом с пересечением дорог.

— А это просека, мсье. Здесь жили цыгане большую часть зимы. Они ушли в прошлом месяце. Все убрали за собой, но для собак запахи их еще долго не выветрятся.

Бонд поблагодарил его, выразил желание взглянуть на собак, долго восторгался ими, поговорил о профессии кинолога, затем сел в “пежо” и уехал в жандармерию Сен-Жермена. Да, конечно, там знали о цыганах. Очень похожи на румын. Почти ни слова не знали по-французски, но вели себя хорошо. Жалоб не было. Шесть мужчин и две женщины. Нет, никто не видел, как они уходили. Однажды утром их просто не оказалось на месте. Может быть, снялись еще за неделю до происшедшего, шут их знает. В том районе редко кто бывает.

Бонд поехал по дороге Д-98 через лес. Когда впереди на расстоянии четверти мили появился большой автострадный мост через дорогу, Бонд увеличил скорость, затем выключил двигатель и тихо покатил по Каррефур-Руаяль. Он остановился, вышел из машины, стараясь не шуметь и чувствуя себя довольно глупо, мягко вошел

в лес и с большой осторожностью направился к тому месту, где находилась просека. Через двадцать ярдов он приблизился к ней. Постоял на опушке меж кустарниками и деревьями, внимательно все осмотрел. Затем вышел на просеку и прогулялся по ней от начала до конца. Просека, заросшая густой травой и мхом, выглядела словно два теннисных корта. Перед ним лежал просторный участок земли, покрытый ландышами, а под деревьями росли колокольчики. Чуть в стороне располагался низкий холм, похожий на курган, полностью окруженный и заросший куманикой и пышно цветущим шиповником. Бонд прошелся вокруг, что-то поискал у корней деревьев, но не увидел там ничего, кроме земляного основания холма.

Бросив последний взгляд, он двинулся в угол прогалины, который находился ближе всего к дороге. Здесь легче было пройти между деревьями. Может быть, кто-то проложил тропку — довольно плотно примяты опавшие листья? Да нет, пожалуй, разве что прошли мимо цыгане или кто-нибудь устроил здесь когда-то веселый пикничок. С краю дороги между двумя деревьями оказался узкий проход. Не придавая своим действиям особого значения, Бонд наклонился, чтобы рассмотреть стволы. Он напрягся и присел. Осторожно скосил ногтем тонкую полоску затвердевшей грязи на стволе дерева. За ней скрывалась глубокая царапина. Свободной рукой он размял упавшую грязь. Сплюнул, размочил ее и осторожно заполнил царапину снова. На одном дереве было три замаскированные царапины, а на другом — четыре. Бонд быстро вышел на открытую дорогу. Его машина стояла на небольшом уклоне, который вел прямо к автострадному мосту. Сюда почти не доносился шум транспорта на шоссе. Бонд толкнул машину, впрыгнул в нее и включил двигатель только тогда, когда оказался под мостом.

Он мысленно перенесся назад, на просеку. Вот он проезжает над ней, но все еще не уверен в своих предчувствиях. Напутствие М, вроде бы навело его на след — если это след — и еще то упоминание о цыганах.

Собаки чувствовали именно запах цыган... Большую часть зимы... Они ушли месяц назад. Жалоб не было... Однажды утром их просто... Невидимый фактор. Невидимый человек. Люди, составляющие неотъемлемую часть фона. Никто даже не знает, там они или нет. Шесть мужчин и две женщины, совсем не говорили по-французски. Хорошее прикрытие, цыгане. Иностранец и одновременно не иностранец, просто цыган. Одни из них уехали в фургоне. Другие остались, построили зимний лагерь, тайное место, первой вылазкой из которого стало похищение секретных донесений. Бонд полагал, что просто фантазирует, пока не обнаружил царапины — тщательно замаскированные царапины на двух деревьях. Они располагались как раз на такой высоте, на которой могли зацепиться за ствол педали, скажем, велосипеда, переноси его кто-нибудь. Возможно, он придумал все это, высосал из пальца, но на то он и Бонд. Единственный вопрос, который вертелся теперь у него в голове, это — совершили ли те люди одиночную вылазку или они, будучи уверенными в своей безопасности, предпримут и вторую попытку.

Он сообщил о своих размышлениях — по секрету — на пост “F”. Мери-Энн Рассел посоветовала вести себя осторожнее. Начальник поста “F” сказал, что силы его подразделения в Сен-Жермене всегда к услугам Бонда. Попрошавшись с полковником Шрайбером, Бонд перебрался в помещение поста (где ночевать приходилось почти по-походному), располагавшееся в неприметном домике на тихой деревенской улице. Сотрудники поста обеспечивали необходимое прикрытие, все четверо, давно связавшие жизнь с Секретной службой, без лишних вопросов отдали себя в распоряжение Бонда. Как и он, они прекрасно понимали, что, если удастся обставить Службу безопасности штаба главнокомандующего, это явится таким бесценным достижением Секретной службы, что все страхи М., связанные с нападениями на его людей и попытками ущемить их независимость, мгновенно улетучатся.

Бонд лежал на дубовой ветке и улыбался. Частные армии, частные войны. Сколько энергии потеряно для общего дела, сколько огня они отводят от общего врага!

Шесть тридцать. Время завтрака. Правой рукой Бонд осторожно пошарил в кармане и, достав таблетку глюкозы, как можно дольше сосал ее, затем взял другую. Глаза его не отрывались от просеки. Рыжая белка, которая появилась с рассветом и с тех пор грызла молодые побеги бука, приблизилась к кустам шиповника на холме и подо брала что-то с земли. Потом она стала поворачивать найденное в лапках и грызть. Два лесных голубя, шумно ухаживая друг за другом в густой траве, начали заниматься любовью. Пара лесных зверюшек деловито собирала разные палочки и щепочки, пташки строили гнездо в колючем кустарнике. Толстый дрозд нашел наконец червяка и, упершись лапками, тянул его к себе. Пчелы, гнездившиеся среди роз на холме, — он лежал, может быть, ярдах в двадцати от них, — жужжали непрерывно. Все вокруг казалось сказкой — розы, ландыши, птицы и снопы солнечных лучей, проникающие сквозь высокие деревья и лежащие на яркую зелень. Бонд забрался в свое укрытие в четыре утра, никогда раньше он не наблюдал так близко переход от ночи к чудесному дню. И вдруг он почувствовал себя довольно глупо: в любой момент любая пташка может подлететь и сесть ему на голову!

Первыми встревожились голуби. Громко хлопая крыльями, они взлетели и укрылись на деревьях. За ними последовали другие птицы, убежала и белка. Теперь на просеке стало тихо, доносилось только жужжание пчел. Что произвело такое волнение? Сердце Бонда сильно забилося. Он принялся внимательно осматривать просеку в поисках разгадки. Что-то пошевелилось в кустах роз. Это было едва заметное, но очень необычное движение. Медленно, дюйм за дюймом поднимался среди высоких веток один колючий стебель, неестественно прямой и довольно толстый. Он поднимался, пока не возвысился над кустом на один фут. Потом остановился. На конце стебля торчала одна роза. Отделенная от куста, она выглядела как-то искусственно, но только для того, кто наблюдал весь предшествующий процесс. При случайном взгляде этот отдельный стебелек вряд ли привлек внимание. Но вот лепестки розы начали бесшумно вращаться и расширяться, желтые пестики раздвинулись, и солнце сверкнуло на стеклянных линзах размером в шиллинг. Линзы, казалось, смотрели прямо на Бонда, потом очень, очень медленно роза-глазок начала поворачиваться до тех пор, пока линзы снова не остановились на Бонде — круговой осмотр просеки был окончен. Как будто бы удовлетворенные, полусонные лепестки стали мягко вращаться и накрыли глазок, а затем одинокая роза тихо и спокойно опустилась и соединилась с другими цветами.

Дыхание Бонда участилось. На мгновение он прикрыл глаза, чтобы дать им отдохнуть. Цыгане! Будь он проклят, если это оборудование не доказательство того, что глубоко под землей, внутри холма, располагается такое шпионское укрытие, какое еще не приходилось видеть. Это будет почище всего того, что подготовила Англия на случай успешного наступления немцев, и намного лучше приспособлений самих немцев, оставленных ими в Арденнах. По спине Бонда пробежала дрожь — смешались вместе восторг охоты и чувство опасности, почти страха. Итак, он был прав! Что же теперь предпринять?

В это время со стороны холма послышался тонкий, высокий, надрывный звук, звук электрического двигателя, работающего на больших оборотах. Розовый куст слегка задрожал. Пчелы взлетели, покружились и снова сели. Медленно в центре куста образовался неровный излом, который постепенно расширялся. Две половины куста открывались, как двойные двери. Сейчас в них зияло темное отверстие. Бонд увидел корни куста, сбегające в землю с двух сторон открывшегося входа. Звук мотора стал громче, и из-за выгнутых дверей появился блестящий металл. Все это

напоминало открывающиеся половинки пасхального яйца. Через минуту оба сегмента отошли друг от друга, и две половинки розового куста со все еще сидящими на них пчелами широко раскрылись. И теперь солнце осветило трубу, на которой держались земля и куст. Из темной щели в проеме блеснул бледный электрический свет. Двигатель умолк. Показались голова и плечи, а затем весь человек. Он осторожно вылез наружу и присел на корточки, внимательно осматривая просеку. В руках у него был “люгер”. Удовлетворенный осмотром, он обернулся и махнул в шахту рукой. Появились голова и плечи второго человека. Он передал первому три пары приспособлений, похожих на снегоступы, и скрылся из вида. Оставшийся выбрал одну пару, встал на колени и прикрепил другие снегоступы поверх сапог. Теперь он передвигался свободно, не оставляя следов, так как трава только на мгновение сминалась под крупной сеткой, затем медленно выпрямлялась вновь. Бонд улыбнулся про себя. Умные негодяи!

Появился второй человек. За ним — третий. Они передали друг другу мотоцикл из шахты и держали его на подвесных ремнях, пока первый мужчина, явно лидер, вставал на колени и прикреплял снегоступы к их сапогам. Затем строем в одну линейку они пошли между деревьями к дороге. Было что-то ужасно зловещее в том, как мягко они ступали в тени, осторожно, по очереди поднимая и опуская большие, обвязанные ремнями ноги.

Бонд вздохнул с облегчением и положил голову на ветку, чтобы снять напряжение с шейных мышц. Так вот в чем дело! Теперь не оставалось и тени сомнений, все встало на свои места. Если двое подчиненных были одеты в серые маскхалаты, то на главаре была форма мотоциклиста королевских войск связи, и на бензиновом баке зеленого мотоцикла “БСАМ-20” вырисован регистрационный номер британской армии. Неудивительно, что связист штаба позволил подъехать ему так близко. А что они делали со своей сверхсекретной добычей? Возможно, передавали ночью по радио самое важное. Из куста роз вместо перископа поднимается антенна, переносной генератор заработает глубоко под землей, и полетят в эфир шифровки. Шифры? В этой шахте, наверное, скрыта целая куча секретов противника, вот бы попасть туда в отсутствие всей команды. И какая возможность послать ложное донесение в ГРУ, советскую военную разведку, которая, вероятно, верховодила здесь. Мысли Бонда не поспевали одна за другой.

Двое подчиненных между тем возвращались. Они вошли в шахту, и куст роз закрылся над ней. Главарь со своим мотоциклом был, наверное, уже в кустарнике около дороги. Бонд посмотрел на часы. Шесть пятьдесят пять. Ну, конечно! Он хочет выяснить, поедет ли очередной связист: либо этот тип не знает, что человек, которого он убил, совершал такие поездки раз в неделю, что маловероятно, либо предполагает, что в целях дополнительной безопасности штаб изменит заведенный порядок. В команде люди осторожные. Возможно, им было приказано собирать информацию лишь до конца лета, пока в лесу не так много туристов. Затем — перерыв, а зимой операция возобновится. Кто знает их дальнейшие планы? Достаточно того, что их главарь готовился еще к одному убийству.

Проходили минуты. В семь десять главарь появился снова. Он остановился в тени большого дерева на краю просеки и коротко свистнул, подражая птице. Куст роз сразу начал открываться, вышли двое подчиненных и проследовали к деревьям за своим начальником. Через две минуты они уже шли обратно с мотоциклом. Внимательно осмотрев все вокруг, не осталось ли следов, главарь спустился за ними в шахту, и две половинки куста роз мгновенно закрылись за ним.

Через полчаса жизнь на просеке шла как ни в чем не бывало. А еще через час, когда солнце поднялось высоко и тени стали совсем темными, Джеймс Бонд медленно сполз с ветки, мягко прыгнул в мох и осторожно исчез в лесу.

В этот вечер обычный телефонный разговор Бонда с Мери-Энн Рассел

проходил бурно. — Вы сумасшедший, — заявила она. — Я не позволю вам этого сделать. Я сообщу начальнику поста, он позвонит полковнику Шрайберу и все ему расскажет. Это работа штаба. Вы здесь ни при чем.

Бонд отвечал еще резче:

— Вы не сделаете ничего подобного. Полковник Шрайбер утверждает, что с радостью разрешит мне провести завтра утром следственный эксперимент, и я отправлюсь вместо связиста. Это все, что его интересует на данном этапе. Попытаемся воссоздать картину преступления. Впрочем, ему на все наплевать. Практически он закрыл дело. А вы будьте умницей и делайте, что говорят. Передайте мое сообщение М. Он поймет, почему я сам хочу закончить это дело. И не станет возражать!

— К черту М.! К черту вас! К черту всю эту службу! — Было слышно, что она плачет от злости. — Вы просто дети, играющие в индейцев. Брать этих людей одному! Это.., это позерство! Да, это просто позерство.

Бонд начал сердиться.

— Все, Мери-Энн, — сказа он, — передайте мое сообщение. Извините, но это приказ. — Хорошо. — В ее голосе прозвучало смирение. — Не стоит использовать преимущества своего звания. Но будьте осторожны. И уж во всяком случае захватите с собой ребят с нашего поста. Желаю удачи.

— Спасибо, Мери-Энн. И еще одна просьба — поужинать со мной завтра вечером. Ну, скажем, в “Арменонвилле”. Розовое шампанское и цыганские скрипки. Париж весной.

— Да, — сказала она серьезно. — С удовольствием. Но в таком случае тем более соблюдайте все меры предосторожности. Я вас очень прошу.

— Конечно, конечно. Не беспокойтесь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Бонд провел оставшуюся часть вечера, отрабатывая последние штрихи своего плана, давая последние указания четырем сотрудникам поста “F”.

Наступил следующий день. Не менее прекрасный. Бонд, удобно усевшись на ревущий “БСА”, с трудом мог поверить, что за Каррефур-Руаяль уже поджидает засада. Капрал из отделения связи, который передавал ему полевую сумку и напутствовал, сказал:

— Вы выглядите так, будто всю жизнь служили в войсках связи, сэр. Я бы заметил, что, пожалуй, пора подстричься, но форма сидит великолепно. Как вам нравится машина, сэр?

— Ход прекрасный. Я забыл уже, какое удовольствие испытываешь при езде на этих машинах.

— А я, сэр, предпочитаю малышку “остина”, модель А-40. — Капрал взглянул на часы. — Почти семь. — Он поднял большой палец. — Вперед!

Бонд надел очки, махнул капралу рукой, нажал на стартер, покатыл по гравию и выехал через главные ворота.

Миновав 184-ю дорогу, проскочив 307-ю через Бэлли и Нуази-ле-Роуа, он оказался у беспорядочно раскинувшегося перед ним Сен-Номом. Здесь он свернул направо на Д-98, дорогу смерти, как назвал ее кинолог. Бонд притормозил у края дороги и еще раз осмотрел длинноствольный “кольт” 45-го калибра, засунул теплое от прикосновения к телу оружие за пояс и оставил расстегнутой пуговицу мундира. На старт! Приготовиться!..

Резко срезав угол, Бонд довел скорость до пятидесяти миль. Впереди показался виадук, под которым проходила Парижская автострада. Появившееся черное отверстие туннеля проглотило Бонда. Шум от его выхлопной трубы стоял ужасный, на мгновение дохнуло сыростью и холодом. Затем он вынырнул из туннеля на солнце и пересек Каррефур-Руаяль. Впереди, на расстоянии двух миль, сверкало в лесу

блестящее гудронированное шоссе, щекотал ноздри приятный запах листьев и росы. Бонд сбавил скорость до сорока. Зеркало с левой стороны слегка тряслось от скорости. В нем не отражалось ничего, кроме пустой дороги, петлявшей между рядами деревьев и извивавшейся за ним, как зеленая струя. Никаких убийц! Стоп, без паники. Маленькая задержка? Но вот в центре изогнутого зеркала появилась маленькая черная точка — комар, который постепенно превратился в муху, потом в пчелу, потом в жука. А теперь жук стал шлемом, низко надвинутым на голову, прижатую почти к самому рулю между двумя большими черными лапами. Вот черт, приближается он быстрее, чем Бонд предполагал. Переводя глаза от зеркала на дорогу и обратно, он ждал, когда правая рука убийцы полезет за оружием...

Бонд сбросил газ — тридцать пять, тридцать, двадцать. Дорога впереди была гладкая, как металл. Последний быстрый взгляд в зеркало. Убийца снял правую руку с руля. Солнце осветило громадные страшные глаза. Теперь! Бонд резко затормозил, и мотоцикл забуксовал, надрывая двигатель. Он не успел выстрелить первым, оружие противника рывнуло дважды, и одна из пуль попала в пружины сиденья рядом с бедром Бонда. Затем прозвучал его выстрел из “кольта”, и убийца и его мотоцикл, как будто пойманные на аркан, брошенный из леса, резко вильнули с дороги, машина перепрыгнула через канаву, водитель ударился головой о ствол березы. На мгновение человек и мотоцикл как бы прилипли к стволу. Затем, сопровождаемые скрежетом металла, повалились назад в траву. Бонд слез с мотоцикла и подошел ближе. Необходимости щупать пульс не было. Пуля попала в шлем, и он разбился, как яичная скорлупа. Бонд отвернулся и засунул оружие обратно за пояс. Ему повезло. Не нужно испытывать удачу. Он сел на “БСА” и поехал вниз по дороге. Прислонив “БСА” к одному из деревьев с отметиной, Бонд неслышно направился к просеке. Остановился в тени большой березы. Облизнул губы и свистнул, стараясь это сделать так, как убийца. Подождал, прислушался. Может, что не так? Но вот куст задрожал, и раздался тонкий высокий звук. Бонд засунул правый большой палец за ремень рядом с оружием. Он надеялся, что ему не придется никого убивать. Ему казалось, что двое младших по чину не были вооружены. Если ему повезет, возьмут их спокойно.

Дверцы уже открылись. С того места, где Бонд находился, ему не было видно, что происходит в шахте, но через несколько секунд вышел первый, надевая снегоступы, за ним последовал второй. Снегоступы! Сердце Бонда на минуту остановилось. Он забыл о них! Они, должно быть, спрятаны где-то в кустах. Дурак! Заметят его промах или нет?

Эти двое, осторожно переступая, медленно подходили к нему. На расстоянии двадцати шагов тот, кто шел первым, произнес что-то еле слышно и как будто по-русски. Бонд не ответил, и они остановились. Уставились на него с удивлением, ожидая, по-видимому, ответа на пароль. Бонд почувствовал, что быть беде. Он выхватил оружие и, пригибаясь, двинулся в их сторону.

— Руки вверх!

Он размахивал “кольтом”. Идущий первым выкрикнул приказ и бросился вперед. Второй прыгнул назад к укрытию. Раздался выстрел из-за деревьев, и правая нога человека подогнулась. Люди поста вышли из укрытия и побежали к ним. Бонд упал на одно колено и ударил дулом пистолета падающее тело. Удар достиг цели, но в следующее мгновение человек уже сидел на нем. Бонд понял, что тот старается дотянуться ногтями до его глаз, увернулся и ударил снизу. Теперь рука противника схватила Бонда за правое запястье, и оружие медленно поворачивалось в его сторону. Бонд не хотел убивать. Он старался поставить оружие на предохранитель и пытался дотянуться до него большим пальцем. Ему нанесли удар сапогом по голове. Бонд выпустил пистолет и упал. Как в красном тумане, он увидел дуло пистолета у своего лица. Мелькнула мысль, что вот сейчас он умрет — умрет из-за того, что

пощадил другого!..

Неожиданно дуло исчезло, человек на нем больше не сидел. Бонд встал на колени, потом поднялся на ноги. Тело, распростертое около него, дернулось в последний раз. В комбинезоне виднелись кровавые дыры. Бонд оглянулся. Четыре сотрудника поста стояли группкой. Бонд расстегнул шлем и ощупал голову.

— Спасибо. Кто это сделал?

Ответа не последовало — общее замешательство.

Удивленный Бонд подошел к ним.

— Что случилось?

Вдруг Бонд заметил какое-то движение за ними. Показалась еще одна нога — женская. Бонд расхохотался. Парни робко улыбнулись и оглянулись назад. Там, с поднятыми вверх руками, появилась Мери-Энн Рассел, одетая в коричневую рубашку и черные джинсы. В руке у нее, похоже, был спортивный пистолет 22-го калибра. Она опустила руки и сунула пистолет за пояс. Потом подошла к Бонду и спросила, задыхаясь:

— Надеюсь, в вину это никому не поставят? Я просто не могла отпустить их одних сегодня утром. — Она умоляюще взглянула на Бонда. — В самом деле повезло, что я приехала, то есть оказалась первой. Никто и не собирался стрелять, все боялись задеть тебя.

Бонд улыбнулся ей.

— Не окажись ты здесь, наше свидание не состоялось бы. Он повернулся к парням с поста “F” и сказал вполне по-деловому:

— Ну, ладно. Слетайте кто-нибудь на мотоцикле и доложите суть того, что произошло, полковнику Шрайберу. Скажите, что мы подождем его команду — надо осмотреть укрытие. И пусть пришлет пару саперов. В шахте могут быть мины-ловушки. Понятно?

Бонд взял девушку под руку.

— Иди сюда. Я хочу показать тебе, как птицы вьют гнездышки.

— Это приказ?

— Да.

Только для личного ознакомления (For your eyes only)

Самая красивая птица на Ямайке, а по мнению некоторых и во всем мире, — это лентохвост или доктор-колибри. Самец достигает почти девяти дюймов в длину, и семь из них приходятся на хвост, представляющий собой два переплетающихся продолговатых черных пера с зубчатой каемкой с внутренней стороны. Черные головка и хохолок, темно-зеленые крылья, длинный алый клюв и черные, светящиеся притягательным блеском глаза. Тело — изумрудно-зеленое, настолько сочной окраски, что при прямом солнечном свете перед вашими глазами предстает самое пронзительно зеленое существо в природе. На Ямайке любимым птицам дают клички. “Trochilus Polytmus” прозвали “Птицей-доктором” из-за того, что два ее черных хвостовых пера напоминают фалды черного сюртука, который раньше носили врачи.

Миссис Хэвлок особенно привязалась к двум семействам этих птиц: еще с тех пор, как она вышла замуж и поселилась на ферме Контент, она наблюдала за тем, как они пьют нектар, дерутся, строят гнезда и выводят птенцов. На ее глазах, а ей было уже за пятьдесят, сменилось несколько поколений двух птичьих семейств, основателей которых ее свекровь прозвала Пирамом, Фисбой, Дафнисом и Хлоей. Клички закрепились и за последующими парами, и сейчас миссис Хэвлок, сидя за

столиком на широкой веранде перед элегантным чайным сервизом, наблюдала за тем, как Пирам с пронзительным писком пикировал на Дафниса, поскольку тот, насытившись нектаром на облюбованном им огромном кусте, имеющим форму японской конусообразной шляпы, примостился на ветке, находящейся по соседству араукарии — вотчины Пирама. Две крошечные черно-зеленые кометы описали круг над огромной ухоженной лужайкой с яркими вкраплениями гибискуса и бугенвиллеи, а затем затерялись среди апельсиновых деревьев. Но ненадолго. Постоянные стычки между двумя семействами были всего лишь игрой. В большом, хорошо ухоженном саду нектара хватало на всех.

Миссис Хэвлок поставила чашку на столик и взяла сандвич.

— Несносные показушники! — воскликнула она.

— О ком это ты? — спросил полковник Хэвлок, взглянув на нее поверх номера “Дейли глинер”, в изучение которого был погружен.

— О Пираме и Дафнисе.

— А, ты про этих. — Клички казались полковнику идиотскими. — Сдается мне, — продолжал он, — что Батиста скоро даст деру. Кастро жмет вовсю. Сегодня утром один человек рассказывал в банке, что и на Ямайке появились горячие деньги и что ферму Белэр продали через подставных лиц. Подумать только, сто пятьдесят тысяч фунтов за тысячу зараженных клещом акров и дом, который красные муравьи превратят в труху к Рождеству! Какой-то тип неожиданно для всех взял и купил этот отвратительный отель “Голубая бухта”. Говорят, что даже Джимми Фаркхарсон нашел себе покупателя, которому, полагаю, наверняка всучит в придачу прилегающий участок с пораженными “панамской болезнью” деревьями.

— Вот Урсула обрадуется! Бедняжка просто не выносит жизнь на Ямайке. Хотя я совсем не в восторге от мысли о том, что эти кубинцы скупают весь остров. Интересно, Тим, откуда у них столько денег?

— Рэкет, профсоюзные средства, казенные деньги — Бог их знает! На Кубе полным-полно жуликов и гангстеров, которым не терпится поскорее вывезти деньги с Кубы и выгодно вложить их где-то еще. Ямайка вполне подходящее место, особенно после того, как стало возможным переводить местную валюту в доллары. Наверняка купивший Белэр тип высыпал чемодан денег на пол в офисе Ашенхейма. Думаю, выждав год или два, когда все утрясется или когда Кастро захватит власть и наведет там порядок, он снова выставит ее на продажу, потеряет на перепродаже какую-то сумму в разумных пределах и поменяет место жительства. Жаль, конечно. Белэр была когда-то отличной фермой. Все можно было бы восстановить при желании.

— А ведь пока был жив дед Билла, земли фермы простирались на десять тысяч акров. На то, чтобы объехать вокруг, требовалось трое суток.

— Биллу на все это абсолютно наплевать. Готов поспорить, что он уже взял билеты до Лондона. Еще одной старой семьей станет меньше. Скоро вообще никого, кроме нас, не останется. Слава Богу, Джуди нравится это место.

— Ты прав, дорогой, — сказала миссис Хэвлок успокаивающим тоном.

На звон ее колокольчика из дверей гостиной, оклеенной обоями в белых и розовых тонах, появилась, чтобы убрать со стола посуду, Агата — огромной толщины иссиня-черная негритянка в старомодном белом тюрбане, который на Ямайке носили теперь только в глубинке. Сопровождала ее Фейпринс, смазливая молодая квартиронка, взятая в ученицы экономки из Порт-Мария.

— Пора заняться консервированием, — обратилась миссис Хэвлок к Агате, — гуайавы рано созрели в этом году.

— Да, госпожа, — ответила Агата с бесстрастным выражением лица. — Но у нас мало банок.

— Как же так? Ведь еще в прошлом году я купила тебе две дюжины самых лучших банок из тех, что были у Энрике.

— Вы правы, госпожа. Но пять или шесть из них разбились.

— Господи, да как же это случилось?

— Не могу знать, госпожа. — Агата взяла большой серебряный поднос и выжидающе досмотрела на миссис Хэвлок.

Миссис Хэвлок не зря прожила большую часть своей жизни на Ямайке, она понимала, что разбитых банок не вернуть, а искать виновных — занятие бесполезное.

— Ладно, не печалься. Агата, — бодро сказала она, — куплю новые, как только окажусь в Кингстоне.

— Хорошо, госпожа, — сказала Агата и вместе с ученицей направилась к дому.

Миссис Хэвлок принялась за вышивку. Ее пальцы двигались механически. Она снова бросила взгляд на высокие конусообразные кусты и араукарию. Два самца были на своем месте и, изящно изогнув хвосты, перепрыгивали с цветка на цветок. В свете лучей заходящего солнца они то и дело вспыхивали пронзительными ярко-зелеными точками. Еще одна колибри, устроившись на макушке куста красного жасмина, приступила к исполнению вечернего репертуара. Древесная лягушка звонким кваканьем возвестила о наступлении быстротечных лиловых сумерек.

Ферма Контент, занимающая площадь в двадцать тысяч акров у подножия пика Кэндлфлай на восточной оконечности Голубых гор в графстве Портленд, была дарована одному из предков Хэвлока Оливером Кромвелем в качестве вознаграждения за то, что он среди прочих подписал смертный приговор королю Карлу. В отличие от многих других колонистов, поселившихся на острове в то время и позднее, Хэвлоки оставались владельцами плантации в течение трех столетий, несмотря на землетрясения, ураганы и перепады спроса на какао, сахар, цитрусовые и копру. Теперь Хэвлоки выращивали на ней бананы и разводили скот. Плантация считалась одной из богатейших и наиболее производительной среди всех частных владений на острове. Неоднократно ремонтировавшийся и перестраивавшийся после землетрясений и ураганов дом представлял собой смешение самых разнообразных стилей — центральная двухэтажная часть, возведенная на сваях из красного дерева и старом каменном фундаменте, и две одноэтажные пристройки с обеих сторон, с обитыми щепой из серебристого кедра плоскими крышами в типично ямайском стиле. Хэвлоки сидели на веранде центрального здания, выходящей к покатым лужайкам сада, за которым на двадцать миль до побережья простирались джунгли с их буйной растительностью.

— Кажется, машина подъехала, — сказал полковник Хэвлок, оторвавшись от газеты.

— Если опять нагрянула эта противная чета Федденов из Порт-Антонио, тебе придется найти предлог, чтобы не принимать их. Я больше не вынесу их вечных стенаний об Англии. К тому же в прошлый раз они оба набрались, да и обед не удался, — сказала миссис Хэвлок и быстро встала из-за стола. — Пусть Агата скажет, что у меня мигрень. В дверях гостиной с виноватым видом появилась Агата, а за ней — трое мужчин.

— Джентльмены из Кингстона желают видеть полковника, госпожа, — выпалила она.

Первый из трех незнакомцев проскользнул мимо экономки. На голове у него была летняя шляпа с загнутыми под острым углом узкими полями. Он снял ее левой рукой и прижал к животу. Набриоленные волосы и обнаженные в улыбке белые зубы блестели в лучах заходящего солнца. Он приблизился к полковнику Хэвлоку, протянув ему руку:

— Майор Гонсалес. Из Гаваны. Рад познакомиться с вами, полковник.

Он говорил с фальшивым американским акцентом, характерным для ямайских таксистов. Полковник Хэвлок встал, едва прикоснувшись к протянутой руке и бросив

взгляд на стоявших позади майора по обе стороны двери двух мужчин. Каждый держал в руке по вместительной тропической сумке — последний крик моды, — из тех, что выдают пассажирам на рейсах “Пан-Америкэн”. Сумки с виду были тяжелыми. Сопровождающие как по команде нагнулись и поставили их у ног, обутых в желтоватые ботинки, а затем снова выпрямились. На головах у них были плоские белые шапочки с прозрачными зелеными козырьками, которые отбрасывали зеленую тень на их скулы. Из-под козырьков их глаза, подобно глазам умного зверя, пытались угадать каждое движение майора.

— Это мои помощники.

Полковник Хэвлок достал из кармана трубку и принялся набивать ее. Внимательный взгляд его голубых глаз отметил хорошо подогнанный костюм, элегантные ботинки и ухоженные ногти майора, а также голубые джинсы и пестрые рубахи его сопровождающих. Подумав, как бы можно было уговорить визитеров пройти в кабинет, где в верхнем ящике письменного стола у него лежал револьвер, он стал раскуривать трубку, следя сквозь дым за выражением глаз и рта майора.

— Чем могу быть полезен?

Продолжая широко улыбаться, майор Гонсалес развел руками. С его лица не сходила улыбка. Блестящие, почти золотистого оттенка глаза излучали любопытство и дружеское расположение.

— Я к вам по делу, полковник. У меня поручение от одного джентльмена из Гаваны, — произнес он, сделав широкое движение правой рукой. — Исключительно добропорядочного джентльмена с большими связями. — Майор Гонсалес постарался придать голосу оттенок искренности. — Он вам понравится, полковник. Он попросил меня передать вам наилучшие пожелания и узнать, сколько стоит ваша ферма.

Миссис Хэвлок, наблюдавшая за происходящим с вежливой улыбкой, решительно приблизилась к мужу и мягко, чтобы не ставить незнакомца в неловкое положение, заметила:

— Весьма сожалею, майор, что вам пришлось трястись по этим пыльным дорогам. Вашему другу следовало написать сначала письмо или навести справки в Кингстоне или среди правительственных чиновников. Видите ли, семья моего мужа живет здесь почти триста лет. — Дружелюбно взглянув на майора, она добавила извиняющимся тоном:

— Должна вас огорчить, но продажа фермы абсолютно исключена, это никогда не входило в наши планы. Любопытно, кто мог подать такую идею вашему уважаемому другу?

Майор Гонсалес учтиво поклонился миссис Хэвлок и вновь с улыбкой обратился к полковнику, будто не слышал ни слова:

— Моему поручителю сказали, что ваша ферма — одна из лучших на Ямайке. Он исключительно щедрый человек и готов согласиться на любую разумную сумму.

— Вы слышали, что сказала миссис Хэвлок, — ферма не продается, — твердо произнес полковник Хэвлок.

Смех майора Гонсалеса прозвучал вполне натурально. Он покачал головой, будто пытался втолковать что-то туповатому ребенку.

— Вы не совсем меня поняли, полковник. Мой поручитель хотел бы купить именно вашу, а не какую-то другую ферму на Ямайке. У него есть деньги, свободные деньги, которые он хотел бы вложить в дело, и желательно на Ямайке. Мой поручитель хотел бы, чтобы они были вложены в вашу ферму.

Теперь я вижу, к чему вы клоните, майор, — невозмутимо произнес полковник Хэвлок. — Весьма сожалею, что вы впустую потратили время, но, пока я жив, ферма не будет выставлена на продажу. Видите ли, мы с женой имеем обыкновение рано ужинать, а вам предстоит дальняя дорога. Мне кажется, удобнее всего пройти к

машине с этой стороны. Позвольте проводить вас. — Полковник указал налево, в сторону веранды. Он шагнул вперед, приглашая майора Гонсалеса последовать за ним, но тот не двинулся с места, и полковнику пришлось остановиться. В голубых глазах Хэвлока появился ледяной блеск.

Улыбка майора Гонсалеса стала менее лучезарной, а во взгляде появилась настороженность, но он по-прежнему вел себя дружелюбно.

— Одну секунду, полковник, — бодро сказал он и, обернувшись через плечо, отдал короткую команду.

От Хэвлоков не ускользнуло, что маска добродушия слетела с лица майора, когда он сквозь зубы проговорил несколько отрывистых слов. Тут миссис Хэвлок почувствовала некоторую неуверенность и подошла еще ближе к мужу. Сопровождающие подняли с пола синие сумки и сделали шаг вперед, а майор Гонсалес по очереди открыл “молнии” каждой из туго набитых сумок. Они были доверху наполнены аккуратными большими пачками американских долларов.

— Здесь полмиллиона долларов в стодолларовых банкнотах, — майор Гонсалес сделал приглашающий жест, — ни одной фальшивой. В ваших деньгах это будет примерно сто восемьдесят тысяч фунтов — целое состояние. На свете найдется немало других хороших мест, полковник, где можно обосноваться. К тому же мой поручитель мог бы согласиться добавить еще двадцать тысяч фунтов, чтобы получилась круглая сумма. Он сообщит вам о своем решении через неделю. Все, что мне сейчас необходимо, — это ваша подпись на клочке бумаги, а об остальном позаботятся адвокаты. Итак, полковник, — сказал он, победоносно улыбаясь, — будем считать, что мы договорились, и ударим по рукам? В таком случае сумки остаются здесь, а мы уезжаем, чтобы не мешать вашему ужину.

Хэвлоки посмотрели на майора. На их лицах было написано одинаковое выражение — смесь гнева и отвращения. Легко можно было представить себе, как миссис Хэвлок будет комментировать происшедшее на следующий день:

“Тимми держался молодцом. Предложил этому невзрачному, слащавому типу убраться вон со своими мерзкими пластиковыми сумками, набитыми деньгами”.

Рот полковника Хэвлока скривился от неудовольствия.

— По-моему, я достаточно ясно сказал, майор, что ферма не продается ни за какие деньги. К тому же я не разделяю всеобщего помешательства на американских долларах. Вы вынуждаете меня указать вам на дверь. — Полковник Хэвлок положил потухшую трубку на стол, как бы готовясь засучить рукава.

На этот раз улыбка майора Гонсалеса утратила теплоту. Его рот застыл в усмешке, которая напоминала скорее сердитую гримасу, а в водянистых, с золотистым оттенком глазах внезапно появился холодный металлический блеск, когда он вкрадчиво сказал, обращаясь к полковнику:

— Это не вы, а я недостаточно ясно выразился. Мой поручитель распорядился, чтобы в случае вашего отказа принять его исключительно щедрые условия мы прибегли к другим мерам.

Миссис Хэвлок охватил внезапный страх. Она положила руку на локоть полковника и крепко сжала его, а он, пытаясь успокоить миссис Хэвлок, дотронулся до ее руки и произнес сквозь зубы:

— Майор, я прошу вас покинуть наш дом, иначе мне придется обратиться в полицию.

Майор Гонсалес медленно облизал губы кончиком розового языка. Радостное выражение совершенно исчезло с его лица — оно помрачнело и стало неподвижным.

— Значит, ваше последнее слово — ферма не будет продана, пока вы живы? — резко спросил он. Держа правую руку за спиной, он один раз тихо щелкнул пальцами. Стоявшие сзади него сопровождающие схватились за заткнутые за пояс револьверы, видневшиеся в прорези ярких рубаш. Цепким звериным взглядом они следили за

движением пальцев майора, ожидая следующего сигнала.

Миссис Хэвлок прикрыла рукой рот, чтобы не вскрикнуть от ужаса. Полковник Хэвлок попытался дать утвердительный ответ, но у него пересохло во рту, и он сделал громкое глотательное движение. Он не мог поверить, что все это происходило наяву. Этот мерзкий жулик-кубинец наверняка блефует. Наконец ему с трудом удалось подтвердить, что это действительно его последнее слово.

— В таком случае, полковник, мой поручитель будет вести переговоры со следующим владельцем — вашей дочерью. — Майор Гонсалес сдержанно кивнул.

Пальцы щелкнули еще раз. Майор Гонсалес отодвинулся в сторону, чтобы не закрывать собой цель. Смуглыми и волосатыми, как у обезьян, руками сопровождавшие выхватили из-под рубашек револьверы с уродливыми, сарделькообразными стволами и открыли беглый огонь, продолжая стрелять даже по падающим телам.

Майор Гонсалес наклонился, чтобы лучше разглядеть входные отверстия пуль. Затем три низкорослых человека быстро прошли обратно к машине через бело-розовую гостиную, темный холл, украшенный резьбой красного дерева, и элегантный парадный вход. Они не спеша уселись в четырехдверный черный “форд-консул” с ямайскими номерными знаками — майор Гонсалес за руль, а его сопровождающие в напряженной позе на заднее сиденье. Машина тронулась и медленно покатила по длинной аллее, обсаженной королевскими пальмами. На перекрестке с ведущей в Порт-Антонио дорогой светлей свисали, подобно ярким лианам, перерезанные телефонные провода. Майор Гонсалес осторожно и ловко вел машину по неровной местной дороге, пока не выбрался на мощный щебнем отрезок у побережья, где прибавил скорость. Спустя двадцать минут после убийства они добрались до широко раскинувшейся окраины маленького бананового порта, бросили украденный автомобиль на поросшей травой обочине и пешком прошли четверть мили по слабо освещенной центральной улице до причалов, где их ждал быстроходный катер с работающим мотором. Затем поднялись на палубу, и катер устремился вперед по гладкой поверхности самой красивой в мире бухты, как о ней сказала одна американская поэтесса. Якорная цепь пятидесятитонной сияющей яхты под развевающимся американским флагом уже была наполовину поднята. Изящно изогнутые, похожие на антенны спиннинги для глубоководного лова указывали на то, что ее пассажирами были туристы из Кингстона либо из Монтегю-Бэй. Троица взошла на борт, затем был поднят катер. Вокруг яхты крутились попрошайки на двух каноэ. Майор Гонсалес швырнул в сторону каждого по пятидесятицентовой монете, и полуголые парни тут же нырнули в воду, чтобы выловить их. Два дизельных двигателя издали прерывистое громкое урчание, яхта чуть наклонилась вперед и двинулась в сторону глубокого прохода, над которым возвышался отель “Тичфильд”, чтобы на рассвете уже быть в Гаване. Проводив ее глазами, стоявшие у причала рыбаки и рабочие пристани вернулись к спору о том, кто бы из голливудских звезд, отдыхающих на Ямайке, это мог быть.

У подножия холмов последние лучи солнца освещали красные пятна на широкой веранде фермы Контент. Один из докторов-колибри пронесся над балюстрадой, замер в воздухе над телом миссис Хэвлок и уставился на ее разорванное пулей сердце. Не обнаружив для себя ничего интересного, он весело перепорхнул на облюбованную для ночлега ветку соседнего куста гибискуса.

Кто-то приближался к дому в небольшом спортивном автомобиле, переключив на полном ходу скорость на повороте. Будь миссис Хэвлок жива, она бы вот-вот произнесла: “Джуди, сколько раз я просила тебя не гнать так на повороте. Летящий из-под колес гравий оказывается на газоне, и ты прекрасно знаешь, как это портит косилку”.

Прошел месяц. Октябрь в Лондоне начался неделей прекрасного бабьего лета.

Шум механических сенокосилок доносился из Риджент-парка через открытые окна кабинета М. Джеймсу Бонду пришло в голову, что один из самых прекрасных звуков лета — усыпляющее металлическое позвякивание старой сенокосилки — навсегда уходит в прошлое. Нынешние дети будут, наверно, думать то же самое про тарактеные двухцилиндровых двигателей. Слава Богу, хоть скошенная трава имеет все тот же аромат.

У Бонда было время, чтобы предаться всем этим размышлениям, поскольку М., похоже, никак не мог перейти к сути дела. На вопрос М., чем он занят в данный момент, Бонд радостно ответил, что ничем, ожидая, что перед ним раскроется ящик Пандоры. Его слегка заинтриговало то, что М, назвал его по имени, а не по номеру 007 — это было не принято в рабочее время. Голос М, звучал так, как если бы задание имело какой-то личный аспект и было скорее просьбой, чем приказом. Бонду также показалось, что во взгляде холодных, кристально чистых серых глаз М, была какая-то новая тревога. А раскуривать трубку в течение трех минут — это уж слишком!

М, придвинулся на вращающемся кресле вплотную к столу и щелкнул по коробке спичек, которая пролетела, кувыркаясь, по обтянутой красной кожей поверхности стола до края, где сидел Бонд. Тот остановил ее и легким щелчком отправил обратно на середину стола. Легкая усмешка скользнула по лицу М. Показалось, что он принял какое-то решение, поскольку мягко произнес:

— Джеймс, вам когда-нибудь приходило в голову, что все военные моряки знают, что они должны делать, за исключением командующего адмирала?

Нахмутив лоб, Бонд ответил:

— Нет, не приходило, сэр, но я понимаю, что вы имеете в виду. В то время, как все остальные должны выполнять приказы, адмиралу приходится принимать решения, отдавать приказы. Мне кажется, столь же обоснованно утверждение, что верховный главнокомандующий — самый одинокий человек на свете.

Державшей трубку рукой М, сделал подтверждающий жест.

— Что-то в этом роде. Кто-то должен проявить твердость и принять окончательное решение. Человек, посылающий Адмиралтейству неясный сигнал, заслуживает списания на берег. А вот верующие полагаются на Бога при принятии решения. — В глазах М, появилось желание оправдаться. — Раньше я иногда пытался действовать таким образом и у нас на службе, но Он неизменно вновь перекладывал ответственность на меня, советуя не унывать и действовать самостоятельно. Недурственный, но трудновыполнимый, по-моему, совет. Беда в том, что лишь немногим из тех, кому перевалило за сорок, удастся сохранить твердость. К этому возрасту жизнь обычно порядком потреплет людей — проблемы, трагедии, болезни, которые подтачивают человека. — М, впился глазами в Бонда. — Джеймс, а как у вас с коэффициентом твердости? Вы вроде бы еще не подошли к опасному возрасту?

Бонд не любил личных вопросов — не знал, как на них отвечать и что считать истиной. Он ни разу не испытал трагедии личной утраты. Ему не приходилось бороться со слепотой или смертельной болезнью. Он не имел ни малейшего представления, как бы повел себя, столкнувшись со всеми этими бедами, которые требуют гораздо большего присутствия духа, чем ему когда-либо приходилось проявлять. Поэтому он ответил неуверенно:

— Мне кажется, что смогу перенести многое, если придется и если я буду знать, что это необходимо. Я имею в виду, если так необходимо ради дела, которое, как бы поточнее выразиться, справедливо, сэр, — произнес он с неохотой, так как не любил говорить такие слова. — Конечно, — продолжал он, испытывая чувство неловкости от того, что вынужден был опять уступить М, инициативу в разговоре, — не так уж просто определить, что справедливо, а что нет. Полагаю, надо понимать дело так,

что даже когда наша Служба поручает мне неприятную работенку, это делается в интересах справедливости.

— Именно это я и имею в виду, черт возьми! — Во взгляде М, промелькнуло нетерпение. — В данном случае вы можете полностью положиться на меня, не беря на себя никакой ответственности. — Чубуком трубки М, ткнул в сторону Бонда. — Именно мне предстоит решать, что справедливо, а что — нет. — В глазах М, больше не было раздражения, а уголки рта изогнулись в кривой усмешке, когда он мрачно произнес:

— Я так понимаю, именно за это мне и платят — кому-то надо быть машинистом в этом проклятом поезде. — М, сунул трубку в рот и глубоко затянулся, чтобы снять напряжение.

В этот момент Бонду стало жаль М. Никогда раньше он не слышал от него такого резкого выражения. Никогда раньше не намекал М, кому-либо из своих сотрудников, что тяготится бременем, которое он взвалил на себя с тех самых пор, как отказался от прямого предложения занять пост пятого морского лорда, чтобы возглавить Секретную службу. М, что-то явно тревожило, и Бонду не терпелось узнать — что именно. Вряд ли грозящая опасность. Когда можно было более или менее правильно заранее угадать возможную реакцию, М, шел на любой риск в любой точке земного шара. Политические соображения также исключались. М, было наплевать на чувствительность любого министра, и он никогда не останавливался перед тем, чтобы за их спиной получить личное разрешение премьер-министра на тот или иной шаг. “Наверно, что-то связанное с моральными или личными соображениями”, — подумал Бонд и спросил:

— Я могу чем-нибудь помочь, сэр?

М, бросил короткий задумчивый взгляд на Бонда и затем повернул свое кресло спинкой к окну, в которое были видны проплывавшие по-летнему высокие облака.

— Вы знакомы с делом Хэвлоков? — внезапно спросил он.

— Мне известно лишь то, что писали газеты. Вернувшись однажды вечером домой, дочь проживавшей на Ямайке пожилой четы нашла два изрешеченных пулями тела. По слухам, это было делом рук гангстеров из Гаваны. Экономка предполагает, что трое подъехавших к дому на машине мужчин были кубинцами. Машина оказалась украденной. В тот вечер из местной бухты отчалила неопознанная яхта. Но, если я не ошибаюсь, полиции ничего не удалось обнаружить. Вот все, что мне известно, сэр. Никаких материалов по этому делу я не видел.

— И не могли увидеть, — ворчливо заметил М., — они все лично на меня расписываются. Нас не просили заниматься этим делом. Так получилось, — он откашлялся, ощущая неловкость от использования Службы в личных целях, — что я знаком с Хэвлоками. Я даже шафером был у них на свадьбе. На Мальте праздновали, в 1925 году.

— Теперь я понимаю, сэр. Весьма сожалею. После недолгого молчания М, продолжил свой рассказ:

— Очень милые люди. Как бы там ни было, я попросил сотрудников Отдела “С” ознакомиться с делом. Через людей Батисты узнать ничего не удалось, но у нас есть хороший контакт на другой стороне, у этого малого — Кастро. Его разведка, похоже, глубоко внедрилась во все кубинские правительственные службы. Недели две назад я получил полное представление о случившемся. Убийство Хэвлоков организовал некто Хаммерштейн, или фон Хаммерштейн. В банановых республиках полным-полно хорошо устроившихся немцев, нацистов, которым удалось улизнуть от расплаты в конце войны. Хаммерштейн, бывший гестаповец, руководил контрразведкой Батисты и нажил кучу денег на вымогательстве, шантаже и покровительстве. Мог бы прекрасно прожить до конца своих дней, но тут дела у Кастро пошли в гору, и Хаммерштейн одним из первых начал готовить запасные

позиции. Он отвалил кое-что из награбленного одному из своих подручных по фамилии Гонсалес, который стал колесить с охраной из двух человек по карибским странам, вкладывая средства Хаммерштейна на чужое имя за пределами Кубы в недвижимость и прочие надежные места помещения капитала. Покупал только самое лучшее и по самой высокой цене — Хаммерштейн мог себе это позволить. А если деньги не срабатывали, он прибегал к силе — где-то ребенка похитит, в другом месте сожжет несколько акров земли, не отступая ни перед чем, чтобы образумить владельца. Когда Хаммерштейну рассказали про ферму Хэвлоков — одну из лучших на Ямайке, он отправил туда Гонсалеса с поручением приобрести ее. Очевидно, он распорядился убрать Хэвлоков в случае отказа, чтобы затем попробовать оказать давление на их дочь. Кстати, забыл сказать, у них дочь, которой сейчас, наверное, лет двадцать пять. Я никогда с ней не встречался. Ну, а произошло все это так. Они прикончили Хэвлоков, а две недели назад Батиста уволил Хаммерштейна, видимо прослышав кое-что о его проделках, но подлинной причины я не знаю. Так вот, Хаммерштейн смылся вместе с этой своей командой из трех человек, и, надо сказать, как раз вовремя — дело идет к тому, что Кастро будет в Гаване уже зимой, если выдержит нынешний темп.

— А где же укрылся Хаммерштейн? — осторожно спросил Бонд.

— В США, в северной части штата Вермонт, почти у самой канадской границы. Такие люди предпочитают располагаться поближе к границе. Они находятся в арендованном у какого-то миллионера имении с небольшим озером на территории под названием Лейк-Эко, расположенной в холмистой местности. На фотографиях выглядит очень живописно. Хаммерштейн явно постарался найти такое место, где его не будут беспокоить посторонние.

— А как вы об этом узнали, сэр?

— Я направил досье с этим делом Эдгару Гуверу, который был наслышан о Хаммерштейне. И неудивительно, учитывая, сколько хлопот доставляет ему пересылка оружия Кастро из Майами. Кроме того, он не спускает глаз с Гаваны с тех пор, как деньги американских гангстеров потоком хлынули на Кубу вслед за открытием там игорных домов. Он мне сообщил, что Хаммерштейн и его сопровождающие прибыли в Штаты по туристической визе сроком на шесть месяцев. Гувер мне здорово помог, интересовался, достаточно ли у меня материала, чтобы возбудить судебное преследование, буду ли я просить о выдаче этих людей, чтобы предать их суду на Ямайке. Я обсудил этот вопрос с нашим генеральным прокурором, который полагает, что рассчитывать на успех можно лишь при наличии свидетелей из Гаваны, а это исключено. Да и все имеющиеся на сегодня сведения поступили из разведслужбы Кастро. Официально кубинцы и пальцем не шевельнут. Тогда Гувер предложил аннулировать их визы, что заставило бы их опять пуститься в бег. Я поблагодарил его, но от предложения отказался. На этом мы с ним поставили точку.

М., замолчал на некоторое время, разжег потухшую трубку и продолжил повествование:

— Я решил поговорить на эту тему с нашими друзьями из канадской полиции, связался по кодированной связи с комиссаром полиции, который прежде никогда мне ни в чем не отказывал. По его распоряжению патрульный самолет погранслужбы как бы случайно отклонился от маршрута, перелетел через границу и сфотографировал с воздуха всю территорию имения. Он заверил меня в готовности оказать любое другое содействие, если понадобится. Сейчас, — М., опять подъехал на возвращающемся кресле вплотную к столу, — мне предстоит решить, что делать дальше.

Теперь Бонду стало понятно, что тревожило М., почему он хотел, чтобы кто-то принял за него решение — ведь речь шла о его бывших друзьях. Из-за присутствия в деле личностных моментов М., взял его целиком в свои руки. И сейчас наступило

время, когда справедливость должна восторжествовать, а виновные — оказаться на скамье подсудимых. Но М, никак не мог решить, как ему следует квалифицировать следующий шаг — как восстановление справедливости или как месть. Никакой судья не станет слушать дело об убийстве человека, с которым он был лично знаком. И поэтому, в чем Бонд несколько не сомневался, М, хотелось, чтобы кто-то другой, скажем. Бонд, вынес приговор. Ведь он не знал Хэвлоков, ему безразлично, какими они были. Хаммерштейн применил закон джунглей в отношении двух беспомощных пожилых людей. В таком случае только закон джунглей годился и для самого Хаммерштейна. Только так справедливость могла бы восторжествовать. Пусть это будет местью, местью общества.

— Я бы не испытывал ни малейших колебаний, сэр, — произнес Бонд. — Если заморские гангстеры почувствуют, что подобное сходит им с рук, они воспримут это как еще одно подтверждение точки зрения тех, кто считает англичан мягкотелыми. Тут необходимо жестокое возмездие — око за око.

М, продолжал смотреть на Бонда, храня молчание и ничем не выказывая желания услышать от него что-то еще.

— Если этих людей нельзя повесить по приговору суда, их следует просто ликвидировать, — добавил Бонд.

М, отвел взгляд от лица Бонда, и на какое-то мгновение в его глазах промелькнуло выражение отрешенности и внутренней сосредоточенности. Затем он медленно протянул руку к верхнему ящику левой тумбы стола, выдвинул его и вытащил оттуда тонкую папку, на которой отсутствовали стандартное оглавление и обозначающая гриф секретности красная звездочка. Он положил досье перед собой, а рукой порылся в выдвинутом ящике и наконец вынул печатку и коробочку с пропитанной красной тушью штемпельной подушкой. Он открыл коробочку, прижал к подушке печатку и затем аккуратно поставил штамп точно в правом верхнем углу серой обложки досье.

После этого М, положил печатку и штемпельную подушку обратно в ящик, задвинул его, повернул досье и мягким движением протянул его через стол Бонду.

Выведенная особым шрифтом, еще не просохшая надпись гласила: “Разглашению не подлежит”.

Не произнеся ни слова, Бонд кивнул головой, взял досье и покинул кабинет.

Спустя два дня, в пятницу, Бонд вылетел в Монреаль рейсом “Фрайдей Комет”. Самолет ему не понравился — летел на чересчур большой высоте, слишком быстро, да и пассажиров было многовато. Он с сожалением вспоминал о тех временах, когда через Атлантику летали на самолетах “Стратокрузер” — прекрасном, неуклюжей формы авиалайнере предыдущего поколения, который преодолевал расстояние за десять часов. На нем можно было неторопливо поужинать, поспать несколько часов в удобной постели и проснуться как раз к тому моменту, когда в нижнем салоне начинали подавать еду под придуманным БОАК идиотским названием “сельский завтрак”, в то время как весь салон заполняли первые лучи восходящего солнца с характерным для западного полушария золотистым оттенком. На этот раз все происходило слишком быстро — стюарды обслуживали чуть ли не с удвоенной быстротой, после чего осталось каких-то два часа, чтобы вздремнуть, до того как самолет круто пошел вниз с высоты в сорок тысяч футов. Спустя восемь часов после вылета из Лондона Бонд уже сидел за рулем арендованного в компании “Гертц” “плимута”, направляясь по широкой 17-й автостраде из Монреаля в Оттаву и постоянно напоминая себе о необходимости придерживаться правой стороны.

Штаб-квартира канадской королевской конной полиции находилась в Оттаве, в министерстве юстиции, рядом с комплексом парламентских зданий. Подобно большинству государственных учреждений в Канаде, министерство юстиции занимало массивное здание из серого камня, монументального и способного

выдержать долгие и холодные зимы. Было условлено, что в приемной Бонд скажет, что хотел бы видеть комиссара и представиться как “мистер Джеймс”. Он так и сделал, и полицейский капрал с совсем еще юным лицом, выражавшим неудовольствие от того, что должен находиться в помещении, когда на улице так тепло и солнечно, поднялся с ним на лифте на третий этаж и в большой опрятной комнате, где сидели две молоденьких секретарши и было много тяжеловесной мебели, передал его из рук в руки сержанту. Сержант связался с кем-то по внутреннему телефону, после чего наступило десятиминутное ожидание. Бонд закурил сигарету и перелистал брошюру, которая рекламировала службу в канадской конной полиции и в которой настоящий полицейский выглядел чем-то вроде франтоватого ковбоя, сыщика Дика Трейси и сестры милосердия Розмари — все в одном лице. Затем его пригласили пройти в кабинет. Находившийся там высокий моложавый человек, одетый в темно-синий костюм, белую сорочку и черный галстук, повернулся спиной к окну и шагнул ему навстречу.

— Мистер Джеймс? — спросил он с легкой улыбкой и представился:

— Полковник, скажем... Джонс. Они обменялись рукопожатием.

— Присаживайтесь. Комиссар приносит свои извинения в связи с невозможностью принять вас лично. У него сильная простуда, из тех, что называют “дипломатическими”, — сказал с лукавой усмешкой полковник Джонс. — Считает, что ему лучше побыть сегодня дома. Я — один из его помощников. Мне приходилось самому участвовать в нескольких охотничьих экспедициях, и комиссар поручил мне позаботиться об организации вашего короткого отпуска. Именно мне и больше никому. Надеюсь, вы понимаете? — добавил полковник после короткой паузы.

Бонд улыбнулся в ответ. Комиссар был готов помочь, но намеревался сделать это в “лайковых перчатках”, чтобы не оказаться замешанным в эту историю. Отметив про себя, что комиссар, должно быть, осторожный и весьма разумный человек, Бонд ответил:

— Вполне понимаю. Мои лондонские друзья не хотели бы, чтобы комиссар принимал какое-либо личное участие в этом деле. А я с ним не встречался и понятия не имею, где находится штаб-квартира полиции. А теперь не могли бы мы минут десять поговорить на нормальном английском языке при условии, что разговор останется строго между нами?

Полковник Джонс рассмеялся в ответ:

— Конечно. Мне поручили произнести эту маленькую речь, после чего перейти непосредственно к делу. Вы ведь понимаете, командер, нам обоим придется закрыть глаза на то, что мы совершим ряд правонарушений, начиная с приобретения под ложным предлогом канадской охотничьей лицензии, соучастия в нарушении правил пересечения границы, не говоря уже о последующих более серьезных вещах. Отголоски нашей маленькой операции никому не пойдут на пользу, не так ли?

— Мои друзья придерживаются такого же мнения. После моего отъезда будем считать, что мы никогда не встречались, а уж если я попаду в тюрьму Синг-Синг, это моя забота. А теперь — к делу.

Полковник Джонс выдвинул ящик письменного стола, достал объемистое досье и открыл его. Первым документом был список. Он задержал карандаш у первого пункта, бросил взгляд на Бонда, его старый твидовый костюм в черно-белую “елочку”, белую сорочку и узкий черный галстук и произнес:

— Одежда. — Затем высвободил из-под зажима, скрепляющего досье, простой лист бумаги и подвинул его через стол Бонду. — Это список того, что, я думаю, вам понадобится, и адрес большого магазина подержанной одежды в городе. Не берите ничего модного или бросающегося в глаза — рубашка цвета хаки, темно-коричневые джинсы, добротные альпинистские сапоги или ботинки — главное, чтобы не жали. И еще адрес аптеки, где можно купить красящее вещество. Одного галлона хватит на

целую ванну, которую вам предстоит принять. В это время года в горах много оттенков коричневого, и было бы глупо появиться там в парашютной ткани или в чем-либо еще, похожем на камуфляж, не так ли? Если вас задержат, скажете, что вы — англичанин, приехали поохотиться в Канаду, сбились с пути и по ошибке перешли границу. Теперь винтовка. Пока вы ждали, я сам спустился вниз и положил ее в багажник вашего “плимута”. Это одна из последних моделей “Сэвидж 99Ф”, с оптическим прицелом “Уэзерби” 6х62, пятизарядная магазинная винтовка с четырьмя полными магазинами, пули с высокой начальной скоростью, калибр 250 — 3,000. Самая легкая из имеющихся в продаже винтовок с рычажным механизмом затвора для охоты на крупную дичь — весит не более шести с половиной фунтов. Ее владелец, один из моих друзей, хотел бы получить винтовку когда-нибудь обратно, но и убиваться особо не будет, если ее не вернут. Винтовка пристреляна и на расстоянии до пятисот ярдов дает неплохие результаты. Вот разрешение на винтовку, — полковник Джонс протянул его Бонду, — выдана в Оттаве на вашу настоящую фамилию, чтобы совпадало с паспортом. А вот таким же образом оформленная охотничья лицензия, правда, для охоты только на мелкую дичь, так как сезон охоты на оленей еще не наступил. И еще водительские права взамен временных, которые по моей просьбе выдала вам компания “Гертц”. В багажнике вы найдете подержанные рюкзак и компас. Да, кстати, — полковник Джонс оторвал взгляд от списка, — личное оружие у вас при себе?

— При мне — “вальтер ППК” в кобуре “Берне Мартин”.

— Мне необходим номер пистолета, чтобы внести его в бланк разрешения на ношение оружия, оформленный на предъявителя. Если вас задержат и полицейский рапорт попадет ко мне — никаких проблем, у меня наготове соответствующее объяснение.

Бонд достал пистолет и зачитал номер, который полковник Джонс занес в бланк, после чего протянул его Бонду.

— Теперь перейдем к картам. Местная, выпущенная компанией “Эссо” — это все, что вам нужно, чтобы добраться до места. — Полковник Джонс встал из-за стола, обошел его, с картой в руке и расстелил ее перед Бондом. — Вы следуете по шоссе 17 обратно в сторону Монреаля, сворачиваете по мосту на шоссе 37 у Святой Анны, а затем, вновь переехав через реку, на шоссе 7. По нему доедете до Пайк-Ривер, свернете на шоссе 52 и двинетесь в сторону Стэнбриджа, где повернете направо на дорогу, ведущую в Фрелигсбург, и там оставьте машину у автомастерской на стоянке. Все шоссе имеют хорошее покрытие, поэтому поездка должна занять не более пяти часов, включая остановки в пути. Пока все ясно? А вот теперь слушайте внимательно, чтобы ничего не перепутать. Постарайтесь попасть во Фрелигсбург часа в три утра. В это время дежурный персонал еще будет досматривать последние сны, и вы сможете спокойно достать из багажника все свое снаряжение и покинуть мастерскую — никто не обратит на вас внимание, даже если бы вы были китайцем с двумя головами.

Полковник Джонс снова сел в кресло и вынул из досье еще два листка. Один из них представлял собой набросанную карандашом карту, а другой оказался частью снятой с воздуха фотографии. Строго взглянув на Бонда, Джонс сказал:

— Это единственный “взрывоопасный” предмет, который вы будете иметь при себе, и мне хотелось бы надеяться, что вы избавитесь от него, как только он станет ненужным или появится опасение, что вы попадете в беду. Вот это, — он передал листок Бонду, — примерный план старой дороги, ею пользовались контрабандисты во времена “сухого закона”. Сейчас она безлюдна, иначе я бы не порекомендовал ее. — Полковник Джонс криво усмехнулся. — Правда, вам могут попасться навстречу довольно неприятные типы, которые имеют обыкновение стрелять не задумываясь — жулики, наркоманы, торговцы живым товаром, хотя сейчас они следуют в

основном северным маршрутом вдоль Вайкаунта. А этим путем пользовались контрабандисты, совершавшие рейсы между Франклином, расположенным совсем рядом с Дерби-Лайн и Фрелигсбургом. По ней вы пересечете холмистую местность, обойдете Франклин и приблизитесь к подножию Зеленых гор. Они густо заросли вермонтской елью, сосной и в отдельных местах — кленом. Можно провести там несколько месяцев и не увидеть ни одной живой души. Затем вы пересечете открытую местность и пару автострад так, чтобы водопад Эносбург остался к западу от вас. Преодолев крутую гряду, вы окажетесь в начале нужной вам долины. Крестиком помечено Лейк-Эко, и, если судить по фотографиям, я бы рекомендовал спуститься к нему с востока. Вам все понятно?

— Сколько же это получится, миль десять?

— Десять с половиной или примерно три часа хода от Фрелигсбурга, если не собьетесь с пути. Вы должны быть на месте около шести утра, причем примерно в течение часа вы будете идти при свете, это поможет лгал сориентироваться на последнем отрезке пути.

Полковник Джонс наклонился над квадратным снимком, полученным путем аэрофотосъемки, который представлял собой центральную часть фотографии, показанной Бонду в Лондоне. На нем был виден длинный ряд приземистых ухоженных строений из обтесанного камня с черепичными крышами. Можно было разглядеть изящные, выступающие вперед окна и закрытый внутренний дворик. Главный подъезд выходил на немощеную дорогу, к которой примыкали гаражи и какие-то строения, похожие на собачьи конуры. Со стороны сада дом опоясывала выложенная каменными плитами терраса, вдоль нее были высажены цветы, и далее на площади в два-три акра ухоженная лужайка спускалась вниз, к берегу небольшого озера, которое, скорее всего, появилось в результате возведения глубоко уходящей под воду каменной плотины. Там, где плотина соединялась с сушей, стояло несколько металлических садовых стульев и столиков, а посередине плотины был сооружен трамплин с ведущей из воды лестницей. Сразу же за озером поросший лесом холм круто поднимался вверх, и именно его полковник Джонс предложил выбрать для подхода. Людей на фотографии не было, но на каменных плитах перед двориком стояло несколько предметов дорогой алюминиевой садовой мебели и стеклянный столик с напитками. Бонд вспомнил, что на большой фотографии были видны теннисный корт в саду, а по другую сторону дороги — конюшни и пасущиеся за аккуратно выкрашенной в белый цвет изгородью лошади. Лейк-Эко, видимо, было шикарным местом отдыха на природе, вдали от намеченных для атомных бомбовых ударов целей, для миллионера, который предпочитает уединение и, возможно, покрывает часть своих текущих расходов за счет прибыли от конной фермы и выгодной сдачи имения в аренду. Великолепное место, где мог бы укрыться на время человек, у которого за плечами десять бурных лет карибской политики и которому необходим отдых для “подзарядки батарей”. А озеро могло пригодиться, чтобы смыть кровь с рук.

Полковник Джонс закрыл опустевшее досье, разорвал отпечатанный на машинке список на мелкие кусочки и бросил их в корзину для мусора. Оба встали из-за письменного стола, полковник Джонс проводил Бонда до двери, протянул руку и сказал:

— Ну вот, пожалуй, и все. Я многое бы отдал, чтобы оказаться рядом с вами. Инструктаж напомнил мне о нескольких снайперских вылазках в конце войны, когда я служил в восьмом армейском корпусе под командованием Монтгомери. Мы располагались на левом фланге фронта в Арденнах. Местность была похожа на ту, которую вам предстоит преодолеть, только деревья другие. Ну, а служба в полиции вам знакома — много бумажной работы, и главное — суметь продержаться до выхода на пенсию. Что ж, прощайте и желаю удачи. Как бы дело ни повернулось, я

наверняка прочту обо всем в газетах, — закончил он с улыбкой.

Бонд поблагодарил его и пожал протянутую руку. В последний момент он догадался справиться:

— Кстати, винтовка одинарного или двойного действия? По виду-то не определишь, а при появлении цели у меня вряд ли будет много времени для экспериментирования.

— Одинарного, причем спуск очень легкий. Советую не дотрагиваться до него, пока не будете уверены, что не промажете. И еще, не приближайтесь к этим типам на расстояние менее трехсот ярдов. Если не ошибаюсь, они очень неплохо стреляют. Так что держите дистанцию. — Он потянулся к дверной ручке, а свободной рукой тронул рукой Бонда за плечо:

— Наш комиссар часто говорит: там, где можно послать пулю, не посылайте людей. Советую запомнить. Прощайте, командер.

Бонд провел ночь и большую часть следующего дня в мотеле “Коузи мотор корт” на окраине Монреаля, заплатив вперед за трое суток. Днем он разбирался в своем снаряжении и немного походил в мягких альпинистских сапогах на рифленной резиновой подошве, которые приобрел в Оттаве. Он также купил таблетки глюкозы, немного копченой ветчины и хлеба для сэндвичей, а кроме того, большую алюминиевую фляжку, которую заполнил виски, разведенным на четверть кофе. После наступления темноты он поужинал; немного поспал, затем развел в ванне галлон красящего под грецкий орех вещества и тщательно вымылся в приготовленном растворе, не забыв промыть и голову. Теперь он выглядел как краснокожий индеец с серо-голубыми глазами. Была уже почти полночь, когда он бесшумно открыл боковую дверь, ведущую к автостоянке, сел в машину и направился на юг в сторону Фрелигсбурга, чтобы преодолеть последний отрезок ПУТИ.

Рабочий открытой круглые сутки автомастерской оказался не таким заспанным, как предполагал полковник Джонс.

— Мистер собрался на охоту?

В Северной Америке можно очень хорошо объясниться лаконичными утвердительными или отрицательными восклицаниями, произносимыми с различными модуляциями голоса, типа “э”, “а?” или “ага”, перемежая их словечками вроде “конечно”, “наверно”, “неужели”, “ЧУШЬ” и тому подобное, которые годятся практически для любых возможных ситуаций.

Перекинув ремень винтовки через плечо, Бонд ответил:

— Ага.

— В прошлую субботу один охотник подстрелил прекрасного бобра в районе Хайгейт-Спрингс.

— Неужели? — спросил Бонд безразлично, расплатился за двое суток и вышел на улицу. У последних домов он сделал краткую остановку. Отсюда ему предстояло пройти вдоль шоссе ярдов сто до того места, где немощеная дорога отходила вправо от шоссе в сторону леса. По ней он прошагал минут тридцать, пока она не кончилась у полуразрушенного строения фермы. Собака на цепи залилась бешеным лаем, но свет в окнах не появился. Бонд обогнул дом и сразу же обнаружил идущую вдоль ручья тропу, по которой ему предстояло пройти три мили. Он прибавил ходу, пытаясь отделаться от собаки. Когда лай прекратился, наступила тишина — глубокая бархатная тишина ночного леса. Ночь была теплой, светила полная желтая луна, свет ее, проникая сквозь густо растущие ели, позволял Бонду без труда придерживаться маршрута. В альпинистских сапогах на пружинящей мягкой подошве идти было легко, и Бонд обрел второе дыхание, почувствовав уверенность, что преодолеет расстояние с хорошей скоростью. Около четырех утра деревья начали редеть, и вскоре он уже шагал по открытому пространству, видя справа от себя

разбросанные в беспорядке огни Франклина. Он пересек местную асфальтовую дорогу, после которой ставшая шире тропа вновь углубилась в лес. По правую руку сквозь деревья можно было видеть слабый блеск поверхности озера. К пяти утра он уже оставил позади черные ленты американских автострад 108 и 120. Пересекая последнюю, он заметил дорожный знак с надписью “Водопад Эносбург -1 миля”. Теперь ему предстояло пройти самую последнюю часть пути по узкой, круто поднимающейся вверх охотничьей тропинке. Отойдя на приличное расстояние от автостреды, он остановился, перекинул винтовку и рюкзак на другое плечо, выкурил сигарету и сжег нарисованный от руки план маршрута. На небе уже начали появляться первые бледные проблески зари, лес понемногу пробуждался от сна: раздался резкий меланхоличный крик не известной Бонду птицы, слышался шорох движения мелких животных. Бонд представил себе дом, расположенный далеко в глубине долины по другую сторону горы, которую ему предстояло преодолеть, — занавешенные окна, помятые сонные лица четырех человек, роса на лужайке и разбегающиеся широкими кругами по переливающейся серой поверхности озера первые лучи восходящего солнца. А отсюда, с этой стороны горы, к дому сквозь деревья подкрадывается палач. Бонд прогнал от себя эти мысли, затоптал окуроч в землю и продолжил путь.

Интересно, это холм или гора? На какой высоте холм становится горой? Отчего серебристая кора берез никак не используется — ведь из нее можно было бы изготавливать очень полезные и ценные вещи? Лучшее, что есть в Америке, это бурундуки и жаркое из устриц. Вечером темнота на самом деле не опускается, а поднимается. Если сидеть на вершине горы и наблюдать, как солнце опускается за противоположную вершину, то темнота поднимается вверх из долины прямо к вашим ногам. Перестанут ли птицы когда-нибудь бояться человека? Прошло, должно быть, не одно столетие с тех пор, как в этих лесах человек последний раз убил мелкую птицу, чтобы приготовить себе пищу, а они все еще его боятся. Что был за человек Этан Аллен, который стоял во главе отряда парней с Зеленых гор Вермонта? Сейчас в американских мотелях для привлечения клиентуры рекламируется мебель Этана Аллена. Интересно, почему? Он что, сам изготавливал мебель? Армейские ботинки должны иметь резиновые подошвы, как на моих сапогах.

Размышляя на эти и другие внезапно возникавшие у него в голове темы, Бонд шаг за шагом поднимался в гору, упорно отгоняя от себя мысль о тех четверых, которые спали сейчас на белых подушках.

Круглая вершина оказалась ниже уровня деревьев, и Бонд потерял из вида лежащую внизу долину. Немного передохнув, он выбрал подходящий дуб и взобрался на одну из его крепких боковых ветвей. Теперь перед его глазами открылась вся картина — нескончаемый массив Зеленых гор, простиравшихся во все стороны до самого горизонта, восходящий далеко на востоке ослепительный золотистый диск солнца, а под собой — на две тысячи футов полого спускающиеся верхушки деревьев с вкраплением лишь одной поляны и сквозь тонкую пелену тумана — озеро, лужайки и сам дом.

Бонд прильнул всем телом к ветке дерева, наблюдая, как ранний бледный солнечный свет заполняет долину. Минут через пятнадцать лучи солнца достигли озера и сразу же как бы заиграли на блестящей поверхности лужайки и мокрых черепицах крыши. Дымка над озером быстро исчезла, и перед глазами появилась, как на пустой сцене, вся умытая росой, яркая и четкая цель.

Бонд достал из кармана оптический прицел и осмотрел каждый дюйм открывшейся картины. Затем изучил склон перед собой и прикинул возможное расстояние. От края поляны — единственного места, откуда можно было вести прямой огонь, не считая участка после последней полосы деревьев у кромки озера, — было примерно пятьсот ярдов до террасы и внутреннего дворика и около

трехсот — до трамплина и края воды. Интересно, как эти люди проводят время? Чем они обычно занимаются? Ходят ли купаться? Погода была все еще довольно теплой. Ну что ж, в его распоряжении целый день. Если к вечеру они так и не выйдут к озеру, ему ничего не останется, как проверить свою меткость на расстоянии в пятьсот ярдов и достать их во внутреннем дворе. Но при стрельбе из чужой винтовки на это рассчитывать трудно. Быть может, стоит сразу переместиться на край поляны? Поляна была широкой, ярдов пятьсот пришлось бы двигаться в открытую. Пожалуй, стоит это сделать до того, как люди в доме проснутся. Кто знает, когда они по утрам встают?

Как бы в ответ на его вопрос в одном из небольших окон слева от основного здания белые жалюзи поползли вверх, и Бонд услышал громкий щелчок закрепляющего их в крайнем верхнем положении механизма. Да ведь это эхо! Недаром и озеро так называется. Слышно ли его в доме, если звук исходит отсюда? Надо ли стараться не наступать на ветки и засохшие побеги? Наверно, нет. В долине звук отражается от поверхности воды и распространяется вверх. Однако рисковать не следует.

Из трубы с левой стороны в небо поползла слабая струйка дыма. “Скоро начнут готовить яичницу с беконом и кофе”, — подумал Бонд. Он осторожно отполз назад по ветке и спустился на землю. Сейчас он тоже перекусит, последний раз спокойно выкурит сигарету и окончательно переместится к линии огня.

Хлеб застревал в горле, и Бонд почувствовал, как нарастает внутреннее напряжение. Ему уже казалось, что он слышит приглушенный звук выстрелов. Он представил себе, как темная пуля, подобно медленно летящей пчеле, лениво движется вниз, в долину, в направлении кусочка розовой кожи. В момент попадания раздается легкий щелчок. Кожа вдавливается, разрывается, а затем стягивается вновь, оставляя на поверхности небольшое отверстие с рваными краями. Пуля продолжает свое неторопливое движение по направлению к бьющемуся сердцу, а ткани и кровеносные сосуды послушно раздвигаются в сторону, давая ей дорогу. Что это за человек, которого он собирался прикончить? Что плохого он сделал Бонду? Он задумчиво посмотрел на палец, которым предстояло нажать на спусковой крючок, медленно согнул его, мысленно ощущая холод металлического изгиба. Почти автоматически его левая рука потянулась за фляжкой. Он поднес ее к губам и запрокинул голову. Смесь кофе с виски слегка обожгла горло. Бонд завинтил крышку и подождал, пока тепло виски доберется до желудка. Затем он встал с земли, потянулся, широко зевнул, поднял винтовку и перебросил ремень через плечо. Потом внимательно огляделся, запоминая место, через которое придется подниматься в гору на обратном пути, и стал не спеша спускаться по поросшему лесом склону.

Тропа скоро кончилась, и он замедлил шаг, тихо продвигаясь вперед и стараясь не наступать на засохшие ветки. Лес становился смешанным, среди елей и серебристых берез время от времени попадались дуб, бук и платан, а еще, местами, клен в пылающем осеннем убранстве. Под деревьями тянулась вверх редкая молодая поросль, валялось много валежника — свидетельство ураганных ветров. Бонд осторожно спускался по склону горы, почти бесшумно ступая по листьям и покрытым лишайником камням, но вскоре лесные обитатели почувствовали его присутствие и принялись оповещать об этом друг друга. Первой увидела его крупная самка оленя, сопровождаемая двумя похожими на Бемби оленятами, и тут же унеслась прочь, подняв страшный шум. Дятел в ярком оперенье, с ярко-красной головой летел впереди него, издавая пронзительный крик каждый раз, когда Бонд догонял его. И все время попадались бурундуки, которые застывали на задних лапах с оскаленными мордочками, пытаясь уловить его запах, а затем скрывались в вырытых среди камней норах с верещанием, которое, казалось, наполняло весь лес чувством страха. Бонд пытался внушить лесным обитателям, что им незачем его

бояться, что винтовка, которую он нес на плече, не будет в них стрелять, но каждый раз, когда звучал новый сигнал тревоги, у него возникало предчувствие, что, дойдя до края поляны, он увидит на лужайке человека с биноклем, наблюдающего, как с верхушек деревьев срываются перепуганные птицы.

Однако когда он остановился, спрятавшись за последний широкий дуб, и бросил взгляд на просторную поляну, последнюю полосу деревьев и находившиеся за ними озеро и дом, то не заметил никаких перемен. Все остальные жалюзи оставались опущенными, и единственным движущимся предметом был струившийся из трубы тонкий дым.

Было восемь часов утра. Бонд посмотрел на полосу леса за поляной, подыскивая подходящее дерево. Наконец его взгляд остановился на большом клене, выделявшемся своей ярко-коричневой и темно-красной листвой. На его фоне одежда Бонда не будет бросаться в глаза, а ствол был достаточно толстым. К тому же клен находился на некотором расстоянии от переднего ряда елей. Встав в полный рост рядом с деревом, он получит нужный угол обзора, видя перед собой озеро и дом. Еще несколько минут Бонд стоял не двигаясь, прикидывая дальнейший спуск по поляне, заросшей густой травой и золотарником. Придется ползти на животе, и довольно медленно. По поляне пробежал легкий ветерок. Как бы хотелось, чтобы он дул и дальше, приглушая вызываемые его передвижением звуки!

Где-то совсем близко, слева от кромки деревьев, треснула ветка — всего один раз и довольно громко, после чего наступила тишина. Бонд опустил на колено, обострив слух, всем своим нутром пытаясь определить, почему это произошло. В таком положении он оставался минут десять — неподвижной коричневой тенью, прислонившейся к широкому стволу дуба.

От прикосновения животных и птиц сучья не трещат. Треск засохших ветвей посылает им особый сигнал опасности. Птицы никогда не садятся на ветки, которые могут под ними переломиться, и даже такое крупное животное, как олень, который может обороняться рогами и копытами, передвигается по лесу очень тихо, кроме случаев, когда спасается бегством. А что, если эти люди все-таки выставили охрану? Бонд осторожно снял винтовку с плеча и дотронулся большим пальцем до предохранителя. Может, если они все еще спят, одиночный выстрел, прозвучавший высоко на лесистом склоне, будет принят за выстрел охотника или браконьера? Внезапно в пространстве, отделяющем его от того места, где, как ему показалось, раздался треск, из-за деревьев появились два оленя — длинными прыжками они пронеслись по поляне слева от него. Правда, дважды они останавливались, оглядываясь назад, но затем, пощипав травы, продолжали свой бег, пока не скрылись из вида среди растущих ниже по склону деревьев. В их движениях не было страха или поспешности. Ветка наверняка треснула у них под копытами. Бонд вздохнул с облегчением — обошлось! А теперь вперед, через поляну.

Проползти пятьсот ярдов в высокой, густой траве — задача не из легких. Вся нагрузка ложится на колени, локти и ладони, обзор ограничен травой и стебельками цветов, а пыль и мелкие насекомые лезут в глаза, нос и горло. Бонд сосредоточил все внимание на правильной работе рук, чтобы сохранить равномерный темп своего медленного продвижения вперед. Ветерок продолжал дуть, делая его движения незаметными для обитателей дома.

При взгляде сверху могло показаться, что в траве по поляне движется какое-то животное — не то бобер, не то сурок. Скорее всего — не бобер, ведь те всегда передвигаются парами. И все же, возможно, это был бобер, поскольку сейчас, со стороны верхнего края поляны, то ли предмет, то ли человеческое существо скрылось в высокой поросли, а позади и выше того места, где находился Бонд, в глубоком половодье травы появилась еще одна борозда. Впечатление было такое, что предмет или существо начинает медленно настигать Бонда и что две борозды

сомкнутся у следующей полосы деревьев.

Бонд продолжал упорно ползти вперед, извиваясь всем телом и останавливаясь лишь для того, чтобы вытереть пот и пыль с лица, а также убедиться, что движется к клену. До полосы деревьев, за которыми его не было бы видно из дома, до клена оставалось совсем немного, примерно двадцать футов, когда он прекратил движение и перевернулся на мгновение на спину, массируя колени и вращая кистями рук перед последним отрезком пути.

Ничто не предвещало опасности, и когда Бонд услышал тихий угрожающий шепот, раздавшийся в густой траве всего лишь в нескольких футах слева, он обернулся так резко, что хрустнули шейные позвонки.

— Малейшее движение, и вы труп, — прошептал женский голос с такой яростью, что не было никаких оснований сомневаться в серьезности произнесенной угрозы.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди Бонда. Он поднял голову и увидел перед собой, дюймах в восемнадцати от головы, выглядывавший из-за стеблей треугольный наконечник отливающей синим цветом стальной стрелы. Положив арбалет горизонтально на траву, незнакомка натягивала тетиву загорелой рукой с побелевшими от напряжения суставами пальцев. Бонд разглядел тускло блестевшую стрелу и — за металлическим опереньем, частично скрытым качавшимися на ветру стеблями травы, — сжатые в решимости губы, и полные ярости глаза на загорелом вспотевшем лице. Кто бы это мог быть, черт побери, неужели кто-то из охраны? Бонд проглотил пересохшим горлом слюну и попытался медленно высвободить невидимую для противника правую руку, чтобы дотянуться до пистолета на поясе.

— Кто вы такая? — тихо спросил он. Наконечник стрелы угрожающе качнулся.

— Оставьте в покое пистолет, иначе я прострелю вам плечо. Вы из охраны?

— Нет, а вы?

— Не валяйте дурака. Чем вы тут занимаетесь? — Напряжение в голосе ослабло, но он по-прежнему звучал сурово и подозрительно. Бонд заметил легкий акцент, не то шотландский, не то уэльский.

Пора было объясниться — темно-синий наконечник стрелы выглядел чересчур угрожающе, поэтому Бонд произнес игривым тоном:

— А может, Робина Гуд, для начала вы уберете в сторону ваш заряженный арбалет, а потом я вам все расскажу?

— Поклянитесь, что не воспользуетесь пистолетом.

— Клянусь, но, ради Бога, давайте переместимся с середины поляны.

Не дожидаясь ответа. Бонд снова принялся ползти, работая локтями и коленями, — ему необходимо было сейчас захватить инициативу и удержать ее в своих руках. Кем бы ни оказалась эта молодая особа, от нее придется быстро и тихо избавиться, прежде чем начнется стрельба. Надо же такому произойти, как будто у него других забот нет.

Бонд подполз к стволу дерева, осторожно встал на ноги и бросил быстрый взгляд через пламенеющую листву. Жалюзи на большинстве окон были подняты. Во внутреннем дворике две темнокожие горничные неторопливо накрывали к завтраку большой стол. Он правильно угадал — отсюда, поверх вершин деревьев, круто спускавшихся вниз к озеру, открывался великолепный обзор. Бонд снял с плеча винтовку и рюкзак и сел на землю, облокотившись спиной о ствол дерева. Незнакомка выбралась из травы и встала под кленом, продолжая держаться от Бонда на расстоянии. Стрела по-прежнему оставалась в арбалете, но не на боевом взводе. Они настороженно посмотрели друг на друга.

Девушка походила на прекрасную простоволосую дриаду. На ней была рубашка и брюки темно-зеленого цвета, измятые, забрызганные грязью, в пятнах и порванные в нескольких местах. Очень светлые волосы перевязаны золотарником, чтобы их не было видно, пока она ползла по поляне. В ее удивительном облике было что-то от

дикого животного — большой чувственный рот, высокие скулы и серебристо-серые презрительные глаза. На руках и одной щеке выступила кровь от царапин, а на скуле той же щеки вздулся темным пятном небольшой синяк. Из-за левого плеча выглядывал колчан, набитый стрелами с металлическим опереньем. В дополнение к арбалету на поясе у нее был охотничий нож, а с другого бока свисала небольшая коричневая брезентовая сумка, очевидно, для еды. Она напоминала прекрасное грозное существо, знакомое с дикой природой, лесом, которые ее не путали. Казалось, она могла прожить здесь всю жизнь, практически не пользуясь благами цивилизации.

“Она просто великолепна”, — подумал Бонд и улыбнулся ей, промолвив мягким успокаивающим тоном:

— Вас, очевидно, зовут Робина Гуд, а мое имя Джеймс Бонд. — Он потянулся за фляжкой, открыл крышку и протянул незнакомке:

— Присядьте и отведайте этой.., смеси огненной воды и кофе. Могу также предложить вяленого мяса. Или роса и ягоды — все, чем вы питаетесь?

Она приблизилась на шаг и села на землю в ярде от Бонда в позе индейцев, широко раскинув колени и подобрав под себя ноги, взяла фляжку и сделала глубокий глоток, запрокинув голову, после чего молча вернула ее Бонду. Без улыбки она с неохотой произнесла “спасибо”, вынула стрелу из арбалета и сунула ее обратно в полный колчан.

— Вы, наверное, браконьер, — произнесла она, пристально глядя на него, — ведь сезон охоты на оленей открывается только через три недели. Все равно оленей вы здесь не найдете — они лишь ночью спускаются так низко. А днем следует забраться повыше, гораздо выше. Могу показать вам, где обитает довольно большое стадо. Сейчас, правда, уже поздновато, но у вас достаточно времени, чтобы туда добраться до наступления темноты. К ним надо подойти с подветренной стороны, а вы, похоже, умеете незаметно подкрадываться, у вас это получается почти бесшумно.

— Так вы здесь оказались, чтобы поохотиться? Могу я взглянуть на вашу охотничью лицензию?

Без возражений она вынула белый листок бумаги из одного из нагрудных, на пуговице, карманов рубашки и протянула его Бонду.

Лицензия была выдана в Берлингтоне, штат Вермонт, на имя Джуди Хэвлок. Среди перечисленных категорий лиц и видов охоты были отмечены графы “гостевая” и “гостевая с использованием арбалета”. Стоимость лицензии составляла восемнадцать долларов пятьдесят центов, которые должны быть уплачены службе контроля рыбных ресурсов и дичи, расположенной в Монпелье, штат Вермонт. В графах “возраст” и “место рождения” Джуди Хэвлок поставила “18 лет” и “Ямайка”.

“Боже мой, — подумал Бонд и вернул ей листок. — Значит, сегодня — день расплаты”.

— Вы молодец, Джуди. Прodelать такой путь с Ямайки! Так вы собирались прикончить его стрелой из арбалета? Есть такая китайская поговорка: “Прежде чем приступить к отмщению, надо выкопать две могилы”. Вы об этом позаботились или рассчитываете, что вам удастся безнаказанно улизнуть? — спросил он с симпатией и уважением в голосе.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Кто вы такой, что вас сюда привело и откуда у вас эти сведения?

Бонд на секунду задумался. Из этой неловкой ситуации был только один выход — действовать с ней заодно. Надо же было так вляпаться!

— Вы теперь знаете, как меня зовут. Меня направили сюда из Лондона.., из Скотленд-Ярда. Мне известно абсолютно все о ваших бедах, и я оказался здесь, чтобы кое-что уладить и обезопасить вас от этой компании. В Лондоне полагают, что

обитатель этого дома, возможно, начнет оказывать на вас как хозяйку имения давление и что есть только один способ помешать ему в этом, — сказал он, понимая, что отпираться бесполезно.

В голосе Джуди появились нотки горечи:

— У меня был любимый пони породы “паломино”. Три недели назад они его отравили. Потом пристрелили мою овчарку. После этого я получила письмо, в котором говорилось: “У смерти много рук, и одна из них занесена над вашей головой”. Мне было предложено поместить в определенный день коротенькое извещение в колонке частных объявлений со словами: “Обязуюсь повиноваться. Джуди”. Когда я обратилась в полицию, мне там пообещали выставить полицейскую охрану, и не более того. По мнению полиции, речь шла о кубинцах, поэтому на ее помощь нельзя было рассчитывать. Тогда я отправилась на Кубу, остановилась в самом шикарном отеле и несколько раз поставила на крупные ставки в казино. — Она слегка улыбнулась и продолжала:

— Я, конечно, одевалась совсем по-другому — лучшие наряды и семейные драгоценности. Люди вокруг старались мне помочь, отвечая на мое хорошее к ним отношение, — я ведь понимала, что только так можно было бы что-то разузнать. Я все время задавала вопросы, делая вид, что приехала на Кубу в поисках острых ощущений, посмотреть, что представляет собой преступный мир, увидеть настоящих гангстеров и тому подобное. В конце концов мне удалось выведать кое-что об этом человеке. — Она указала рукой на дом. — Он покинул Кубу после того, как Батисте что-то рассказали про него. К тому же у него была масса врагов. Мне много про него наговорили, и наконец я познакомилась с одним человеком, вроде бы высоким полицейским чином, который сообщил мне все остальное после того, как я... — тут она заколебалась и отвела глаза от Бонда, — сделала то, что он просил. — После короткой паузы она продолжила свой рассказ:

— С Кубы я отправилась в Америку. Я где-то прочла о детективном бюро “Пинкертон”, оплатила услуги и попросила установить адрес этого человека. — Она повернула лежащие на коленях руки ладонями вверх и посмотрела на Бонда с вызовом:

— Вот и все.

— А как вы добрались сюда?

— Самолетом до Берлингтона, а дальше пешком четыре дня через Зеленые горы, стараясь не попадаться людям на глаза. Я к этому привыкла. Наш дом на Ямайке находится в горах, более труднодоступных, чем эти, да и людей, крестьян, там чаще можно встретить. А здесь, похоже, никто и пешком не ходит — все на машинах.

— В чем же состоит ваш план?

— Я застрелю фон Хаммерштейна и вернусь пешком в Берлингтон, — ответила она таким обычным голосом, будто сообщила, что собирается сорвать дикий цветок.

Снизу, из долины, донеслись голоса. Бонд вскочил на ноги и бросил быстрый взгляд сквозь ветки дерева. Во внутреннем дворике появились трое мужчин и две девушки. Переговариваясь между собой и смеясь, они расселись за столом. Во главе стола, между девушками, одно место оставалось свободным. Бонд достал оптический прицел и подсмотрел вниз. Мужчины были довольно низкорослыми, с сильным загаром. Тот, кто все время улыбался и чья одежда выглядела самой опрятной и щегольской, очевидно, Гонсалес, а двое других казались неотесанными крестьянами. Они сели рядом в конце продолговатого стола и не принимали участия в разговоре. Девуцы — две темные брюнетки — имели вид дешевых кубинских шлюх. На них были яркие купальники и украшения из золота. Они без умолку смеялись и болтали, как смазливый мартышки. Слова долетали почти без искажения и их можно было бы разобрать, но разговор шел на испанском.

Бонд почувствовал присутствие Джуди, стоявшей всего лишь в ярде позади него, и протянул ей прицел, сказав при этом:

— Опрятно одетого низкорослого человека зовут майор Гонсалес, а в конце стала сидят телохранители. Девиц я не знаю. Фон Хаммерштейн пока не появился.

Джуди быстро посмотрела через прицел и молча протянула его обратно. “Догадалась ли она, что перед ней убийцы ее родителей?” — подумал Бонд.

Девицы обернулись и посмотрели на ведущую в дом дверь. Одна из них произнесла что-то похожее на приветствие. В лучах солнца показался приземистый, плотно сбитый, почти голый человек. Неторопливо обогнув стол, он подошел к тому месту, где вымощенная плитами терраса переходила в лужайку, и приступил к пятиминутной физзарядке.

Бонд внимательно рассмотрел его через прицел — рост около пяти футов четырех дюймов, плечи и ноги боксера, но с начинающим заплывать жирком животом, густая черная поросль, покрывающая грудь, лопатки, руки и ноги. И как контраст — полное отсутствие растительности на лице и голове, блестящая желто-белая кожа, обтягивающая череп, глубокая вмятина на затылке — либо след от раны, либо оставшийся после трепанации шрам. Лицо типичного прусского офицера с прямоугольными, тяжеловесными и выдающимися вперед чертами. И в то же время — свинячьи, близко посаженные глазки под нависающими голыми бровями, большой рот с отвратительными толстыми мокрыми малиновыми губами. На нем не было ничего, кроме полосы черной материи размером чуть больше спортивного пояса, обернутой вокруг живота, и массивных золотых наручных часов с золотым браслетом. Бонд вновь передал прицел Джуди, почувствовав облегчение, — фон Хаммерштейн оказался в действительности ненамного лучше той отвратительной личности, о которой шла речь в досье М.

Бонд наблюдал за выражением лица Джуди — суровая, чуть ли не жестокая складка, появившаяся вокруг ее рта в то время, как она наблюдала за человеком, которого собиралась убить. Как же с ней поступить? Ее присутствие не сулило ему ничего, кроме вороха проблем. Она могла даже помешать осуществлению его плана, настаивать на каком-то своем участии с этим дурацким арбалетом и стрелами. Понимая, что он не может позволить себе рисковать, Бонд принял окончательное решение: легкий удар по затылку, кляп в рот — и она останется связанной до конца операции. Бонд украдкой протянул руку к прикладу винтовки.

С видом полного безразличия Джуди отошла на несколько шагов назад, наклонилась, положила прицел на землю и взяла арбалет. Затем вытащила из висевшего на плече колчана стрелу, привычным движением приставила ее к тетиве, посмотрела исподлобья на Бонда и тихо произнесла:

— Не дурите и не подходите слишком близко. Я обладаю так называемым широким углом зрения и не для того проделала весь этот путь, чтобы получить удар по голове от туповатого лондонского полицейского. С расстояния пятидесяти ярдов я никогда не промахиваюсь, удавалось поражать летящих птиц и со ста ярдов. Не хотелось бы прострелить вам ногу, но придется это сделать, если вы попытаетесь мне помешать.

Проклиная свою ранее проявленную нерешительность, Бонд зло сказал:

— Не будьте душой и опустите ваше дурацкое устройство — это мужское дело. Как можно, черт побери, уложить четырех человек из арбалета?

В глазах Джуди появился упрямый блеск. Правая нога приняла стойку для стрельбы, и сквозь сжатые зубы она со злобой произнесла:

— Убирайтесь ко всем чертям и не суйте свой нос в это дело. Они убийцы моих, а не ваших родителей. Я уже провела здесь целые сутки, знаю их распорядок дня и составила план, как прикончить Хаммерштейна. На других мне наплевать, они без него ничто. А теперь, — она натянула тетиву наполовину, наведя стрелу в упор на

лицо Бонда, — либо вы будете следовать моим указаниям, либо пеняйте на себя. И не думайте, что я шучу. Это мое личное дело, я поклялась довести его до конца, не останавливаясь ни перед чем. И так? — Она вызывающе вскинула голову.

Бонд мрачно взвесил ситуацию, бросив взгляд на умопомрачительно красивую, диковатую девушку. В ее жилах текла добрая, неразбавленная английская кровь с примесью горячности от проведенного в тропиках детства, что представляло собой довольно гремучую смесь. Сейчас она довела себя до состояния контролируемой истерии. Он был почти наверняка уверен, что она и глазом не моргнет перед тем, как вывести его из игры. И у него не было против нее никаких средств защиты — ее оружие было бесшумным, а его подняло бы на ноги всю округу. Единственная оставшаяся надежда — попробовать склонить ее на свою сторону, поручить ей часть задачи, а остальное он доведет до конца сам.

— Послушайте, Джуди, — спокойно произнес он, — если вы настаиваете на своем участии, разумнее было бы действовать вместе. Только так можно рассчитывать на успешный исход, при котором мы останемся живы. Такого рода операции — моя профессия. Я получил приказ выполнить эту задачу от..., близкого друга вашей семьи, если уж вам так хочется это знать. И мое оружие как раз предназначено для такой операции — дальность его стрельбы почти в пять раз превышает дальность вашего арбалета. Я мог бы рискнуть достать его прямо сейчас, во внутреннем дворике, по этот шанс не настолько хорош, чтобы я им воспользовался. Посмотрите, несколько человек вышли из дома одетыми для купания, значит, они наверняка спустятся к озеру. И тогда уж придет мой черед, а вы могли бы прикрывать меня. Тем самым вы оказали бы мне большую помощь, — добавил он нерешительно.

— Нет, так дело не пойдет, — сказала она, решительно тряхнув головой, — вы можете обеспечивать прикрытие сколько вам заблагорассудится, мне, в конце концов, это безразлично. Вы не ошиблись, когда сказали, что они скоро пойдут купаться. Вчера это было часов в одиннадцать. Сегодня стоит такая же теплая погода, и они наверняка опять будут купаться. Я их достану из-за деревьев, растущих прямо у воды, — вчера я нашла самое подходящее для этого место. Охранники не расстаются с оружием — что-то вроде короткоствольных автоматов. Они никогда не купаются, оставаясь на берегу на страже. Я точно рассчитала момент, когда уберу фон Хаммерштейна, и прежде чем они сообразят, что же произошло, я буду уже далеко от озера. Я уже сказала вам, что заранее все спланировала. Оставаться здесь я больше не могу — мне еще раньше следовало вернуться на выбранную позицию. Сожалею, но если вы немедленно не примете мои условия, у меня не будет другого выбора. — И она приподняла арбалет на несколько дюймов вверх.

“Черт бы побрал эту девчонку”, — подумал про себя Бонд, сказав со злостью вслух:

— Ваша взяла, но предупреждаю — если мы унесем ноги отсюда, я вам так всыплю, что на целую неделю места живого не останется. — Он пожал плечами и добавил с отрешенностью в голосе:

— Начинайте, а я возьму на себя остальных. Встретимся здесь, если уцелеете, а нет — я сойду вниз подобрать то, что от вас останется.

Джуди освободила арбалет от лямки и произнесла полным безразличия голосом:

— Рада, что вы вняли разуму. Вытащить стрелу из раны стоит большого труда. Обо мне не беспокойтесь, смотрите, чтобы вас не заметили, и постарайтесь, чтобы солнце не попало на оптический прицел. — Она улыбнулась Бонду короткой улыбкой, в которой сквозила жалость и самодовольство женщины, оставившей за собой последнее слово, повернулась к нему спиной и начала пробираться вниз между деревьями.

Бонд смотрел вслед гибкой темно-зеленой фигурке до тех пор, пока она не скрылась за стволами деревьев, потом нетерпеливо схватил оптический прицел и вернулся на свой наблюдательный пункт. “Черт с ней, — подумал он, — пора выбросить эту глупую дурочку из головы и сосредоточиться на предстоящей операции”. Быть может, он не исчерпал всех возможностей и мог бы поступить как-то по-другому? Теперь ему не оставалось ничего, иного, как ждать, когда она произведет первый выстрел, а это плохо. Но если бы первым открыл огонь он, еще неизвестно, как повела бы себя эта сумасбродка. На минуту Бонд предался приятным размышлениям, что он сделает с этой девчонкой после того, как все будет кончено. Затем перед домом произошло какое-то движение, он выбросил эти соблазнительные мысли из головы и поднес прицел к глазам.

Две горничные были заняты тем, что убирали остатки завтрака со стола. На террасе не было видно ни девиц, ни охранников. Откинувшись на подушки садовой кушетки, фон Хаммерштейн углубился в газету, время от времени комментируя что-то для майора Гонсалеса, который находился в ногах кушетки, сидя верхом на железном садовом стуле. Во рту у него была сигара, и он периодически прикрывал рот рукой, наклоняясь в сторону и сплевывая кусочки табачного листа на землю. Бонд не мог разобрать, что говорил фон Хаммерштейн, но уловил, что тот говорил по-английски и что Гонсалес отвечал тоже по-английски. Бонд посмотрел на часы — было десять тридцать утра. Картина казалась настолько статичной, что Бонд присел на корточки спиной к двери и начал тщательно проверять винтовку, помня, впрочем, для чего она ему вскоре понадобится.

Бонда отнюдь не радовала предстоящая работа, и, находясь здесь, вдали от Англии, он должен был постоянно напоминать себе, с какими людьми ему придется иметь дело. Смерть Хэвлоков явилась результатом особо отвратительного убийства. Фон Хаммерштейн и его громилы были крайне мерзкими типами, и в мире нашлось бы немало людей, готовых с великой радостью убить их, как это собиралась сделать Джуди, из чувства личной мести. Но у Бонда было иное положение, в отношении этих людей отсутствовали личные мотивы. Для него это было не более чем работой — такой же, как работа сотрудника службы по борьбе с эпидемиями, которому положено уничтожать крыс. Он был как бы государственным палачом, которого М, назначил осуществить казнь от имени человеческого сообщества. В каком-то смысле, убеждал себя Бонд, эти люди были врагами Англии в такой же степени, как агенты СМЕРШа или секретных служб других стран-противников. Они вели объявленную войну против английского народа на английской территории, а сейчас они планировали еще одну враждебную вылазку. Мысленно Бонд продолжал искать все новые и новые доводы, чтобы подкрепить свою решимость. Они убили пони и собаку Джуди, прихлопнув их, как мух, они...

Прозвучавшая из долины очередь из автоматического оружия заставила Бонда вскочить на ноги. Когда раздалась вторая очередь, он уже выбирал цель через прицел винтовки. Вслед за грохотом выстрелов послышались смех и аплодисменты. Зимородок — комок голубых и серых перьев — с глухим стуком упал на лужайку и задергался на траве. Из дула автомата, который фон Хаммерштейн держал в руках, все еще клубился дымок, когда он сделал несколько шагов, наступил пяткой на поверженную птицу и резко крутанул ее, затем поднял ногу и вытер пятку о траву рядом с комком перьев. Остальная компания стояла неподалеку, лъстиво смеясь и аплодируя. Малиновый рот фон Хаммерштейна расплылся в довольной гримасе. Из того, что он сказал, можно было разобрать слова “мастерский выстрел”. Он отдал автомат одному из охранников, вытер руки о заплывший жиром зад и что-то резко сказал девицам, которые бросились в дом. После этого он повернулся и неторопливо направился по склону лужайки к озеру в сопровождении оставшихся мужчин. В этот момент из дома появились девицы, каждая с пустой бутылкой из-под шампанского в

руке. Вереща и смеясь, они бросились вдогонку за мужчинами.

Бонд начал готовиться к стрельбе, закрепил оптический прицел на стволе винтовки и занял позицию у ствола дерева. Бугорок на поверхности ствола служил ему опорой для левой руки, он установил прицел на риске “300” и навел винтовку на всю стоявшую у озера группу. Затем, перехватив винтовку поудобнее, облокотился о ствол дерева и продолжил наблюдение.

Охранники, похоже, собирались поупражняться в меткости. Вставив новые магазины, они по команде Гонсалеса заняли позицию на плоской каменной поверхности плотины на расстоянии двадцати футов друг от друга по обе стороны трамплина, повернувшись спиной к озеру и держа оружие наготове.

Фон Хаммерштейн подошел к краю газона, держа в каждой руке по бутылке из-под шампанского, а девицы расположились у него за спиной, закрыв уши руками и возбужденно вереща что-то по-испански. Раздавались взрывы хохота, но охранники оставались безучастными. Через прицел было видно, как заострились их черты лица от внутреннего напряжения.

Фон Хаммерштейн рявкнул команду, и наступила тишина. Он занес обе руки назад и сосчитал по-испански “раз, два, три”. При счете “три” Хаммерштейн швырнул обе бутылки высоко вверх в сторону озера.

Как две марионетки, охранники повернулись, держа оружие у бедра, и открыли огонь, еще не закончив поворот. Грохот пальбы взорвал мирную сцену, возносясь вверх от поверхности озера. Сидевшие на деревьях птицы с криком взмыли в воздух, а в озеро начали падать срезанные выстрелами мелкие ветки. Бутылка, пущенная левой рукой, разлетелась в пыль, а подброшенная правой, в которую попала всего лишь одна пуля, через долю секунды раскололась надвое. Осколки стекла попадали на середину поверхности озера, вызвав легкие фонтанчики брызг. Победителем вышел охранник, стоявший слева. Пороховой дым, слившийся над ним в одну струйку, проплыл над лужайкой. Громкое эхо постепенно затихало. Охранники сошли с плотины на траву, причем второй выглядел растерянным, а у первого на лице появилась хитрая ухмылка. Фон Хаммерштейн поманил пальцем девиц, и те с неохотой приблизились, волоча ноги и надув губы. Фон Хаммерштейн спросил что-то у победителя, который указал на девицу слева. Та уныла посмотрела на него. Гонсалес и Хаммерштейн захохотали. Хаммерштейн дотянулся до нее рукой, похлопал по задку, как корову, и что-то сказал по-испански, из чего Бонд разобрал слова “одну ночь”. Девица посмотрела на него исподлобья и послушно кивнула головой. Компания разошлась в разные стороны. Выбранная в качестве приза девица с разбега бросилась в воду, очевидно, чтобы отделаться от завоевавшего ее ласки охранника. Вторая последовала за ней. Они поплыли на середину озера, раздраженно обмениваясь словами. Майор Гонсалес снял пиджак, разложил на траве и уселся на него. Из кобуры под мышкой выглядывала рукоятка автоматического пистолета среднего калибра. Он наблюдал, как фон Хаммерштейн снял часы и направился по плотине к трамплину. Охранники отошли на некоторое расстояние от озера и также наблюдали за фон Хаммерштейном и девицами, которые уже достигли середины маленького озера и продолжали плыть к противоположному берегу. Они держали оружие в руках, время от времени один из них обводил взглядом сад или посматривал в сторону дома. “Понятно, почему фон Хаммерштейн смог уцелеть — все эти долгие годы он принимал необходимые меры предосторожности”, — подумал Бонд. Фон Хаммерштейн взобрался на трамплин, подошел к краю и посмотрел вниз на воду. Бонд весь напрягся и снял спусковой крючок с предохранителя. Его загоревшиеся яростью глаза превратились в узкие щелочки. Оставались какие-то секунды, и его палец, лежащий на дужке спускового крючка, начало жечь. Какого черта медлит Джуди?

Фон Хаммерштейн приготовился к прыжку, слегка согнул колени и отвел назад

руки. Через прицел Бонду было видно, как густые волосы на лопатках шевелились на легком ветру, погнавшем рябь по поверхности озера. Руки двинулись вперед, через долю секунды ноги оторвались от трамплина, хотя тело все еще оставалось в почти вертикальном положении. Именно в эту долю секунды что-то серебристое вонзилось ему в спину, а затем тело фон Хаммерштейна мягко вошло в воду.

Гонсалес вскочил на ноги и с удивлением уставился на расходящиеся после прыжка круги по поверхности. Его рот был приоткрыт, и он чего-то ждал, все еще сомневаясь в реальности происходящего. У охранников, видимо, сомнений не было — с оружием наготове, пригнувшись, они поглядывали то на Гонсалеса, то на деревья за плотиной, ожидая приказа.

Круги медленно разошлись по воде, вызвав рябь на поверхности. Прыжок оказался глубоким.

У Бонда пересохло во рту. Он облизнул губы, наблюдая за озером через прицел. Из глубины, медленно покачиваясь, поднималась розовая масса, и наконец тело фон Хаммерштейна, лицом вниз, появилось на слегка подернутой рябью поверхности. Из-под левой лопатки торчал стальной прут длиной около фута, и лучи солнца играли на алюминиевом оперении.

Майор Гонсалес отдал резкий приказ, и из дула двух автоматов с ревом вырвалось пламя. Бонд слышал, как внизу под ним пули с треском врезались в деревья. Он почувствовал отдачу в плечо, и стоявший справа охранник медленно упал лицом вниз. Другой бросился к озеру, продолжая вести огонь с бедра короткими очередями. Бонд выстрелил, промахнулся, затем выстрелил снова. Ноги охранника подкосились, но силой инерции его по-прежнему несло вперед, и он рухнул в воду, продолжая нажимать на спусковой крючок и беспорядочно палить в голубое небо, пока водой не залило спусковой механизм.

Секунды, затраченные на лишний выстрел, позволили Гонсалесу укрыться за телом первого охранника и открыть огонь из автомата по Бонду. Непонятно было, видел ли он Бонда или ориентировался на вспышки выстрелов из его винтовки, но стрелял Гонсалес довольно метко. Одна за другой пули вонзались в клен, и кусочки коры сыпались Бонду в лицо. Он сделал два выстрела и увидел, как дернулось мертвое тело охранника — слишком низко! Бонд перезарядил винтовку и вновь прицелился. Срезанная пулей ветка зацепилась за винтовочный ствол. Пока Бонд стряхивал ее, Гонсалес вскочил на ноги и бросился туда, где стояла садовая мебель, перевернул металлический стол и укрылся за ним как раз в тот момент, когда две посланные Бондом пули подняли фонтанчики земли у его ног. Спрятавшись за таким надежным укрытием, Гонсалес открыл более прицельный огонь — пули, выпускаемые очередями то с правой, то с левой стороны стола, продолжали врезаться в клен, в то время как Бонд отвечал одиночными выстрелами, которые попадали в выкрашенную белой краской садовую мебель или со свистом проносились над лужайкой. Поймать цель в оптический прицел то с одной, то с другой стороны стола было довольно трудно, а Гонсалес ловко менял позицию. Вновь и вновь его пули с глухим стуком врезались в ствол вблизи или чуть выше места, где находился Бонд. Он нагнулся и перебежал вправо. Теперь он сможет вести огонь стоя, через открытое пространство поляны, и попытается застать Гонсалеса врасплох. Уже на бегу он заметил, что Гонсалес метнулся из-за стола, также решив положить конец безрезультатной дуэли — он рассчитывал проскочить через плотину, добраться до леса и попробовать достать Бонда оттуда. Бонд поднялся на ноги и вскинул винтовку, но Гонсалес в этот момент увидел его, опустил на колено на плотине и выпустил очередь в Бонда. Тот под свист пуль хладнокровно поймал в перекрестье прицела грудь Гонсалеса и нажал на спусковой крючок. Гонсалес покачнулся, попытался удержаться на ногах, взмахнул руками и, по-прежнему сжимая в руке изрыгающий в небо огонь автомат, тяжело плюхнулся

лицом вниз в воду.

Бонд не сдвинулся с места, наблюдая, появится ли лицо на поверхности. Оно не появилось. Бонд медленно опустил винтовку и провел тыльной стороной ладони по лицу.

Многократное эхо, эхо кровавого спектакля, прокатилось по долине. Справа от себя, на большом расстоянии, он краем глаза увидел бегущих к дому девиц. Скоро, если горничные еще не сделали этого, они расскажут обо всем полиции. Пора уходить.

Бонд вернулся через поляну к одиноко стоявшему клену, где его уже ждала Джуди. Она стояла спиной к нему, прислонившись к стволу дерева и обхватив голову руками. Стекавшая по правой руке кровь капала на землю, на рукаве темно-зеленой рубашки, почти у самого плеча, виднелось темное пятно. Арбалет и колчан со стрелами лежали у ее ног. Плечи Джуди вздрагивали.

Бонд подошел к ней сзади, обнял за плечи и мягким, успокаивающим тоном произнес:

— Не волнуйтесь, Джуди, все позади. Руку сильно поранило?

— Пустяки, — глухо отозвалась она, — задело слегка. Как это все было ужасно! Я.., я и не думала, что так все получится.

Бонд сжал ей руку, пытаясь утешить.

— Это должно было случиться, иначе они бы вас достали. Это профессиональные убийцы, из самых подлых. Но ведь я вам говорил, что это мужское дело. А теперь дайте взглянуть на вашу руку. Нам надо уходить на ту сторону границы — здесь скоро появится полиция.

Она обернулась. По ее прекрасному диковатому лицу текли пот и слезы. Теперь в серых глазах были мягкость и покорность.

— Я так благодарна вам за доброе отношение ко мне. После того, что я натворила. Я.., как бы вам сказать.., так завелась, — сказала она.

Она протянула руку. Бонд вытащил охотничий нож, висевший у нее на поясе, разрезал рукав рубашки около плеча и увидел посиневшее кровоточащее отверстие от пули, попавшей в мышцу плеча. Бонд достал из кармана платок цвета хаки, разрезал его на три части и соединил их концами, хорошенько промыл рану смесью виски с кофе, достал из рюкзака толстый кусок хлеба и прибинтовал его к ране. Из рукава рубашки Джуди он сделал повязку и попытался завязать ее на шее. В этот момент их губы оказались всего в нескольких дюймах друг от друга. От ее тела исходило тепло дикого животного. Бонд чуть прикоснулся к ее губам, потом крепко поцеловал еще раз. Он завязал концы повязки узлом и заглянул в серые глаза, которые теперь были совсем близко. В них сквозило удивление и радость. Он еще раз поцеловал ее в уголки рта, и Джуди робко улыбнулась. Бонд чуть отстранился и тоже улыбнулся. Мягким движением он взял ее правую руку и просунул через повязку.

— Куда мы направляемся теперь? — спросила она послушно.

— Я увезу вас в Лондон, — ответил он, — к одному пожилому человеку, который хотел бы с вами познакомиться. Но сначала нужно перебраться в Канаду — у меня в Оттаве есть приятель, которого можно попросить уладить связанные с вашим паспортом формальности. Вам необходимо приобрести одежду и кое-какие другие вещи, на это уйдет несколько дней. Мы остановимся в мотеле под названием “Коузи мотор корт”.

Она посмотрела на него — теперь она выглядела совершенно иным человеком — и тихо сказала:

— Неплохая идея. Я никогда не останавливалась в мотеле.

Бонд наклонился, подобрал винтовку и рюкзак и вскинул их на плечо. Повесив на другое арбалет и колчан, он повернулся и зашагал по поляне.

Она последовала за ним и, стараясь не отставать, вытащила остатки золотарника из волос и развязала стягивающую их ленту. Светлые, золотистые волосы рассыпались по плечам.

Квант спокойствия (Quantum of solace)

Джеймс Бонд сказал:

— Я всегда думал, что если когда-нибудь и женюсь, то женюсь на стюардессе.

Обед был достаточно скучный, и теперь, когда два других гостя ушли в сопровождении своих людей, чтобы успеть на самолет, губернатор и Бонд остались одни в большой гостиной административного здания, меблированной мягкой мебелью. Они пытались завязать разговор. У Бонда было острое ощущение нелепости происходящего. Ему всегда было неудобно сидеть на мягких подушках. Он предпочитал сидеть в кресле, обитым чем-нибудь жестким, ногами упираясь в пол. И он чувствовал себя глупо, сидя со старым холостяком на этом диване из розового ситца, уставившись на кофе и ликеры, стоящие на низком столике между их вытянутыми ногами. Было в этой ситуации что-то излишне приятельское, интимное, даже женское, а потому и неуместное.

Бонд не любил Нассау. Все там были слишком богаты. Зимние гости и местные жители, которые имели свои дома на острове, говорили только о деньгах, своих болезнях и о проблемах с прислужгой. Они даже не умели как следует сплетничать. Не о чем было сплетничать. Все это зимнее сборище было слишком старым для любовных дел и, как большинство богатых людей, слишком осторожным, чтобы сказать какую-нибудь глупость о своих соседях. Миллеры, пара, которая только что ушла, были типичными — приятный, но скучноватый канадский миллионер, который давно начал бизнес по добыче естественного газа и так и остался в нем, и его миленькая болтушка жена.

Она как будто бы была англичанкой. Сидя рядом с Бондом, она оживленно болтала о том, какие спектакли он недавно видел в Лондоне, и не кажется ли ему, что ресторан “Савой Гриль” самое приятное место для ужина. Там можно встретить так много интересных людей — актрис и тому подобное. Бонд приложил все свои усилия, чтобы поддержать разговор, но поскольку он не был в театре уже в течение двух лет, да и в Лондон поехал только потому, что туда направился человек, за которым он следил в Вене, ему пришлось положиться на свои давнишние воспоминания о ночной жизни Лондона, которые как-то не вязались с воспоминаниями миссис Гарвей Миллер.

Бонд знал, что губернатор пригласил его на обед по долгу службы. Бонд был в колонии уже неделю и на следующий день собирался уезжать в Майами. Это была обычная работа по расследованию. Оружие поступало к повстанцам Кастро на Кубе со всех соседних территорий, в основном из Майами и через Мексиканский пролив, но когда американская береговая охрана захватила две большие партии, сторонники Кастро обратились к Ямайке и Багамским островам как возможным базам. Бонда направили из Лондона, чтобы положить этому конец. Ему не хотелось выполнять это задание. Дело в том, что лично он симпатизировал повстанцам. Но у правительства была большая программа по закупкам кубинского сахара, причем в количествах, больших, чем хотелось бы экспортировать Кубе, и при одном небольшом условии: Великобритания не должна была оказывать помощь или содействие кубинским повстанцам. Бонд узнал о двух больших морских судах, оборудованных для этой работы, и чтобы арестами не вызвать инцидента, темной ночью пробрался к ним на

полицейском катере. С палубы неосвещенного катера Бонд забросил на каждое судно через открытые иллюминаторы по термитной бомбе и, отплыв быстро и на большой скорости, наблюдал за пожаром на расстоянии. Конечно, страховым компаниям не повезло, но все обошлось без человеческих жертв, и он быстро и аккуратно сделал то, о чем ему говорил М.

Насколько Бонду было известно, никто в колонии, кроме шефа полиции и двух офицеров, не знал, кто вызвал эти два эффектных, а для тех, кто знал — своевременных пожара на рейде. Бонд докладывал только М, в Лондон. Он не хотел ставить губернатора в неловкое положение — по мнению Бонда, его можно было легко смутить. Действительно, было бы неразумно рассказывать ему о преступлении, которое могло стать предметом обсуждения в законодательном совете. Но губернатор был не дурак. Он знал о цели визита Бонда в колонию, и в тот вечер Бонд почувствовал в губернаторе, по его скованной улыбке и какой-то защитной реакции, неприязнь миролюбивого человека к насилию.

Все это не могло не оказать влияния на ход обеда, и потребовались значительные усилия, фонтан слов со стороны трудолюбивого помощника, чтобы вечер хоть как-то получился.

Теперь было 9.30, и губернатору и Бонду нужно было провести по этикету вместе еще один час, прежде чем они могли уйти спать с благодарностью и утешительной мыслью, что больше они никогда не увидят друг друга. Не потому, что Бонд имел что-то против губернатора. Губернатор принадлежал к обычному типу людей, каких Бонд часто встречал по всему свету: сильный, надежный, знающий, трезвый и справедливый — лучший тип колониальных гражданских чиновников. Он прочно занимал менее значительные посты в течение тридцати лет, пока вокруг распадалась империя, был компетентен и предан делу и теперь, как раз вовремя, постепенно продвигаясь и избегая скандалов, достиг вершины. Через год или два он стал бы кавалером ордена Бани 1-й степени и потом удалился бы на пенсию в Годалминг, или Челтенхем, или в Танбридж-Уэлс. У него остались бы только воспоминания о таких местах, как отошедший по перемирию Оман, Ливардские острова, Британская Гвиана, о которых ни один член местного клуба игроков в гольф не слышал и не думал. И все-таки, размышлял Бонд в этот вечер, сколько маленьких драм, таких, как, например, повстанцы Кастро, губернатор наблюдал и к скольким был причастен. Как много он знал о шахматной доске малой политики, о скандальных историях из жизни заграничных колоний, о людских секретах, хранящихся в папках правительственных учреждений во всех уголках мира. Но как расшевелить этот негибкий и абстрактный ум? Ему бы, Джеймсу Бонду, которого губернатор, очевидно, считал опасным человеком и возможным источником неприятностей для своей карьеры, найти хоть один интересный факт или случай, чтобы этот вечер не был такой бесполезной тратой времени. Беззаботная и не совсем правдивая ремарка Бонда о женитьбе на стюардессе была сделана в конце несвязного разговора о полетах, неизбежно возникшего после отъезда четы Миллеров, которые торопились на самолет, улетающий в Монреаль. Губернатор сказал, что Британская авиатранспортная компания осуществляет львиную часть американских перевозок в Нассау, так как эта служба организована великолепно, хотя ее самолеты и вылетают на полчаса позже из Айдлуайлда. Бонд заметил на это, ненавидя себя за свою банальность, что он предпочитает летать медленнее, но с комфортом, чем быстро, но без удобств. Именно тогда он высказался о стюардессах.

— Действительно, — произнес губернатор вежливо и сдержанно. Бонд молил о том, чтобы этот голос расслабился и стал человеческим. — Почему?

— О, я не знаю. Это прекрасно, когда хорошенькая девушка заботится о вас, приносит напитки, горячую еду и спрашивает, все ли у вас есть. А стюардессы всегда улыбаются и стараются угодить. Если я не найду стюардессу, мне ничего не

останется делать, как жениться на японке. По-моему, у них тоже правильное отношение. — Бонд вообще не собирался жениться. А если бы и женился, то это, конечно, не была бы серенькая рабыня. Просто он хотел позабавить или разозлить губернатора и таким образом втянуть его в обсуждение какой-нибудь человеческой темы.

— Я ничего не могу сказать по поводу японских женщин, но, думаю, вы понимаете, что стюардессы просто обучены угождать и могут быть совершенно другими вне работы, так сказать. — Высказывание губернатора было здравомыслящим и разумным.

— Поскольку я действительно не интересуюсь женитьбой, то этим вопросом и не занимался, — заметил Бонд.

Наступила пауза. Сигара у губернатора погасла. Минуту или две он разжигал ее, а когда заговорил, Бонду показалось, что даже в тоне его появились признаки жизни, интереса. Губернатор сказал:

— Когда-то я знал человека, у которого были такие же мысли, как у вас. Он влюбился в стюардессу и женился на ней. Да, довольно интересная история. Я думаю, — губернатор взглянул сбоку на Бонда и примиряюще рассмеялся, — вы видите довольно много темных сторон жизни. Эта история может показаться вам скучной. Хотите услышать ее?

— Очень. — Бонд постарался ответить с энтузиазмом. Он сомневался, что представление губернатора о темных сторонах жизни совпадает с его представлением, но по крайней мере это избавит его от глупого разговора. А теперь можно уйти с этого ужасно надоевшего дивана.

— Можно мне еще бренди? — Он встал, налил себе чуть-чуть бренди и вместо того, чтобы вернуться на диван, подвинул стул и сел наискосок от губернатора по другую сторону подноса с напитками.

Губернатор внимательно посмотрел на конец сигары, быстро затянулся и повернул ее вертикально, чтобы не падал пепел. Пока он рассказывал историю, он все время смотрел на пепел и говорил так, будто рассказывал это тоненькой струйке голубоватого дыма, которая поднималась и быстро исчезала в горячем влажном воздухе.

Он сказал осторожно:

— С этим человеком — я буду называть его Мастерсом, Филиппом Мастерсом — я служил почти в одно и то же время. Я его опережал на год. Он поехал в Феттес, получил право на стипендию в Оксфорде — название колледжа не имеет значения — и потом подал заявление в колониальную службу. Он не отличался особым умом, но был работающим и способным. Это тип человека, который производит хорошее впечатление на членов комиссии, проводящей собеседование при приеме на работу. Его приняли на службу. Первый его пост был в Нигерии. Он преуспел там. Ему нравились местные жители, и он хорошо с ними ладил. Придерживался он либеральных взглядов и, хотя с ними не братался, — губернатор криво улыбнулся, — в то время это могло принести ему неприятности от вышестоящего начальства, был к ним терпим и человечен. Для нигерийцев это было довольно неожиданно.

Губернатор сделал паузу и затянулся. Пепел чуть было не упал, но он осторожно наклонился над подносом с напитками и сбросил пепел в кофейную чашку. Откинулся назад и впервые посмотрел на Бонда.

— Осмелюсь сказать, что этот молодой человек испытывал к местным жителям такое же чувство, какое испытывают его сверстники к лицам противоположного пола. К сожалению, Филипп Мастерс был робким и довольно неуклюжим молодым человеком, он никогда не имел успеха в этом направлении. Если он не готовился к очередному экзамену, то играл в хоккей за команду своего колледжа или участвовал в гребных состязаниях в третьей восьмерке. Во время каникул жил у тети в Уэльсе и

ходил в горы с членами местного клуба. Родители его разошлись, между прочим, когда он еще учился в частной школе, и, хотя он был единственным ребенком, перестали о нем заботиться, как только он поступил в Оксфорд; получал он стипендию и небольшое содержание. Так что у него оставалось очень мало времени на развлечения, да и никто не брал на себя смелость познакомить его с какой-либо девушкой. Его жизнь была лишена эмоционального аспекта, такой образ жизни был нездоровым, он достался ему в наследство от викторианской эпохи. Зная все это, я предполагаю, что его дружеские отношения с цветным населением Нигерии были своего рода компенсацией, за которую ухватилась горячая и полнокровная натура, истосковавшаяся по человеческой привязанности и нашедшая ее теперь в этих простых и добрых людях.

Бонд прервал довольно торжественное повествование:

— Единственная проблема с красивыми негритянскими женщинами, — это то, что они ничего не знают о предохранении. Надеюсь, ему удалось не попасть в историю подобного рода.

Губернатор поднял руку. В его голосе прозвучала неприязнь к тому, что Бонд все свел к слишком приземленным понятиям.

— Нет, нет. Вы не поняли меня. Я не говорю о сексе. Молодому человеку никогда бы не пришло в голову иметь такие отношения с цветной девушкой. К сожалению, он ничего не знал о сексуальных отношениях. Это не очень редкое явление даже сегодня среди молодых людей в Англии, но очень распространенное в те дни, и причина, я надеюсь, вы согласитесь со мной, в огромном количестве неудавшихся браков и других трагедий. Бонд кивнул.

— Я так долго говорю об этом молодом человеке, чтобы показать вам, что то, что произошло, случилось с разочарованным, невинным молодым человеком, с теплым, но неразбуженным сердцем. Он был неопытен в жизни, и именно это заставило его искать дружбу и любовь у негров, а не в своем собственном мире. В общем, это был чувствительный, неприспособленный человек, физически непривлекательный, но во всех других отношениях здоровый и способный гражданин.

Бонд глотнул бренди и вытянул ноги. Ему нравилась история. Губернатор рассказывал ее в несколько старомодном повествовательном стиле, что делало ее похожей на правду.

Губернатор продолжал:

— Служба молодого Мастерса в Нигерии совпала с первым лейбористским правительством. Если вы помните, первое, с чего они начали, это реформа зарубежных служб. В Нигерию приехал новый губернатор, придерживавшийся передовых взглядов на проблемы местного населения. Он был приятно удивлен и обрадован, когда узнал, что один из младших чиновников его персонала уже проводил в жизнь в своем скромном масштабе что-то похожее на его собственные взгляды. Губернатор поддержал Филиппа Мастерса, возлагая на него обязанности, которые были выше его статуса. В положенный срок, когда Мастерс должен был получить повышение, губернатор написал ему такую блестящую характеристику, что Мастерс перепрыгнул через ранг и его перевели на Бермуды на должность помощника правительственного секретаря.

Губернатор посмотрел сквозь дым на Бонда. Он сказал, как бы извиняясь:

— Надеюсь, что вас это не очень утомило. Я скоро уже подойду к самому главному.

— Мне на самом деле очень интересно. Кажется, я уже хорошо представляю этого человека. Вы, должно быть, неплохо знали его.

Губернатор заколебался:

— Еще лучше я узнал его на Бермудах. Я был выше его по рангу, он

непосредственно подчинялся мне. Однако мы пока еще не дошли до Бермудов. В то время самолеты только начинали летать в Африку, и Филипп Мастерс решил лететь домой в Лондон самолетом, в этом случае он провел бы большее время дома, чем если бы поплыл пароходом из Фритауна. Он отправился поездом в Найроби и успел на рейс Британской авиакомпания, предшественницы БОАК, который летал раз в неделю. Никогда раньше он самолетом не летал, и ему было интересно. Но он слегка понервничал, когда самолет поднимался в воздух и стюардесса, очень хорошенькая, как он успел заметить, дала ему леденец и показала, как пристегнуть ремень. Когда самолет пришел в горизонтальное положение, молодой человек обнаружил, что летать совсем не так страшно, как он предполагал. Стюардесса прошла по почти пустому салону. Она улыбнулась ему:

“Вы можете расстегнуться теперь”.

И когда он стал неловко возиться с пряжкой, она наклонилась и расстегнула ее. Этот жест был несколько интимным. Мастерс никогда в жизни не оказывался так близко к женщине своего возраста. Покраснев и почувствовав необычайное смущение, он поблагодарил ее. Она довольно кокетливо улыбнулась его смущению и села на ручку свободного кресла через проход и стала расспрашивать, откуда он и куда направляется. Он ответил ей. В свою очередь он спросил о самолете, о том, как быстро они летели, где будут делать остановку и тому подобное. Он обнаружил, что с ней очень легко разговаривать и что она была почти ослепительно хороша. Он был удивлен той легкости, с которой она с ним обходилась, и тому явному интересу, который она проявляла ко всему, что он рассказывал об Африке. По-видимому, ей казалось, что его жизнь была более интересной и шикарной, чем он сам думал. Она заставила его почувствовать себя важным. Когда она ушла, чтобы помочь двум стюардессам приготовить обед, он сидел, думая о ней, и эти мысли вызвали у него трепет. Когда он попытался читать, то не смог сосредоточиться на странице — все время искал ее глазами. Один раз она поймала его взгляд и, как ему показалось, тайком ему улыбнулась. Эта улыбка как будто бы говорила, что мы единственные молодые люди на самолете. Мы понимаем друг друга. У нас одни и те же интересы.

Филипп Мастерс смотрел в окно и видел ее в море белых облаков. Мысленно он ее тщательно изучал, восхищаясь ее совершенством. Она была маленькая, с бело-розовым цветом кожи, со светлыми волосами, уложенными в пучок. (Ему особенно нравился пучок, который предполагал, что она не была легкого поведения.) У нее были ярко-вишневые улыбающиеся губы и голубые глаза, сверкающие задорным весельем. Зная Уэльс, он предполагал, что в ней течет уэльская кровь. И это подтвердило ее имя — Рода Ллеуэллин, которое он увидел в конце списка экипажа, висевшего над журнальной полкой у туалета, когда пошел мыть руки перед обедом. Он серьезно размышлял о ней. Она будет рядом с ним почти два дня, где еще он сможет ее увидеть? Должно быть, у нее сотни поклонников. Она может быть даже замужем. Она все время летает? Сколько у нее выходных дней между полетами? Будет ли она смеяться над ним, если он пригласит ее на обед или в театр? Может ли она пожаловаться командиру экипажа, что один из пассажиров весьма дерзок? Мастерс вдруг мысленно представил себе, как его снимают с самолета в Адене, посылают жалобу в министерство по делам колоний, и его карьера кончена.

Наступил обед, и с ним появилась новая уверенность. Когда она ставила маленький поднос, ее волосы коснулись его щеки. Мастерсу казалось, что к нему прикоснулся оголенный электрический провод. Она показала, как управиться со сложным маленьким целлофановым пакетом, как снять крышку с салатного соуса. Она сказала ему, что сладкое было особенно вкусным — кекс с толстым слоем фруктов. В общем, она суежилась вокруг него, и Мастерс не мог вспомнить, было ли с ним такое раньше, даже когда его мать ухаживала за ним еще в детском возрасте.

В конце полета, когда вспотевший Мастерс собрал все свое мужество, чтобы

пригласить ее к обеду и она с готовностью согласилась, последовала разрядка напряжения. Через месяц она ушла из Британской авиакомпании, и они — поженились. А еще через месяц отпуск Мастерса окончился, и они поплыли на Бермуды. Здесь Бонд произнес:

— Я предполагаю самое худшее. Она вышла за него замуж, потому что его жизнь казалась ей прекрасной и чудесной. Ей понравилась мысль о том, что она будет королевой на приемах в правительственном учреждении. Думаю, что Мастерсу пришлось ее убить в конечном счете.

— Нет, — мягко ответил губернатор. — Но осмелюсь сказать, что вы правы относительно причин ее замужества. Именно они, а также усталость от тяжелой и опасной работы. Возможно, она действительно хотела попытать счастья, и когда молодая пара приехала и поселилась в своем домике на окраине Гамильтона, Рода произвела на нас благоприятное впечатление своей жизнерадостностью, хорошеньким лицом и тем, как она старалась быть любезной со всеми. И, конечно, Мастерс изменился. Жизнь стала для него сказкой. Было даже как-то грустно наблюдать, как он пытался прихорашиваться, чтобы быть достойным ее. Он стал обращать внимание на свою одежду, начал мазать волосы бриллиантином, даже отрастил усы, какие обычно носили военные, потому что она полагала, что это придает изысканность. В конце дня он обычно торопился домой, и всегда было: Рода это, Рода то, и когда, вы думаете, леди Берфорд, жена губернатора, пригласит Роду на завтрак?

Он очень много работал, и всем нравилась молодая пара, и все шло прекрасно месяцев шесть или что-то около этого. Потом, как я теперь догадываюсь, случайные слова стали разъедать счастливую жизнь в маленьком доме, как кислота. Вы можете представить себе: “Почему жена секретаря по колониальным вопросам не берет меня с собой в магазины? Когда еще мы можем устроить коктейльный прием? Ты знаешь, мы не можем позволить иметь ребенка. Здесь ужасно скучно, нечего делать весь день. Когда тебе положено повышение? Тебе придется заняться обедом сегодня вечером. Мне просто надоело. Ты так интересно проводишь время. Тебе хорошо” — и так далее и тому подобное. И, конечно, все ласки быстро оказались за бортом. Теперь именно Мастерс приносил стюардессе завтрак в постель до ухода на работу, и он был очень рад это делать. Именно Мастерс убирался в доме, когда приходил вечером и видел пепел от сигарет и шоколадные обертки, разбросанные по всему дому. Мастерсу пришлось бросить курить, отказаться от редкой выпивки и покупать ей новые платья, чтобы она выглядела не хуже других жен. Кое-что из этого становилось заметным, во всяком случае для меня, ведь я хорошо знал его по секретариату. Постоянно озабоченный вид, резкий, загадочный, слишком заботливый телефонный разговор в рабочее время, десять минут, украденные в конце рабочего дня, чтобы отвезти Роду в кино, и, конечно, время от времени полушутливые вопросы о женитьбе вообще: “Чем другие жены занимаются весь день? Не очень ли здесь жарко женщинам? Мне кажется, что женщины (он чуть не добавил: “Господи, помилуй их”) выходят из себя быстрее, чем мужчины”. И тому подобное. Проблема или, по крайней мере, большая ее часть состояла в том, что Мастерс жил, как в тумане. Рода была для него и солнцем, и луной, и, если ей было грустно или тревожно, виноват в этом был он. Стремясь сделать ее счастливой, он отчаянно подыскивал, чем бы она могла заняться, и наконец остановился или скорее они остановились на гольфе. Гольф очень моден на Бермудах. Есть несколько прекрасных площадок — включая известный Среднеокеанский клуб, где играет высшее общество, которое потом собирается вместе поболтать и выпить. Это было как раз то, что она хотела, — модные занятия и высшее общество. Бог знает, как Мастерсу удалось скопить денег, чтобы стать членом клуба, купить ей биты, платить за уроки и за все остальное; но ему как-то все удалось, и это был огромный успех. Она стала проводить все дни в

клубе. Много работала во время занятий и добилась успеха. Благодаря небольшим соревнованиям и ежемесячным наградам она познакомилась с людьми и через шесть месяцев не только играла в эту респектабельную игру, но и стала любимицей мужчин, членов клуба. Меня это не удивило. Я помню, что видел ее там время от времени: прекрасная загорелая маленькая фигурка в очень коротеньких шортах, в белой кепочке с зеленым ободком. У нее была элегантная твердая походка, которая очень шла ее фигуре. И как однажды губернатор, подмигнув, сказал: “Поверьте же, она самая хорошенькая, кого я когда-либо видел на занятиях гольфом”. Конечно, следующий шаг не заставил себя долго ждать. Были организованы соревнования двух смешанных пар. Ее партнером стал старший сын Таттерсалов, ведущих торговцев Гамильтона, которые входили в правящую верхушку бермудского общества. Это был молодой озорник, чертовски красивый, прекрасный пловец и начинающий игрок в гольф, у него была спортивная яхта и все, что только может иметь богатый человек. Вы знаете этот тип. Имел всех девочек, каких хотел, и, если они не ложились с ним в постель сразу, они не катались на яхте и не проводили вечера в местных ночных клубах. Так вот, эта пара после тяжелой борьбы в финальной игре одержала победу в том соревновании, и Филипп Мастерс приветствовал их, находясь в толпе, собравшейся у восемнадцатого поля. Единственный раз в своей жизни он так радовался в течение всего дня.

Почти сразу же она начала встречаться с молодым Таттерсалом, а начав, уже не могла остановиться. И поверьте мне, мистер Бонд, — губернатор сжал кулак и мягко опустил его на край стола, — было ужасно все это видеть. Она даже не делала ни малейшей попытки смягчить удар или как-то скрывать этот роман. Она буквально взяла молодого Таттерсала и била им Мастерса в лицо. Она продолжала наносить удары. Приходила домой в любое время ночи — она настояла, чтобы Мастерс переехал в свободную комнату под тем предлогом, что спать вместе было очень жарко, и если она когда-нибудь убиралась или готовила ему еду, то это было лишь соблюдение хоть каких-то приличий. Конечно, месяц спустя вся эта история стала достоянием публики, и у бедного Мастерса были теперь самые большие рога в колонии. Наконец леди Берфорд вмешалась и поговорила с Родой Мастерс, сказав, что она портит карьеру мужа и тому подобное. Но беда была в том, что леди Берфорд считала Мастерса хорошенькой, скучной собакой, и, поскольку когда-то в юности она совершала рискованные проделки и до сих пор сохранила красоту и огонек в глазах, она была слишком снисходительна к Роде. Конечно, сам Мастерс, как он мне позднее рассказывал, прошел через ужасные испытания — увещевания, страшные ссоры, бешеный гнев, ярость (он рассказал мне, что однажды ночью он ее чуть не задушил) и наконец холодное отчуждение и замкнутое страдание. — Губернатор остановился. — Я не знаю, видели ли вы, мистер Бонд, как разбивают сердце, разбивают медленно и целеустремленно. Это как раз то, что происходило с Филиппом Мастерсом, и наблюдать за этим было просто страшно. Он был человеком, у которого в душе был рай, и через год после его приезда в Бермуды этот рай превратился в ад. Конечно, я постарался делать все, что мог, мы все старались каждый по-своему, но поскольку это произошло на восемнадцатой площадке клуба, ничего не оставалось делать, как попытаться помочь ему. Мастерс был похож в то время на раненую собаку. Он просто забился от нас в угол и рычал на любого, кто пытался приблизиться к нему. Я даже написал ему одно или два письма. Позже он сказал мне, что разорвал их, не читая. Однажды мы, несколько человек, собрались и пригласили его на мальчишник в мой дом. Мы попытались напоить его и напоили. А потом услышали сильный грохот в ванной комнате. Мастерс пытался вскрыть вены бритвой. Здесь мы уже потеряли самообладание, и меня направили к губернатору обсудить сложившуюся ситуацию. Губернатор знал, конечно, об этом, но надеялся, что ему не придется вмешиваться. Теперь вопрос стоял так: сможет ли вообще

Мастерс находится на этой службе. Работа его полетела к черту. Жена публично опозорила. Он был конченный человек. Могли ли мы помочь ему? Губернатор был прекрасный человек. Как только ему официально все было доложено, он решил предпринять последнюю попытку, чтобы отсрочить почти неизбежное послание в Уайтхолл, которое бы окончательно поломало судьбу Мастерса. И само Провидение вмешалось и протянуло руку помощи. Буквально на следующий день после беседы с губернатором из министерства по делам колоний пришла телеграмма, сообщающая, что в Вашингтоне будет проходить совещание по разработке прав на ведение морского рыболовного промысла, на которое приглашались представители Багамских и Бермудских островов. Губернатор вызвал Мастерса, пожурил его по-отечески и сказал ему, что его посылают в Вашингтон и что ему лучше так или иначе утрясти свои семейные дела на следующие шесть месяцев. Мастерс уехал через неделю и сидел в Вашингтоне, обсуждая рыболовные дела, пять месяцев. Мы все вздохнули с облегчением и игнорировали Роду Мастерс, как могли.

Губернатор замолчал, и в большой ярко освещенной гостиной наступила тишина. Он вытащил платок и вытер лицо. Воспоминания взволновали его, глаза ярко блестели на покрасневшем лице. Он поднялся, налил порцию виски с содовой себе и Бонду.

Бонд сказал:

— Ну и дела. Я думал, что рано или поздно что-нибудь подобное должно было случиться, но то, что это случилось так быстро, было ужасным невезением для Мастерса. По-видимому, это была черствая сучка. Она хоть как-то показала, что сожалеет о том, что сделала?

Губернатор зажег новую сигару. Посмотрел на ее горящий конец и подул не него.

— О нет. Она чудесно проводила время. Она, вероятно, знала, что роман не будет продолжаться вечно. Но это было то, о чем она мечтала, о чем мечтают читательницы женских журналов, а для нее был характерен именно такой тип мышления. У нее было все — пальмы, веселое времяпрепровождение в городе и клубе, быстрые прогулки на машине и на скоростном катере, словом, все, что окружает дешевые романы. А в случае нужды — муж-раб, который был к тому же далеко, и дом, где можно было принять ванну, переодеться и отдохнуть. И она знала, что может вернуть Филиппа Мастерса. Он был такой жалкий. Здесь не будет проблем. А лотом она извинится перед всеми, снова проявит все свое обаяние, и все простят ее. Все будет хорошо. А если все так не получится, в мире много других мужчин, кроме Филиппа Мастерса, и даже более привлекательных. Только посмотрите на мужчин в гольф-клубе. Она легко может выбрать любого из них. Нет, жизнь была хороша, и если кто-то вел себя не очень хорошо, так вели себя и многие другие. Посмотрите только, как звезды кино ведут себя в Голливуде.

Но вскоре для нас наступили тяжелые времена. Таттерсал слегка устал от нее, да и родители подняли большой шум благодаря вмешательству жены губернатора. Под этим уважительным предлогом Таттерсал расстался с ней без особых сцен. К тому же было лето и на острове было много хороших американок. Наступило время для чего-нибудь новенького. Так что он бросил Роду. Прямо так. Сказал ей, что все кончено. Что его родители настаивают, иначе они перестанут давать ему деньги. Это случилось за две недели до возвращения Филиппа Мастерса из Вашингтона, и я должен сказать, что она приняла это нормально. Рода была сильная и знала, что когда-нибудь это произойдет. Она не плакала. Собственно говоря, некому было и плакаться. Она просто пошла и сказала леди Берфорд, что очень сожалеет, что собирается быть хорошей женой Филиппу Мастерсу и будет делать теперь всю домашнюю работу. Она убралась в доме, привела все в полный порядок, все подготовила для грандиозной сцены примирения. По поведению своих бывших

друзей по гольф-клубу она отчетливо поняла необходимость этого примирения. О ней вдруг стали плохо говорить там. Вы знаете, что такие вещи случаются даже в таком гостеприимном месте, как деревенский клуб в тропиках. Теперь не только круг правительственных чиновников, но и торговцы Гамильтона относились к ней с неодобрением. Она вдруг превратилась в дешевую вещь, которой попользовались и выбросили. Она попыталась снова быть той же веселой маленькой кокеткой, но это больше не срабатывало. Ее сильно унизили раз или два, и она прекратила это. Теперь важно было вернуться на свою надежную базу и медленно начать вновь строить свою жизнь. Она сидела дома и делала это охотно, репетируя снова и снова сцену, которую будет разыгрывать, — слезы, ухаживания стюардессы, долгие, искренние оправдания и объяснения, двуспальная постель.

— И потом Филипп Мастерс приехал домой? Губернатор замолчал и внимательно посмотрел на Бонда.

— Вы не женаты, но я думаю, вы знаете, что таковы любые отношения между мужчиной и женщиной. Они могут сохранять их до тех пор, пока между ними существует какая-то человечность. Когда вся доброта исчезнет, когда одному из них становится откровенно безразлично, жив ли другой или умер, тогда это уже плохо. Такое оскорбление, нанесенное “я” человека или, еще хуже, инстинкту самосохранения, никогда не прощается. Я видел это в сотнях семей. Я видел, как прощаются скандальные измены, как прощаются преступления и даже убийство, не говоря уже о банкротстве и любом другом социальном преступлении, неизлечимая болезнь, слепота, несчастье — все это можно пережить. Но никогда — исчезновение обычной человеческой гуманности в одном из партнеров. Я размышлял об этом и придумал довольно высокопарное название этому основному фактору в отношениях между людьми. Я назвал его законом “Квант спокойствия”.

— Прекрасное название. Очень впечатляет. Я, конечно, понимаю, что вы имеете в виду, и должен сказать, что вы абсолютно правы. Квант спокойствия — это балл успокоения. Да, я думаю, можно сказать, что в конце концов и любовь, и дружба покоятся именно на этом. Человек — существо очень непрочное. Когда кто-то вызывает у вас не только чувство опасности, но и, как вам кажется, хочет уничтожить вас, это, безусловно, конец. Квант спокойствия находится на нуле. Нужно отойти от этого человека, чтобы спасти свою жизнь. Мастерс это понял?

Губернатор не ответил на вопрос. Он сказал:

— Роду, по-видимому, предупредили, что ее муж идет домой, но с первого взгляда она заметила только, что у него теперь нет усов и прическа стала такой же, какой была, когда они познакомились. Но глаза, рот и подбородок — совсем другие. На Роде было самое скромное платье. Лицо почти без косметики. Она села на стул так, что свет из окон как бы скользил по ее лицу, но при этом прямо падал на книгу, лежащую на коленях. Она все продумала и решила, что, когда он войдет, она оторвется от книги и будет смотреть на него спокойно и покорно, ожидая, когда он заговорит. Затем она поднимется, тихо подойдет к нему и, опустив голову, встанет перед ним. Она ему все расскажет, слезы у нее будут катиться градом, он обнимет ее, и она будет давать обещания. Она много раз репетировала эту сцену, пока не была удовлетворена.

В нужный момент она оторвалась от книги. Мастерс тихо опустил чемодан, медленно подошел к камину и остановился, бросая на Роду какой-то отсутствующий взгляд. Глаза его были холодными и безразличными. Из внутреннего кармана пиджака он вытащил листок бумаги и сказал сухо, как агент по недвижимости: “Вот план дома. Я разделил его на две половины. Эта комната и спальня для гостей будут моими. Ты можешь пользоваться ванной, когда меня нет дома”. Затем он наклонился и бросил листок бумаги не открытую книгу. “Ты никогда не должна входить в мои комнаты, за исключением тех случаев, когда у нас будут гости”.

Рода Мастерс открыла рот, чтобы что-то сказать. Он поднял руку: «Я говорю с тобой наедине в последний раз. Если ты заговоришь со мной, отвечать я не буду. Если тебе нужно будет что-то сообщить, оставишь записку в ванной. Надеюсь, что еда будет приготовлена и подана мне в столовую вовремя. Ты можешь пользоваться столовой после меня. Я буду давать тебе на домашние расходы двадцать фунтов в месяц. Первого числа каждого месяца мои адвокаты будут посылать тебе эту сумму. Они же готовят сейчас документы на развод. Я развожусь с тобой, но ты не посмеешь подать в суд, потому что не имеешь права. Частный детектив собрал против тебя все доказательства. Суд состоится через год, когда мое пребывание на Бермудах закончится. А пока же на публике мы будем вести себя как обычная супружеская пара». Мастерс засунул руки в карманы и вежливо взглянул на нее. К этому моменту слезы уже градом лились из ее глаз. Она выглядела ужасно испуганно, как будто кто-то ударил ее. Мастерс сказал равнодушно: «Тебя еще что-нибудь интересует? Если нет, собирай свои вещи и переезжай на кухню. — Он посмотрел на часы:

— Я хочу, чтобы обед подавался в восемь. Сейчас половина восьмого».

Губернатор замолчал и сделал несколько глотков виски. — Все это я узнал из краткого рассказа Мастерса и из тех подробностей, которые Рода Мастерс передала леди Берфорд. По-видимому, Рода Мастерс каждый день пыталась заставить его изменить решение — спорила, умоляла, впадала в истерику. Он был непоколебим. Ее слова не доходили до него. Казалось, что он уехал и прислал кого-то вместо себя. И в конце концов ей пришлось согласиться. У нее не было денег. Она не могла вернуться в Англию. Чтобы иметь постель и еду, она должна была делать то, что он ей говорил. Вот так вот. Целый год они так жили, были вежливы друг с другом на публике, но совершенно не разговаривали и не общались наедине. Конечно, мы все удивились этой перемене. Они никому не говорили об этом договоре. Ей было бы стыдно, у него тоже не было оснований делать это. Он казался более замкнутым, чем всегда, но работал отлично, и все вздохнули с облегчением и согласились, что их брак каким-то чудом спасен. Оба они очень выиграли от этого и снова стали популярной парой, и все простилось и было забыто.

Прошел год, и Мастерсу нужно было уезжать. Он объявил, что Рода останется, чтобы закрыть дом. Они дали обычный раунд прощальных вечеров. Все немного удивились, что она не пришла проводить его на пароход, но он сказал, что она плохо себя чувствует. Этому поверили, пока через две недели из Англии не долетела новость о разводе. Тогда Рода Мастерс пришла в губернаторский дом, долго беседовала с леди Берфорд, и постепенно выяснилась вся история, включая действительно ужасную следующую главу.

Губернатор выпил последний глоток виски. Когда он ставил стакан на место, лед звенел в пустом стакане.

— Очевидно, за день до отъезда Мастерс нашел в ванной записку от жены. В ней говорилось, что ей просто необходимо с ним встретиться для последнего разговора перед тем, как он уедет навсегда. Мастерс и раньше получал такие записки, всегда их рвал и оставлял кусочки на полке над раковиной. На этот раз он ответил ей, назначив свидание в гостиной в шесть часов вечера. Когда наступило назначенное время, она робко вошла из кухни. Она уже давно прекратила устраивать сцены и не предпринимала никаких попыток в расчете на его милосердие. Сейчас она спокойно стояла и сказала, что у нее осталось всего десять фунтов из тех денег, что он давал: на ведение хозяйства и больше у нее ничего нет. После его отъезда она останется без средств к существованию. «У тебя есть драгоценности, которые я тебе дарил, и меховая накидка». — «В лучшем случае я за них получу пятьдесят фунтов». — «Тебе придется найти какую-нибудь работу». — «Чтобы найти ее, потребуется время. Мне нужно где-то жить. Я должна оставить этот дом через две недели. Не можешь ли ты хоть что-нибудь мне дать? Мне же придется голодать».

Мастерс посмотрел на нее безразлично. “Ты хорошенькая. Ты никогда не будешь голодать”. — “Ты должен мне помочь, Филипп. Ты должен. Если я пойду побираться в губернаторский дом, это не будет способствовать твоей карьере”.

В их доме не было ничего своего за исключением некоторых мелочей. Они сняли его с мебелью. Хозяин квартиры приходил неделю назад и обговорил список вещей. У них осталась только машина “моррис”, которую Мастерс купил подержанной, и магнитофон, который он приобрел в последней попытке развлечь ее еще до того, как она занялась гольфом.

Филипп Мастерс посмотрел на нее в последний раз. Больше он никогда ее не увидит. “Хорошо, ты можешь оставить себе машину и магнитофон. Теперь все. Мне нужно упаковать вещи. Прощай”. Он вышел и направился в свою комнату.

Губернатор взглянул на Бонда.

— По крайней мере это последний маленький жест. Да? Губернатор мрачно улыбнулся, — Когда он уехал и Рода осталась одна, она взяла обручальное кольцо, несколько своих безделушек, палантин из лисы и отправилась в Гамильтон, где ходила из одного ломбарда в другой. В конце концов она получила сорок фунтов за драгоценности и семь фунтов за кусок меха. Потом она поехала к торговцу подержанных машин и попросила о встрече с управляющим. Когда она спросила его, сколько он может дать ей за “моррис”, он решил, что она шутит. “Но, мадам, мистер Мастерс купил машину в кредит и очень задолжал нам. Он, конечно, сказал вам, что только на прошлой неделе мы вынуждены были послать ему официальное уведомление об этом: мы слышали, что он уезжает. Он ответил нам, что подъедете вы, чтобы уладить дела. Позвольте мне посмотреть. — Он достал папку и пролистал ее. — Да, он должен за машину точно двести фунтов”.

Рода, конечно, расплакалась, и в конце концов управляющий согласился взять машину обратно, хотя она теперь и не стоила двухсот фунтов, он настоял на том, что она должна оставить бензин в баке и все другое. Роде Мастерс ничего не оставалось делать, как согласиться и благодарить за то, что на нее не подают в суд. Она вышла из гаража и, бредя по жаркой улице, уже знала, что ее ждет в радиомагазине. И была права. Повторилась та же самая история, только на этот раз ей пришлось заплатить десять фунтов, чтобы уговорить служащего взять магнитофон обратно. Она наняла машину, которая довезла ее до того места, откуда она могла дойти пешком, и, вернувшись домой, бросилась на постель и проплакала весь день. Она уже была побита. Теперь Филипп Мастерс добил ее. Губернатор, помолчав, продолжил:

— Действительно, очень необычно. Такой человек, как Мастерс, добрый, чуткий, который и муху-то не обидит, теперь совершал один из самых жестоких поступков, которые я когда-либо видел. Это действовал мой закон. — Губернатор слегка улыбнулся. — Как бы она ни согрешила, он не должен был поступать с ней таким образом, если она давала ему этот Квант спокойствия. Как бы то ни было, она пробудила в нем звериную жестокость — жестокость, которая сидит где-то глубоко в каждом из нас, и только угроза нашему существованию может пробудить ее там. Мастерс хотел заставить женщину страдать, но не так, как он страдал, поскольку это было невозможно, а так, как он только смог придумать. А этот вероломный жест с машиной и магнитофоном был бесчеловечным запоздалым поступком, напоминающим ей даже после его отъезда, как он ее ненавидит и как он все еще хочет сделать ей больно.

— Это должно быть ужасно. Просто невероятно, как люди могут так обижать друг друга. Мне становится жаль девушку. Что же случилось с ней в конечном счете и что с ним? — спросил Бонд.

Губернатор встал и посмотрел на часы.

— О Боже, уже почти полночь. И я так поздно задержал весь персонал, — он улыбнулся, — и вас также.

Он подошел к камину и позвонил в колокольчик. Появился негр-дворецкий. Губернатор извинился, что так долго задержал его, и приказал ему все запереть и выключить свет. Бонд поднялся. Губернатор повернулся к нему.

— Пойдемте, и я расскажу вам остальное. Я провожу вас до ворот, чтобы часовой вас выпустил.

Они медленно шли по длинным комнатам и спустились по широкой лестнице к саду. Стояла прекрасная лунная ночь, полная луна стремительно проносилась над их головами сквозь прозрачные и высокие облака.

Губернатор говорил:

— Мастерс продолжал работать в колониальной службе, но он уже никогда не оправдал надежд своего прекрасного начала. После этого случая на Бермудах что-то, казалось, сломалось в нем. Какая-то часть его самого была убита случившимся. Он стал инвалидом. Конечно, не ее вина, но я думаю, что он никогда не смог забыть, что с ней сделал, и это преследовало его. Он хорошо работал, но потерял что-то человеческое и постепенно увял совсем. Конечно, он никогда снова не женился и в конце концов стал заниматься проектом по выращиванию арахиса, а когда это не получилось, ушел в отставку и уехал в Нигерию — назад, к тем единственным в мире людям, которые были добры к нему, назад туда, откуда все началось. Трагедия, конечно, когда я вспоминаю, каким он был в молодости, когда мы начинали.

— А девушка?

— О, у нее было довольно тяжелое время. Мы пустили шапку по кругу. Она выполняла разную работу, в основном благотворительную. Она хотела снова работать стюардессой, но то, каким образом она порвала контракт с Британской авиакомпанией, не позволило ей даже подать документы. В то время было не так много авиакомпаний и не было недостатка среди желающих работать стюардессами. Немного позже, в том же году, Берфордов перевели на Ямайку, и с ними исчезла ее опора. Как я говорил, леди Берфорд всегда относилась к ней снисходительно. Рода Мастерс была почти нищей. Она все еще хорошо выглядела, и разные мужчины содержали ее в течение какого-то времени, но в таком маленьком местечке, как Бермуды, невозможно долго ходить по кругу. Она чуть не превратилась в проститутку и не попала в беду с полицией, когда судьба вновь вмешалась и решила, что она достаточно наказана. Пришло письмо от леди Берфорд с билетом до Ямайки, в котором" говорилось, что леди Берфорд нашла ей место регистраторши в отеле "Блу-Хиллз", одном из лучших отелей Кингстона. Итак, она уехала, к тому времени я был переведен в Родезию, и, думаю, Бермуды были счастливы распрощаться с ней.

Губернатор и Бонд подошли к входным воротам. За ними сверкали под луной белым, черным и розовым цветом узкие улочки и симпатичные деревянные дома с позолоченными фронтонами и балконами. Это — Нассау. Громко стуча каблуками, часовой встал по стойке "смирно" и взял на караул. Губернатор поднял руку.

— Все в порядке. Вольно.

И опять часовой с грохотом растворился в темноте, и наступила тишина.

Губернатор продолжал:

— И это конец истории, за исключением одной последней причуды судьбы. Однажды в отеле "Блу-Хиллз" появился канадский миллионер, который прожил там всю зиму. Затем он отвез Роду Мастерс в Канаду и женился на ней. С тех пор она живет припеваючи.

— Боже мой, это действительно удача. Едва ли заслуженная.

— Не могу с этим согласиться. Трудно сказать. Жизнь — хитрая штука. По-видимому, судьба решила, что Рода достаточно заплатила за все то, что она сделала Мастерсу. Возможно, во всем были виноваты родители Мастерса. Они превратили его в человека, с которым должно было случиться несчастье. Он неизбежно должен был потерпеть эмоциональный крах, они именно так воспитали

его. Судьбе было угодно выбрать Роду как своего исполнителя. И теперь судьба оплатила ее услуги. Трудно судить об этих вещах. Во всяком случае она осчастливила своего канадца. Сегодня оба выглядели счастливыми.

Бонд засмеялся. Неожиданно драматические события его собственной жизни показались ему незначительными. Дело повстанцев Кастро и сожженные судагодились только для приключенческой рубрики дешевой газеты. На скучном обеде он сидел рядом со скучной женщиной, и случайное замечание приоткрыло ему книгу настоящих страстей — человеческой комедии, где человеческие страсти — искренние и настоящие, где судьба ведет более естественную игру, чем придуманный правительством заговор любой разведки.

Бонд повернулся к губернатору и протянул ему руку.

— Спасибо за рассказ. И я должен извиниться перед вами. Мне показалось, что миссис Гарвей Миллер скучный человек. Благодаря вам я ее никогда не забуду. Я должен быть более внимательным к людям. Вы преподнесли мне урок.

Она обменялись рукопожатием. Губернатор улыбнулся.

— Я рад, что история заинтересовала вас. Я боялся, что вам будет скучно. Вы ведете очень интересную жизнь. По правде говоря, я всю голову сломал, думая, о чем мы можем говорить после обеда. Жизнь в колониальной службе очень скучная.

Они попрощались. Бонд шел вдоль тихой улицы по направлению к порту и гостинице британской колониальной службы. Он думал о встрече с представителями береговой охраны и ФБР, которая состоится у него утром в Майами. Перспектива, которая раньше его интересовала и даже волновала, казалась теперь скучной и бесполезной.

Риск (Risico)

— В этом деле немало риска.

Слова, казалось, ласково шевелили пышные коричневатые усы. Тяжелый взгляд черных глаз медленно переместился с лица Бонда на его руки, сосредоточенно игравшие коробком спичек с надписью по-итальянски “Таверна “Золотая голубка”.

Бонд чувствовал, что его внимательно изучают. Это неторопливое, тщательное изучение продолжалось уже два часа, с момента встречи с этим человеком в баре “Эксельсиора”. Бонду сказали, что у человека, с которым он должен был встретиться, густые усы, что он будет сидеть за столиком в одиночестве и пить “Александр” со сливками. Бонд тогда еще подумал, насколько необычным был опознавательный знак: мягкий, дамский напиток. Это уж во всяком случае умнее сложной газеты, цветка в петлице или каких-нибудь там желтых перчаток, так набивших оскомину в описаниях конспиративных встреч тайных агентов. К тому же у этого опознавательного знака было и еще одно существенное преимущество: его можно было узнать и в отсутствие его владельца. И Кристатос не преминул устроить маленький тест на сообразительность. Когда Бонд вошел в бар и огляделся, то обнаружил, что среди двух десятков посетителей не было ни одного усатого. Но на угловом столике в дальнем углу просторного, уютного зала рядом с блюдечком маслин и розеткой, наполненной орешками кэшью, стоял высокий бокал с водкой и сливками. Бонд направился прямо к этому столику, выдвинул стул и сел.

Подождал официант.

— Добрый вечер, сэр. Синьор Кристатос сейчас разговаривает по телефону.

Бонд кивнул и сделал заказ:

— Пожалуйста, “Негрони” с джином “Гордон”, Официант повернулся к стойке бара.

— Один “Негрони” с “Гордоном”.

— Вы уж меня извините.

Большая волосатая рука приподняла стул с такой легкостью, как будто это был коробок спичек, и поудобнее подоткнула его под грузное тело.

— Мне обязательно надо было поговорить с Альфредо. Рукопожатия было не нужно. Просто встретились двое старинных знакомых. Похоже, что и занимались они чем-то одинаковым: скажем, импортом-экспортом. Тот, что помоложе, смахивал на американца. Хотя нет. Одет не так. Значит — англичанин.

Бонд легко отбил первую подачу.

— Как поживает его малыш? Все в порядке? Зрачки черных глаз синьора Кристатоса сузились. Да, это — профессионал. Он развел руками.

— Да в рот бы. Что там может произойти?

— Оспа — очень неприятная штука...

Принесли “Негрони”. Оба собеседника поудобнее устроились за столиком, довольные, что являются равными партнерами. В их “игре” так бывает не часто. Обычно, еще до начала подобной работы в паре, один из партнеров утрачивает доверие к другому. Бонду нередко представлялось в таких случаях, что уже первая встреча пахла жареным: одним из признаков было ощущение, что его тщательно разработанная легенда начинала дымиться. А при дальнейшем развитии событий дым превращался в пламя, и “крыша” рушилась. Игра на этом прекращалась, и ему не оставалось ничего, кроме как выйти из нее или ждать, пока его самого не “уйдет” кто-то другой. Но вот сейчас все пока шло нормально.

В тот же вечер, позднее, в таверне под названием “Золотая голубка” неподалеку от Пьяцца-ди-Спанья, Бонд, к своему удивлению, обнаружил, что его все еще проверяют. Кристатос пока лишь примеривался и присматривался к Бонду, пытаясь понять, можно ли ему доверять полностью.

Слова Кристатоса о том, что “в этом теле немало риска”, были, по сути, пока единственным высказыванием, где допускалась возможность деловых отношений между ним и Бондом. Это Бонда воодушевило, хотя он и сам не очень-то доверял Кристатосу. Однако в конечном счете все эти меры предосторожности означали, что интуиция М, не подвела его и на этот раз: Кристатос, скорее всего, действительно знает о чем-то очень и очень серьезном.

Бонд бросил остаток спички в пепельницу и произнес:

— Кто-то однажды сказал мне, что любое дело, которое приносит больше десяти процентов прибыли и которым заниматься надо после девяти вечера, — это опасное дело. То дело, которое свело нас вместе, дает тысячу процентов дохода и заниматься им можно только под покровом ночи. Так что по обоим показателям дело это рискованное.

Понизив голос, Бонд добавил:

— Средства в наличии имеются. Доллары, швейцарские франки, венесуэльские боливары — все, что душе угодно.

— Вот это меня гатует. А то уж лиг у меня слишком много накопилось.

Синьор Кристатос развернул меню.

— Все-таки давайте сначала подквепимся. Нельзя заниматься столь важным телом на пустой желудок.

А началось все с того, что неделю назад Бонда вызвал к себе М. Он был явно не в духе.

— У вас есть чем заняться, 007?

— Только составлением разных бумажек, сэр.

— Что значит “бумажки”? — М, махнул трубкой в сторону кипы документов на

своем столе. — А у кого их нет?

— Я имел в виду, что нет активной работы, сэр, — Так и надо было сказать то, что имелось в виду. — М, взял стопку связанных вместе бордовых папок и с такой силой толкнул их через стол, что Бонд поймал их с трудом.

— Вот вам еще “бумажки”. В основном из Скотленд-Ярда, от их людей, занимающихся наркотиками. Данные министерства внутренних дел и министерства здравоохранения и несколько замечательно увесистых докладов из Женевского Международного центра по борьбе с опиумом. Возьмите все это к себе и прочитайте. Понадобится вам для этого сегодняшний день и почти весь сегодняшний вечер. Завтра вы вылетаете в Рим и принимаетесь за поиски главарей. Все понятно?

Бонд кивнул. Ему было понятно, чем вызвано раздражение М. Больше всего на свете его бесило, когда его сотрудников отвлекали от их непосредственных обязанностей. А обязанности эти — шпионаж, ну и, по мере необходимости, саботаж и подрывная деятельность. Все остальное не заслуживало внимания Службы и расходования секретных фондов, которые, ей-Богу, и так были не ахти какими огромными.

— Вопросы есть? — Выдвинутая вперед челюсть М, напоминала бушприт корабля и как бы говорила Бонду, что пора бы ему убираться восвояси со своими бумажками, чтобы владелец челюсти мог заняться вопросами поважнее.

Бонд знал, что это было, хотя бы и в малой степени, игрой на публику. У М, были свои маленькие пунктики, все в Службе о них знали, и М, знал, что о них все знают. Но это вовсе не означало, что он должен был их скрывать. Среди них были большие пунктики — использование Службы не по прямому назначению и жажда отделять правдивые разведданные от кажущихся таковыми — и пунктики маленькие. Сюда относилось твердое убеждение, что нельзя принимать в Службу людей с бородами; людей, одинаково свободно говорящих на своем родном языке и на нескольких других; людей, пытающихся оказывать на него давление за счет связей их семейств с членами кабинета министров; мужчин и женщин, уделяющих слишком много внимания своему внешнему виду; а также всех тех, кто называл его “сэр” во внеслужебное время. К этому списку можно было добавить то чрезмерное доверие, которое М, испытывал к шотландцам. К этим своим пунктикам М, относился с той же иронией, с какой относились к своим причудам и Черчилль, и Монтермери. И он не имел ничего против блефа, а в какой-то степени это и был блеф в отношении своих сотрудников. Тем не менее он никогда не позволил бы себе отправить Бонда на задание без соответствующего инструктажа.

Зная все это, Бонд как можно любезнее спросил:

— Можно два вопроса, сэр? Почему именно мы должны заниматься этим делом, и есть ли там, куда я еду, хоть какие-то выходы на главарей, как вы их называли?

М, бросил на Бонда тяжелый, мрачный взгляд и вместе с креслом повернулся к широкому окну кабинета, за которым проплывали серые, осенние облака. Он взял трубку, резко подул в нее, а затем, как будто выпустив тем самым накопившееся в нем раздражение, осторожно положил ее на стол. Когда он наконец заговорил, голос его был спокойным, а тон — рассудительным.

— Как вы прекрасно понимаете, 007, мне не очень хотелось бы вовлекать Службу в это связанное с наркотиками расследование. В начале года мне уже пришлось на две недели отозвать вас с задания, чтобы вы отправились в Мексику ловить этого мексиканца-хсадовника”. При этом вас там чуть не убили. Я сделал это в качестве услуги Специальной службе. Когда они вновь попросили направить вас им на помощь, я отказал. На этот раз речь шла о какой-то итальянской банде. Но Ронни Баланс за моей спиной обратился в министерство внутренних дел и в министерство здравоохранения. На меня навалились министры. Им я сказал, что вы мне нужны здесь, а больше я, мол, выделить для них никого не могу. Тогда они оба пошли к

премьер-министру.

М, сделал паузу.

— На том все и закончилось. Надо сказать, что премьер-министр (М, привычно называл его ПМ) говорил очень убедительно. Он сказал, что героин в тех количествах, в которых он сюда поступает, является орудием психологической войны, подрывает нашу мощь. Он заявил также, что вряд ли здесь замешана просто какая-то банда итальянцев, решивших набить себе карман. Скорее, речь идет не о деньгах, а о подрывной деятельности.

М, кисло ухмыльнулся.

— Думается мне, что эти слова были подсказаны ему нашим другом Ронни Вэлансом. Очевидно, его люди сбились с ног, пытаюсь воспрепятствовать распространению этой заразы у нас, среди молодежи, как это уже имело место в Америке. Похоже, танцплощадки и залы аттракционов битком набиты продавцами наркотиков. Ребятам Вэланса из бригады по наркотикам удалось подобраться к одному из посредников, и у них нет сомнений, что эта гадость течет сюда из Италии, в основном — в багажниках машин итальянских туристов. Вэланс сделал все, что мог привлечь и итальянскую полицию, и Интерпол, но ничего конкретного не выяснил. Конечно, они пробрались довольно далеко по цепочке, даже арестовали кое-какую мелочь, но затем, когда казалось, что они почти у цели, уперлись в стену. Те, кто непосредственно занимается распространением наркотиков, либо перепуганы до смерти, либо им слишком хорошо платят. Бонд решил вмешаться:

— Наверное, кто-то где-то их хорошо охраняет, сэр. Это дело с Монтези... Не все здесь чисто. М, нетерпеливо повел плечами.

— Может быть, может быть. Надо будет вам и на это обратить внимание, но мне кажется, что дело Монтези дало возможность провести довольно-таки порядочную чистку. Но так или иначе, после того как ПМ приказал нам заняться этим делом, мне пришлось в голову побеседовать с Вашингтоном. ЦРУ заявило о полной готовности оказать нам помощь. Вы, наверное, знаете, что у них в Италии еще с сорок пятого года есть люди из Бюро по борьбе с наркобизнесом. К ЦРУ, правда, они никаким боком не относятся. Подчинены они — кому бы вы думали? — министерству финансов США. Оно контролирует так называемую Секретную службу, которая занимается наркотиками и фальшивомонетчиками. Странное сочетание, не правда ли? Интересно, как на это смотрит ФБР? Ну, да ладно.

М, медленно развернул кресло назад, к столу. Он положил руки за голову и откинулся на спинку кресла, глядя на Бонда.

— Дело в том, что отделение ЦРУ в Риме работает в очень тесном контакте с людьми, занимающимися проблемой наркотиков. Вернее, ему приходится это делать, чтобы избежать накладок и всего такого прочего. И ЦРУ, в лице самого Аллена Даллеса, кстати, сообщило мне имя основного агента, услугами которого оно пользуется. Агент этот, очевидно, ведет двойную игру. Использует контрабанду в качестве “крыши”. Зовут его Кристатос. Даллес, разумеется, подчеркнул, что напрямую задействовать его людей нельзя ни в коем случае и что, по его мнению, американскому Минфину будет не по душе слишком тесное сотрудничество между нами и его людьми в Риме. Однако он сказал, что, если я пожелаю, он может сообщить этому Кристатосу, что один из наших, м-м-м, лучших специалистов хотел бы с ним встретиться и побеседовать о выгодном для него деле. Я сказал, что это было бы очень любезно с его стороны, и вот вчера мне сообщили, что ваша встреча назначена на послезавтра. Все детали — в папках, которые я вам передал.

В комнате воцарилась тишина. Бонд думал о том, что все это дело не очень приятное, скорее всего — опасное и уж, конечно же, грязное. С мыслью об этом Бонд встал и сунул папки под мышку.

— Хорошо, сэр. Здесь, видимо, надо будет вести речь о деньгах. Сколько мы

готовы заплатить, чтобы остановить поставки наркотиков?

М, вместе с креслом придвинулся к столу. Он положил руки на стол ладонями вниз и сурово произнес:

— Сто тысяч фунтов стерлингов. В любой валюте. Это цифра, которую назвал ПМ. Однако мне не хотелось бы, чтобы вы пострадали, а тем более — чтобы таскали из огня каштаны для других. Поэтому можете смело накинуть еще сто тысяч, если дело плохо. Наркобизнес — самая крупная и самая охраняемая преступная организация.

М, вытащил из громоздившихся на его столе папок с документами одну, раскрыл ее и, не глядя на Бонда, сказал:

— И вообще. Осторожнее там...

Синьор Кристатос раскрыл меню и сказал:

— Не будем хотеть вокгук та околло, мистег Бонд. Сколько?

— Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов за стопроцентный успех.

Кристатос равнодушно произнес:

— Да. Сумма значительная. Я закажу себе тыню с ветчиной и шоколатное могоженое. По вечегам я ем мало. Здесь у них пгиличное кьянти. Гекоментую.

К ним подошел официант, и какое-то время они с Кристатосом оживленно говорили по-итальянски. Бонд заказал себе “таглиателли верди” с генуэзским соусом, который Кристатос назвал “очень остгым”.

Официант ушел, а Кристатос молча сидел, жуя зубочистку. Лицо его постепенно мрачнело и темнело, как будто в голове у него вот-вот должна была разразиться буря. Тяжелый взгляд черных глаз метался по ресторану, не останавливаясь на Бонде. Бонд решил, что Кристатос сейчас думает, стоит или не стоит ему кого-то предавать за такие деньги, и доверительно добавил:

— При определенных обстоятельствах сумма может быть и большей.

Видимо, Кристатос решился. Он отодвинул стул и встал из-за стола.

— Вот как? Пгостите, я толжен схотить в “толетта”.

Он повернулся и быстро направился к заднему выходу из ресторана.

Бонд неожиданно ощутил, что проголодался. Он налил полный бокал кьянти и выпил половину. Потом разломил пополам булочку и начал есть, щедро намазывая каждый кусок густым желтым маслом. Его всегда удивляло: почему булочки и масло так хороши только во Франции и в Италии? В настоящий момент другие вопросы его не волновали. Надо было просто терпеливо ждать. Он верил в Кристатоса, потому что этому большому, солидному человеку верили американцы. Сейчас он, наверное, звонил кому-то, чтобы окончательно определиться. Все идет прекрасно, думалось Бонду. Он наблюдал в окно за прохожими. Вот мимо проехал на велосипеде продавец газет. На руле у него красовался красно-белый флажок, на котором было написано: “Progresso”? — Si! Awenturi? — No!” <“Прогресс”? (Здесь: название газеты. — Прим, пер.) — Да! Авантюра? — Нет!” (ит.)> Бонд улыбнулся. Вот бы хорошо, если бы этот лозунг стал и его девизом до завершения этого задания!

За угловым столиком у кассы, на другой стороне зала, пухленькая блондинка с чувственным ртом сказала, обращаясь к мужчине, лицо которого в настоящий момент было соединено с тарелкой с помощью толстой макаронины-спагетти:

— Улыбка у него довольно-таки жестокая. Но вообще-то он очень красив. Шпионы обычно такими не бывают. Ты уверен, что он — шпион, mein Taubchen <Мой голубок (нем.)>?

Мужчина перекусил макаронину, вытер рот уже испачканной томатным соусом салфеткой, рыгнул и ответил:

— Сайгон никогда не ошибается в этих делах. У него особый нюх на шпионов. Именно поэтому я и выбрал его следить за этим ублюдком Кристатосом. Да и кому еще, кроме шпиона, придет в голову проводить вечер за одним столиком с этой

свиньей? Впрочем, мы скоро все проверим.

Он достал из кармана одну из тех дешевых оловянных прищепок, которые во времена карнавалов раздают вместе с бумажными шляпами и свистульками, и щелкнул. Сразу же с другой стороны зала, бросив все свои дела, к нему быстрым шагом направился метрдотель.

— Да, хозяин.

Мужчина сделал ему знак наклониться и шепотом дал какие-то указания. Метрдотель коротко кивнул, повернулся и, пройдя через зал в сторону кухни, вошел в комнату, на которой висела табличка “Служебный вход”, и закрыл за собой дверь.

Началось заранее расписанное по минутам действие. Сидевший за столиком у кассы мужчина продолжал есть спагетти, придирчиво наблюдая за каждой стадией операции, как за ходами шахматной партии.

Метрдотель вышел из комнаты с табличкой “Служебный вход” и, обращаясь к своему помощнику, громко приказал:

— Поставить еще один столик на четверых. Быстро! Помощник пристально посмотрел на него и кивнул. Вслед за метрдотелем он встал рядом со столиком, за которым сидел Бонд, махнул рукой официантам, взял два свободных стула от соседних столиков и один, с поклонами и извинениями, от стола Бонда. Четвертый стул уже нес сам метрдотель из комнаты с табличкой “Служебный вход”. Он присоединил его к трем другим, а официанты поставили между стульями столик и быстро расставили на нем приборы. Метрдотель нахмурился.

— Вы накрыли столик на четверых, а я сказал — на троих!

Он как бы случайно взял стул, который принес сам, и поставил его за столик, где сидел Бонд. Затем махнул рукой своим помощникам, и они тут же разошлись по своим делам.

Эта безобидная круговерть заняла не больше минуты. Почти сразу после ее завершения в ресторан вошли трое итальянцев. Метрдотель сам встретил их и с поклонами провел к только что накрытому столику.

Гамбит был разыгран.

Бонд практически не обратил на все это внимания, потому что к этому времени за столик вернулся Кристатос, официант принес их заказ, и они принялись за еду.

Во время трапезы речь шла обо всем понемногу, но не о делах. Они обсудили шансы итальянских партий на выборах, последнюю модель “альфа-ромео”, сравнили качество итальянской обуви с надежностью английской. Говорить с Кристатосом было интересно. Он, казалось, знал всю подноготную любого вопроса. Информацию он выдавал как бы между делом, и она звучала поэтому особенно достоверной. По-английски Кристатос говорил бойко, изредка вставляя словечки или междометия из других языков. Иногда получалась весьма забавная мешанина. Бонд был доволен:

Кристатос на проверку оказался очень полезным человеком, знающим и уверенным в себе. Неудивительно, что американская разведка считала его своим ценным приобретением.

Подали кофе. Кристатос закурил тонкую черную сигару и продолжал говорить, не выпуская ее изо рта, в результате чего она прыгала то вверх, то вниз относительно линии тонких прямых губ. Кристатос положил обе руки на стол и, разглаживая ими скатерть и не глядя на Бонда, негромко произнес:

— Теперь это тело. Я сыггаю с вами в пате. То сих пог я иггал только с амегиканцами. Вам я скажу то, чего не сказал им. Впгочем, они в этом и не нуждались. Этот аппагатус с Амегикой не габотает. Зтесь все четко гегулигует-ся. Этот аппагатус габотает только с Англией. Та? Capita <Понятно? (ит.)>?

— Понимаю. У каждого своя территория. Так обычно и бывает.

— Правильно. Тепегь, пегет тем, как я там вам информации, мы, как хогошие тогговщики, тоговогимся об условиях. Та?

— Разумеется.

Синьор Кристатос еще более тщательно принялся разглаживать скатерть.

— Я желаю получить завтра тем тысяч толла-гов амегиканских. Маленькими бумажками. Когда вы газ-гушите аппагатус, я желаю получить еще дватцать тысяч.

Синьор Кристатос поднял голову и посмотрел Бонду в глаза.

— Я не жатный и возьму не все ваши сгетства. Та?

— Нас это устраивает.

— *Buono* <Хорошо (ит.).>. Второе условие. Вы никому не говорите, откуда у вас мои инфогмации. Также если вас будут бить.

— Ну что ж. Справедливо.

— Тгетье условие. Во главе этого аппагатуса есть очень плохой человек.

Синьор Кристатос замолчал и уставился в потолок. Черные глаза заблестели, пересохшие губы выпустили наконец сигару, чтобы открыть выход рвущимся наружу словам:

— Он толжен быть *destrutto* <Уничтожен (ит.)> убит.

Бонд откинулся на спинку стула и уже новыми глазами посмотрел на сидящего перед ним человека. Значит, один большой замысел начал распадаться на более мелкие. Речь идет, скорее всего, о какой-то личной вендетте. Кристатосу понадобился наемный убийца. И этот наемный убийца должен был платить Кристатосу за удовольствие избавить его от личного врага. Не дурно, не дурно! На этот раз наводчик собирался сделать, видимо, очень крупную наводку, если хотел использовать Секретную службу для сведения своих личных счетов. Бонд негромко спросил:

— Почему?

— Чем меньше ответов, тем меньше лжи, — спокойно ответил Кристатос.

Бонд сосредоточенно пил кофе, раздумывая. Обычная история: когда начинаешь заниматься крупными преступными синдикатами, сначала видна лишь верхушка айсберга. Но какое дело до всего этого ему, Бонду? Ведь у него конкретное задание, и если от его выполнения выгадает кто-то еще, то никого, и в первую очередь М., это волновать не будет. Бонду приказали уничтожить преступный аппарат, а если главным звеном этого аппарата являлся тот, пока что безымянный человек, то, фактически устраняя его, Бонд лишь выполнял данный ему приказ. Бонд сказал:

— Обещать я вам ничего не могу, это вам должно быть понятно. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, так это то, что, если этот человек попытается уничтожить меня, я уничтожу его.

Синьор Кристатос достал из коробочки зубочистку, снял бумажную обертку и принялся чистить ногти. Обработав одну руку, он поднял глаза на Бонда и сказал:

— Я не часто делаю ставки, когда не увеген в выиггыше. В этот газ я нагушу свое пгавило, так как не я плачу вам, а вы — мне. Так веть? Поэтому сейчас я там вам инфогмации, а тальше вы габотаете отин, соло. Завтра вечегом я улетаю в Кагаччи, где у меня важные тела. Вам я могу только сообщить инфогмации. После этого вы сами себе хозяин и, — он бросил использованную зубочистку в пепельницу, — *che sera, sera* <Будь что будет... (ит.)>...

— Согласен.

Синьор Кристатос вместе со стулом пододвинулся к Бонду и начал тихо и быстро говорить. Он называл даты, имена, подкреплял их фактами, не тратя времени на второстепенные детали. Складывалась из всего этого короткая, но весьма поучительная история.

В стране сейчас находилось две тысячи американских гангстеров итальянского происхождения, осужденных американским судом и высланных из Соединенных

Штатов. Вряд ли где можно найти больших мерзавцев, чем эти, фигурирующих в самых черных списках полиции и благодаря своей репутации пригретых местными законами преступного мира. Сотня самых отпетых бандитов из этих двух тысяч объединила свои капиталы и маленькими группами отправилась в Бейрут, Стамбул, Танжер и Макао — крупнейшие контрабандные точки земного шара. Еще одна часть этой сотни работала курьерами, а главарь через подставных лиц получил доступ к легальному, хотя и не крупному, фармацевтическому бизнесу в Милане. Сюда и стекались от маленьких групп опий и его производные. Переправлялись наркотики на небольшом корабле, курсировавшем по Средиземному морю, через стюардов итальянских чартерных рейсов и с помощью транзитных вагонов “Восточного экспресса”, которые загружали в Стамбуле подкупленные гангстерами проводники. Миланская фирма — “Фармация Коломба С.А.” — выступала в качестве и перевалочной базы, и перерабатывающей, где опий-сырец превращался в героин. А потом курьеры на машинах разных марок доставляли наркотик своим посредникам в Англии. Бонд прервал монолог:

— Наши таможенники прекрасно справляются с вылавливанием такого рода контрабанды. Вряд ли в любом автомобиле есть место для тайника, о котором они не знали бы. Где же эти тайники?

— В запасном колесе. В него как газ влезает пагитя наикотиков на дватцать тысяч фунтов.

— Неужели они так ни разу и не попались? Ни при въезде в Милан, ни при выезде?

— Конечно, попатались. И много газ. Но эти гебятки вымуптованы как нато. Они знают, как себя вести, и они молчат. Если их сажают в тюгму, то за кажгый гот отсит-ки они получают тесять тысяч толлагов, а об их семьях как слетует заботятся. Если же все пгохотит ног-мально, то они телают хогошие тениги. Это — как коопегатив: кажтый получает свой кусок из общего котла, и только шефу положен еще и пгивагок.

— Ну, хорошо. Так кто же он, этот человек? Синьор Кристатос поднес руку ко рту и тихо сказал сквозь пальцы:

— Человека зовут Голубь, Энгико Коломбо. Это хозяин этого гестогана. Я потому и пгивел вас сюта, чтобы вы смогли на него взглянуть. Вон от ситит, толстяк, гятм с блонтинкой. Столик у кассы. Она из Вены. Зовут Лизль Баум. Догогая шлюха.

— Значит, шлюха, — задумчиво произнес Бонд. Ему не было нужды смотреть на блондинку. Он обратил на нее внимание, как только вошел в ресторан. Наверное, ни один из мужчин-посетителей ресторана не мог не обратить на нее внимания. Она излучала как раз те самые веселье, шарм и очарование, которые, по идее, присущи всем жительницам Вены, но так редки на самом деле. Своим присутствием она как бы озаряла уютлок ресторанного зала. У нее были невозможного оттенка пепельные волосы, вздернутый носик, широкий, улыбчивый рот, а шею обвивала черная шелковая ленточка. Джеймс Бонд знал, что взгляд ее не раз останавливался на нем в этот вечер. Ее кавалер произвел на Бонда впечатление богатого, жизнерадостного, старающегося брать от жизни все человека, любовницей которого она с удовольствием бы стала на некоторое время: она могла бы, при его щедрости, прекрасно пожить, а затем — расстаться без взаимных упреков и сожалений. В целом Бонд отнесся к нему даже с некоторой симпатией, так как вообще любил жизнерадостных, с широкой натурой людей. И уж если ему, Бонду, не судьба заполучить такую женщину, то пусть тогда она хотя бы попадет в хорошие руки. Так думалось Бонду, когда он впервые увидел эту парочку. А теперь что? Бонд искоса взглянул на них. Те чему-то весело смеялись. Мужчина погладил ее по щеке, поднялся и направился к двери с надписью “Служебный вход”. Войдя туда, он плотно закрыл за собой дверь. Значит, это и был тот самый человек, стоявший во главе

цепочки, по которой наркотики переправлялись в Англию. Человек, голову которого М, оценил в сто тысяч фунтов. Человек, которого Бонд должен был убить по воле Кристатоса. Ну что ж, пора приниматься за дело. Бонд пристально, не отрываясь, стал смотреть на блондинку, а когда она наконец подняла голову и встретилась с ним взглядом, улыбнулся ей. Она отвела взгляд, но Бонд заметил, как она улыбнулась краешками губ, как будто чему-то своему. А когда она достала сигарету и, потянувшись, выпустила дым в потолок, повернувшись к Бонду боком, он понял, что вид еще более резко очертившихся форм предназначался только для него.

Приближался вечерний час пик: в ближайшем кинотеатре вот-вот должен был закончиться сеанс. Метрдотель руководил уборкой незанятых столиков и установкой дополнительных. Зал наполнился шуршанием расстилаемых салфеток, звоном расставляемых бокалов и позвякиванием столовых приборов. Мельком Бонд заметил, как лишний стул перекачивал из-за его стола к соседнему, на шесть человек, потом — дальше, дальше, пока не скрылся в комнате с табличкой “Служебный вход”. Впрочем, какое значение имел для Бонда этот стул?..

Когда стул оказался в его конторе, Энрико Коломбо сделал метрдотелю знак оставить его одного и, когда тот вышел, запер за ним дверь. Он подошел к стулу, снял сиденье и положил его перед собой на письменный стол. Расстегнув “молнию” на сиденье, он извлек оттуда магнитофон “Грюндиг”, остановил и перемотал кассету, включил воспроизведение и прибавил громкость. Устроившись в кресле за столом, он закурил сигарету и приступил к прослушиванию, время от времени приглушая или увеличивая звук. Некоторые места он прослушал несколько раз. Наконец, когда глуховатый голос Бонда произнес “Значит, шлюха?” и наступила длительная пауза, прерываемая лишь посторонними шумами ресторанного зала, Энрико Коломбо выключил магнитофон и замер, уставившись на него. Так он сидел целую минуту. Лицо его не выражало ничего, кроме сосредоточенности на своих мыслях. Затем он оторвал взгляд от магнитофона и негромко сказал вслух:

— Сукин сын.

Он опять посмотрел на стоявший перед ним “Грюндиг”, еще раз, но уже с чувством, произнес “сукин сын”, вышел из кабинета и вернулся за свой столик.

Сев, Энрико Коломбо что-то быстро сказал блондинке. Та кивнула и перевела взгляд на Бонда, который вместе с Кристатосом как раз вставал из-за стола. Низким рассерженным голосом она сказала Коломбо:

— Вы — отвратительный человек. Все меня предупреждали об этом и были правы. Вы что, считаете себя вправе делать мне свои гадкие предложения только потому, что я согласилась поужинать в этом вашем паршивом ресторанчике?!

Она говорила все громче и громче. Резко схватив свою сумочку, она встала из-за стола и оказалась как раз на пути Бонда к выходу из зала.

Лицо Энрико Коломбо потемнело от гнева. Теперь он тоже был на ногах.

— Ты, продажная австрийская дрянь!

— Не смей оскорблять мою страну, жаба итальянская! Она схватила со стола бокал с недопитым вином и выплеснула остатки прямо в лицо своему кавалеру. Когда он бросился на нее, ей ничего не стоило сделать несколько шагов назад и уткнуться в Бонда, стоявшего в проходе и терпеливо ожидавшего возможности пройти мимо них.

Энрико Коломбо, тяжело дыша, вытирал салфеткой лицо. Дрожащим от злости голосом он бросил:

— Не смей больше показываться в этом ресторане. Он плюнул ей под ноги, повернулся и скрылся за дверью своего кабинета.

К их столику уже спешил метрдотель. Все посетители перестали есть и с интересом наблюдали за разыгравшейся сценкой. Бонд взял женщину под руку.

— Могу я помочь вам поймать такси? Она вырвала руку и все еще разгневанным

тоном заявила:

— Все вы, мужчины, одинаковые свиньи!

Но тут же спохватилась и, сбавив тон, добавила:

— Вы очень любезны.

Нахмурившись, она быстро пошла к выходу. Мужчины — за ней.

Зал вновь наполнился гулом голосов и позвякиванием ножей и вилок. Посетителям теперь было о чем поговорить. Метрдотель, сохраняя внешнюю невозмутимость, открыл им дверь и сказал, обращаясь к Бонду:

— Примите мои извинения, мсье. Ваша помощь оказалась весьма кстати.

Мимо проезжало такси. Метрдотель сделал водителю знак остановиться, подошел к машине и открыл заднюю дверцу.

Блондинка села в машину. Бонд решительно последовал за ней и, закрывая дверцу, сказал Кристатосу:

— Я вам позвоню завтра утром, идет? Не дожидаясь ответа, он захлопнул дверцу и обратился к женщине, забившейся в дальний уголок заднего сиденья:

— Куда ему ехать?

— Отель “Амбассадори”.

Какое-то время они ехали молча. Потом Бонд спросил:

— Не желаете ли сначала заехать куда-нибудь?

— Нет, спасибо. — Казалось, она колеблется. — Вы очень любезны, но сегодня вечером я чувствую себя очень усталой.

— Значит, в другой раз.

— Возможно. Но завтра я уезжаю в Венецию. — Удивительное совпадение. Я тоже туда еду. Так, может быть, завтра вечером вместе поужинаем в Венеции? Женщина улыбнулась.

— Я всегда думала, что англичанам полагается быть скромными. Вы ведь англичанин, да? Как вас зовут? Чем вы занимаетесь?

— Да, я англичанин. Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. А занимаюсь я сочинительством, пишу приключенческие романы. Сейчас я как раз пишу роман о торговле наркотиками. Дело происходит в Риме и в Венеции. Но беда в том, что я мало знаю об этом бизнесе. Вот и катаюсь, собирая разные истории на эту тему. Вы, кстати, ничем мне здесь не поможет?

— Так вот почему вы ужинали с этим, с Кристатосом. Я его знаю. У него плохая репутация. Нет, никаких таких историй мне неизвестно. Я знаю только то, что знают и все остальные.

Бонд принялся с энтузиазмом развивать беседу:

— Но это как раз то, что мне и нужно! Говоря об “историях”, я имел в виду разные великосветские слухи и сплетни, которые, впрочем, зачастую оказываются недалеко от действительности. Такие вот вещи для писателя равноценны бриллиантам.

Она рассмеялась.

— Вы, правда, их имеете в виду? Ну, бриллианты?.. Бонд сказал:

— В общем-то, конечно, одним сочинительством на них не заработать. Но я уже продал идею романа для использования в киносценарии. И если мне удастся наполнить канву правдоподобным содержанием, то, может быть, они купят и весь сценарий.

Он положил свою руку на ее руки, лежавшие на коленях, и она не убрала их.

— Итак, бриллианты. Вернее, бриллиантовая брошь от Ван Клифа. Договорились?

Вот теперь она убрала руки.

Они были уже у “Амбассадори”. Она взяла в руки сумочку, лежавшую до этого на сиденье рядом с ней, повернулась и посмотрела на Бонда. Швейцар открыл дверцу

такси, и в озарившем салон свете уличных фонарей ее глаза засверкали, как звезды. Она с серьезным выражением лица изучала Бонда. Наконец сказала:

— Все мужчины — свиньи, но одни ведут себя менее свински, чем другие. Так и быть. Я встречу с вами, но не за ужином. Место, которое я назову, довольно пустынное. Каждый день после обеда я хожу купаться в Лидо. Но не на модный пляж, а дальше — пляж Альберони, где английский поэт Байрон некогда любил кататься верхом. Это самая оконечность полуострова. Туда ходит пароходик. Вот послезавтра, в три часа дня, вы меня там и найдете. У песчаных дюн. В песок будет воткнут бледно-желтый зонт, — Блондинка улыбнулась. — Постучите и спросите фрейлейн Лизль Баум.

Она вышла из машины. Бонд последовал за ней. Она протянула ему руку.

— Спасибо, что пришли мне на помощь. До свидания.

— Значит, в три часа. Я буду там. До свидания. Девушка повернулась и начала подниматься по ведущим к входу в отель ступеням. Бонд проводил ее задумчивым взглядом, вернулся в такси и велел водителю ехать в отель “Национале”. Бонд сидел, глядя в окно на проносившиеся мимо неоновые вывески. Что-то все стало идти очень быстро, даже такси. Но как раз такси было пока единственным фактором, который Бонд мог контролировать. Он наклонился к водителю и попросил ехать помедленнее.

Лучший способ добраться из Рима до Венеции — взять билет на “Лагуна-экспресс”, поезд, ежедневно отправляющийся в Венецию в полдень. Бонд почти все утро провел на телефоне, ведя трудные переговоры со своей лондонской штаб-квартирой. Естественно, благодаря стараниям “Секции-1” подслушать эти разговоры было невозможно. Но вот на поезд Бонд еле-еле успел. “Лагуна”, конечно, вещь хорошая, но снаружи она выглядит гораздо более роскошной, чем является на самом деле. Сиденья в вагонах рассчитаны на тщедушных итальянцев, а официанты вагона-ресторана подвержены той же профессиональной болезни, что и их коллеги во всем мире: презрительное отношение ко всем путешественникам, а к иностранцам — в особенности. Бонду досталось место в проходе последнего вагона, и если бы за окнами мелькали даже райские кущи, он не обратил бы на них никакого внимания. Бонд пытался читать прыгающую в руках книгу, пролил кьянти на скатерть, без конца менял положение затекших ног и почем зря поносил про себя итальянские государственные железные дороги.

Но вот наконец поезд миновал Местре и вышел на идеально прямой отрезок пути, шедший по акведуку восемнадцатого века до Венеции. Потом открылся никогда не оставляющий человека равнодушным вид прекрасного города, и поезд стал спускаться вдоль Большого канала прямо в кроваво-красный закат. И наконец, как показалось Бонду, верх блаженства — лучший двухместный номер на втором этаже гостиницы “Гритти Палас”.

В тот же вечер, соря тысячилитровыми банкнотами в барах “Гарри”, “У Флориана” и “Квадри”, самом шикарном из трех, Бонд изо всех сил создавал о себе то впечатление, которое, для интересующихся, должен был оставлять преуспевающий литератор, которым он представился блондинке. Затем пребывая во временном состоянии эйфории, которое охватывает всех в первый вечер в Венеции вне зависимости от целей пребывания, Джеймс Бонд вернулся в гостиницу и проспал восемь часов кряду.

Лучший сезон для Венеции — май или октябрь. Днем ласково пригревает солнце, ночью — прохладно. Глаза меньше устают от созерцания прекрасных видов, а ноги — от бесконечного хождения по камню и мрамору, невыносимого в летнюю жару. К тому же и людей на улицах в это время меньше. Все-таки, хотя Венеция является, по сути, единственным в мире городом, способным растворить в себе как тысячу туристов, так и сто тысяч, — пряча их в боковых улочках, собирая в толпы на площадях, набивая ими пароходики и гондолы, — гораздо лучше, когда навстречу

постоянно не попадают ошалевшие тургруппы.

Следующее утро Бонд провел в прогулках по узким улочкам в надежде обнаружить за собой “хвост”. Он даже зашел в пару соборов. Не для того, чтобы полюбоваться убранством, а для того, чтобы посмотреть, не войдет ли кто-нибудь за ним через центральный вход до того, как сам он выйдет через боковой. Но никто за ним не следил. Тогда Бонд отправился к “Флориану”, где заказал “Американо” и выслушал болтовню двух французских снобов о несбалансированности ансамбля на площади Святого Марка. Поддавшись импульсу он купил открытку и отправил ее своей секретарше, которая когда-то была участником искусствоведческого общества, занимавшегося Италией, и постоянно напоминала об этом Бонду. На открытке он написал: “Венеция прекрасна. Пока удалось осмотреть вокзал и здание биржи. С эстетической точки зрения — очень удовлетворительно. Сегодня буду осматривать городской водопровод, а затем — старушку Брижит Бардо в кинотеатре “Скала”. Знаешь ли ты замечательную мелодию “О соле мио”? Очень романтично, как, впрочем, и все остальное здесь. Д. Б.”

Довольный собой, Бонд пообедал в ресторане и вернулся к себе в гостиницу. Он запер за собой дверь, снял пиджак и осмотрел свой “вальтер ППК”. Поставив его на предохранитель, попробовал, легко ли тот вынимается из кобуры, и остался удовлетворен. Пора было идти. Он прошел по набережной и купил билет на отходивший в двенадцать сорок на Альберони пароходик. Устроившись на одной из передних лавочек, он любовался зеркальными лагунами и пытался представить себе, что может с ним случиться.

Чтобы добраться от причала в Альберони, находившегося на ближнем к Венеции побережье полуострова Лидо, до пляжа Альберони на берегу Адриатического моря, надо было всего лишь пересечь пыльный перевал с километр длиной. Эта оконечность знаменитого полуострова — довольно странная пустынная местность. Всего в километре отсюда среди старых, с потрескавшейся краской домиков и многоквартирных домов, построенных давно уже обанкротившимися архитекторами, начинали появляться новые роскошные виллы, а здесь не было ничего, кроме крохотной рыбацкой деревушки Альберони, санатория для студентов, древнего экспериментального комплекса итальянских военно-морских сил и нескольких массивных, покрывшихся вдоль основания водорослями брустверов времен последней войны. В самом центре этой “ничейной” земли находится залив Лидо, разбитый на протоки останками древних фортификационных сооружений. Хотя немногие любители приезжают в Венецию, чтобы поиграть в гольф, тем не менее крупные отели все еще не отказались от мысли продать расположенное здесь поле для гольфа, где изредка резвились их снобы-постояльцы. Поле это было окружено высоким забором из проволоочной сетки с угрожающими надписями “Прохода нет” и “Ходить запрещается”, как будто здесь находилось что-то архисекретное и таинственное. Пространство за забором, представлявшее собой нагромождение кустарников и песчаных дюн, еще даже не было очищено от мин, и кое-где рядом с проржавевшей колючей проволокой торчали таблички с надписью “Осторожно — мины!” и с грубо нарисованными черепами и костями. В целом это место выглядело странным и неудобным, особенно резко контрастируя со взбалмошным, карнавальным миром Венеции, находившейся всего лишь в нескольких километрах отсюда: меньше часа пароходиком, курсировавшим через лагуны.

К тому времени, как Бонд, пройдя километр, добрался до пляжа, он слегка вспотел и поэтому остановился передохнуть в тени акаций, окаймлявших пыльную дорогу. Чуть дальше, прямо перед ним, стояла деревянная покосившаяся арка, на которой поблекшей синей краской было написано: “Пляж Альберони”. За ней виднелись ряды обветшавших деревянных кабинок, сотни ярдов песчаного пляжа, а дальше — спокойная зеркальная поверхность моря. Внешне могло показаться, что на

пляже никого нет, но, когда Бонд миновал арку, он услышал, как где-то неподалеку едва слышно играла неаполитанская музыка. Радио. Звуки его доносились из домика-развалюхи, на котором висели щиты с рекламой кока-колы и местных итальянских прохладительных напитков. У стен стояли пустые шезлонги, два pedalных катамарана и лежал полунадутый детский плавательный матрас. Все это выглядело настолько запущенным, что вряд ли пользовалось спросом даже в пик туристического сезона. Бонд сошел с деревянного тротуарчика на мягкий выгоревший песок, обойдя домик, направился на пляж и остановился у самой кромки воды. Налево уходил, исчезая в дымке, в сторону Лидо широкий пустой песчаный пляж. Направо пляж тянулся примерно на милю и упирался в волнорез на оконечности полуострова. На волнорезе через равные интервалы стояли ветхие мостки для рыболовов. За спиной Бонда пляж переходил в песчаные дюны, на верхушках которых стоял проволочный забор, огораживающий поле для гольфа. У подножия одной из дюн, примерно в пятистах ярдах от того места, где стоял Бонд, сверкал под лучами солнца желтый зонтик шезлонга. Бонд направился к нему.

— Ой!

Она быстро натянула верх черного купальника, когда в поле ее зрения неожиданно появился Бонд. Тень от зонтика закрывала только ее лицо, а тело — цвета густых сливок — нежилось под лучами солнца.

Едва приоткрыв глаза, она сказала:

— Вы пришли на пять минут раньше. К тому же я просила постучать...

Бонд сел рядом с ней на песок, укрывшись в тени зонтика. Он достал платок и вытер лицо.

— Похоже, вам удалось найти единственную пальму в этом пустынном месте. Поэтому я и не могу отказать себе в желании укрыться под ней. Чертовски странное место для встречи вы выбрали, однако.

Она рассмеялась.

— Я — как Грета Гарбо: люблю пребывать в одиночестве.

— Мы — в одиночестве? Она наконец открыла глаза.

— А почему бы и нет? Или вы думаете, что я привела с собой телохранителя?

— Ну, если вы считаете, что все мужчины — свиньи...

— Ах, да. Но вы — воспитанная свинья. — Она хихикнула. — Свинья-джентльмен. Впрочем, сейчас слишком жарко, чтобы обсуждать сей вопрос. К тому же у нас ведь деловое свидание, не так ли? Я должна рассказать вам всякие страшные истории про наркотики, а вы за это презентуете мне бриллиантовую брошь. От Ван Клифа. Или вы передумали?

— Нет. Все именно так и есть. С чего же мы начнем?

— Задавайте вопросы. Что бы вы хотели узнать? Она села, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Выражение лица утратило кокетливость, стало внимательным, даже чуть-чуть осторожным.

Бонд уловил эту перемену и, наблюдая за выражением ее лица, нарочито небрежно сказал:

— Говорят, ваш приятель Коломбо — не последний человек в этом бизнесе. Расскажите мне о нем. В моей книге он мог бы стать одним из главных персонажей, не под своим именем, конечно. Но мне нужны детали: чем он конкретно занимается, как ведет себя, ну и тому подобное, чего самому писателю никогда не выдумать.

Она закрыла глаза и произнесла:

— Если Энрико узнает, что я рассказала кому-то о его секретах, он будет ужасно зол. Он может сделать со мной что угодно...

— Он никогда об этом не узнает. Очень серьезно она сказала:

— Дорогой мой господин Бонд. Он знает почти все. К тому же об остальном он может легко догадаться. Я вовсе не удивлюсь, — она мельком взглянула на часы, —

если он решил отправить сюда кого-нибудь, чтобы следить за мной. Он подозревает всех.

Она подняла руку и коснулась руки Бонда. Теперь она выглядела очень взволнованной.

— Думаю, вам надо уходить. Эта встреча была серьезной ошибкой.

Бонд посмотрел на часы. Половина четвертого. Он повернул голову и обвел взглядом пляж. Вдалеке, у кабинок для переодевания, слегка расплываясь в знойном мареве, были видны фигуры трех мужчин в темной одежде. Они шли явно в сторону желтого зонтика, ступая в ногу, как военный отряд.

Бонд поднялся на ноги, посмотрел на женщину, сидевшую с опущенной головой, и сухо сказал:

— Все понятно. Но все-таки скажите своему Коломбо, что с этого момента я начинаю всерьез заниматься его биографией. Я — писатель, я — очень настойчивый и любопытный. Так что до скорого свидания.

Бегом Бонд направился к оконечности полуострова, где, спустившись на другую сторону, он мог добраться до деревни и оказаться в сравнительной безопасности, затерявшись среди ее обитателей.

Вдали трое мужчин перешли на размеренный бег и стали похожи на тренирующихся стайеров. Пробегая мимо женщины, один из них поднял руку. Она ответила взмахом руки и перевернулась на живот. Либо она хотела теперь поджарить спину, либо просто не желала наблюдать за начинающейся охотой на человека.

Бонд на бегу сорвал галстук и сунул его в карман. Было очень жарко, и он уже здорово вспотел. Но тем троим, скорее всего, было не лучше. Вопрос в том, кто лучше тренирован? Бонд вскарабкался на волнорез и посмотрел назад. Расстояние между ним и преследователями практически не сократилось. Но двое из трех явно направлялись к полю для гольфа, собираясь срезать угол, не обращая внимания на устрашающие надписи и таблички с черепом и костями. Бонд прикинул расстояние и понял, что обогнать тех двоих, что побежали в обход, ему будет довольно трудно.

Рубашка на нем была уже совершенно мокрой, да и ноги начинали болеть. А пробежал он всего еще только чуть больше мили. Сколько еще? В волнорезе через определенные интервалы были проделаны ниши, где когда-то стояли древние пушки. Теперь здесь были кнехты, к которым рыбаки привязывали свои лодки, пережидая непогоду перед выходом в Адриатику. Расстояние от одной до другой составляло примерно пятьдесят ярдов. А сколько еще таких кнехтов до первых домиков деревни? Бонд насчитал больше тридцати, но, видимо, это не все. Значит, еще немногим более мили. Удастся ли ему уйти от преследователей, особенно от тех, что обходят его с фланга? Бонд уже начинал задыхаться. Теперь вся его одежда была мокрой от пота и мешала бежать. Сзади, ярдах в трехстах, за ним гнался один из “святой троицы”. Двое других то появлялись, то пропадали среди песчаных дюн справа от него. А слева — крутой обрыв, под которым бились волны Адриатического моря.

Бонд уже собирался перейти на шаг, чтобы восстановить дыхание и попытаться выиграть перестрелку, как вдруг одно за другим произошли два события, изменившие его планы. Сначала он увидел группу из шести-семи рыбаков, любителей подводной охоты. Трое стояли с гарпунными ружьями в руках, а остальные загорали на волнорезе. Потом со стороны дюн раздался глухой звук взрыва. В воздух взлетели тучи песка, и Бонда задела слабая ударная волна.

Он замедлил шаг и посмотрел направо. Напарник подорвавшегося на mine остановился и замер с раскрытым ртом. Внезапно он бросился на землю, обхватив голову руками. Такое доведение было знакомо Бонду: теперь лежащий не шелохнется, пока кто-нибудь не поднимет его и не вынесет из опасного места. Бонд почувствовал облегчение: до рыбаков, вскочивших на ноги и смотревших в его

сторону, оставалось немногим более двухсот ярдов. Судорожно подбирая в уме знакомые ему итальянские слова, он составил фразу: “Я англичанин. Где карабинеры?” и несколько раз попробовал ее произнести. Оглянувшись через плечо, он к удивлению своему обнаружил, что опасность не миновала: его преследователь, находившийся уже всего в ста ярдах, с пистолетом в руке продолжал гнаться за ним, не обращая внимания на рыбаков-свидетелей, выстроившихся цепью на пути Бонда с гарпунными ружьями на изготовку. В центре этой цепочки стоял крупный мужчина с большим животом, нависающим над красными плавками. Зеленая маска для подводного плавания была сдвинута почти на макушку. Он стоял, широко расставив ноги в ластах и уперев руки в бока, напомнив Бонду господина Жабу, персонажа американских мультфильмов. Но это забавное сравнение оказалось совсем некстати... Тяжело дыша, Бонд перешел на шаг, а его рука непроизвольно полезла за пистолетом: человек, за спиной которого поблескивали гарпуны, был Энрико Коломбо.

Он внимательно наблюдал за приближающимся Бондом. Когда тот подошел, Коломбо тихо сказал по-английски:

— Уберите вашу игрушку, мистер Бонд из Секретной службы: ей не сравниться с пневматическими гарпунами. И если вы не хотите повторить подвиг Святого Себастьяна, стойте где стоите.

Он повернулся к стоящему справа от него “рыболову-спортсмену” и спросил:

— На каком расстоянии был тот албанец на прошлой неделе?

— В двадцати ярдах, хозяин. Гарпун прошел насквозь, да и албанец был раза в два толще, чем этот фрукт.

Бонд остановился, присел на чугунную решетку ограждения, не выпуская из рук пистолета, направленного в большой живот Коломбо, и сказал:

— Пять воткнувшихся в меня гарпунов не остановят одну пулю от проникновения в ваше внушительное тело, Коломбо.

Коломбо улыбнулся, кивнул своему человеку, незаметно подобравшемуся к Бонду сзади, и тот ударил Бонда рукояткой своего “люгера”...

Когда приходишь в себя после удара по голове, первая реакция — головокружение и тошнота. Но даже несмотря на это Бонд ощутил и еще кое-что: он находился в море, на корабле, а человек, вытиравший ему лоб мокрым полотенцем, бормотал на ломаном английском ободряющие слова:

— Порядок у всех, амиго. Будь спокойный. Будь спокойный.

Бонд чувствовал себя совершенно разбитым, но тем не менее огляделся по сторонам. Он лежал в комфортабельной уютной каюте, обитала в которой, судя по запахам, ярким цветам и пестрым занавескам, женщина. У изголовья откидной кушетки, на которой лежал Бонд, стоял матрос в не первой свежести рубаше и штанах. Лицо его показалось Бонду знакомым: это был один из “рыбаков”. Он улыбнулся, когда Бонд открыл глаза, и сказал:

— Стало ничего? Да? В порядке все? — В знак солидарности он потер себе шею и добавил:

— Болеть еще совсем мало. Скоро только синяк будет. Под волосами. Девушки увидят ничего.

Бонд слабо улыбнулся и кивнул. От этого кивка боль заставила его зажмуриться. Когда он вновь открыл глаза, матрос огорченно вздохнул и поднес к лицу Бонда часы: было семь вечера. Матрос показал пальцем на цифру девять.

— Ужин с хозяином, да?

— Да, — ответил Бонд.

— Спать.

— Да, — сказал опять Бонд, и матрос вышел из каюты, закрыв, но не заперев за собой дверь.

Бонд кое-как слез с кушетки, добрался до умывальника и принялся приводить себя в порядок. На стоявшем рядом комоде, аккуратно разложенные, лежали его вещи. Все, кроме пистолета. Бонд рассовал их по карманам, вернулся к кушетке, сел и, закулив, попытался размышлять. Ни к каким выводам прийти он не смог. Ясно, что его куда-то везли, вернее — он куда-то плыл, но, судя по поведению матроса, врагом его не считали. Тем не менее Коломбо приложил немало сил, чтобы сделать его своим пленником, а один из его людей даже погиб при этом, пусть и случайно. Видимо, речь не шла о том, чтобы убрать Бонда сразу. Скорее всего, такое обращение предвещало попытку заключить с ним сделку. Только вот какую? И есть ли у него иной выбор?

В девять часов за Бондом пришел тот же матрос, провел его по коротенькому коридору в небольшой уютный салон и оставил в одиночестве. В центре салона стояли стол и два кресла, а рядом — никелированный сервировочный столик с едой и напитками. Бонд подергал ручку двери, находившейся на другой стороне салона, и без удивления обнаружил, что она заперта. Тогда он открыл один из иллюминаторов и выглянул наружу. Единственное, что можно было определить в сумерках, так это то, что плыл он на бывшем рыболовном судне водоизмещением примерно двести тонн. Работал, похоже, один дизельный двигатель, и корабль шел под парусом, делая от шести до семи узлов. Далеко на горизонте виднелась россыпь огней. Видимо, они плыли вдоль берега.

Послышался звук открываемой двери, и Бонд быстро отошел от иллюминатора. В салоне появился Коломбо. Одет он был в майку с короткими рукавами, летние брюки и сандалии. Глаза выдавали его настороженность. Он опустился в одно кресло и указал Бонду на другое.

— Садитесь, друг мой. Нам предстоит всласть поесть, попить и, главное, побеседовать. Пора нам перестать вести себя подобно малым детям и немного повзрослеть. Согласны? Что будете пить — джин, виски, шампанское? А вот колбаса, лучше которой нет в Болонье. Маслины с моих собственных плантаций. Хлеб, масло, проволоке — то есть плавленый сыр — и свежие фиги. Крестьянская еда, конечно, но очень вкусная. Приступайте. Вся эта беготня не могла не дать разгуляться вашему аппетиту, не так ли?

Он заразительно рассмеялся. Бонд налил себе виски с содовой и сел. Сделав глоток, он сказал:

— Зачем вам надо было весь этот огород городить? Можно ведь было просто встретиться, без всей этой суеты. А так вы рискуете оказаться в очень трудном положении. О чем-то подобном я даже предупреждал своего шефа: то, как ваша девица подцепила меня в ресторане, — это, ей-Богу, детские игры. Я сказал ему, что сам полезу в ловушку, чтобы разобраться что к чему. И если к вечеру завтрашнего дня я из нее не выберусь, вам предстоит иметь дело с Интерполом и всей полицией Италии.

Коломбо выглядел удивленным. Он сказал:

— Если вы, как утверждаете, были готовы сами лезть в ловушку, то зачем же вы пытались скрыться от моих людей сегодня? Я послал их, чтобы они доставили вас на корабль, и все тогда было бы гораздо проще. А так я потерял одного из своих людей, а вам чуть не проломили череп. Не понимаю — зачем вы пошли на это?

— Не понравилась мне эта ваша троица. Людей, способных убивать, я отличу за версту. Вот я и подумал, что вы готовы совершить какую-нибудь глупость. Надо было вам все делать через девушку. Посылать кого-то еще, право, не стоило.

Коломбо покачал головой.

— Лизль хотела побольше о вас разузнать. И ничего больше. Теперь она будет на меня злиться не меньше вас. Жизнь — штука сложная. Я предпочитаю быть со всеми в хороших отношениях, а получилось так, что за один день вместо друзей

заполучил двух врагов. Это плохо.

Видно было, что ему искренне жаль себя. Он отрезал толстый кружок колбасы и принялся за еду, запивая шампанским. Прожевав, он опять укоризненно покачал головой и произнес:

— У меня всегда так: когда я волнуюсь, мне надо поесть. Но то, что я ем, когда волнуюсь, трудно переваривается. А вы меня разволновали, сказав, что мы могли просто встретиться и поговорить без всей этой суеты. — Он беспомощно развел руками. — Разве я мог об этом знать заранее? Теперь же вы этим косвенно обвиняете меня в гибели Марио. Но я ведь не просил его бежать наперерез через это чертово поле для гольфа!

Коломбо стукнул кулаком по столу и сердито закричал:

— Я не согласен! Это не моя вина, а ваша! И только ваша. Вы согласились убить меня. А как же должен человек организовывать встречу со своим убийцей, а? Ну-ка, объясните мне.

Коломбо схватил булку, нервно отломил большой кусок и запихнул себе в рот. Глаза его горели гневом.

— О чем это вы, черт побери?

Коломбо швырнул недоеденную булку на стол, поднялся, не спуская с Бонда глаз, подошел к шкафчику, открыл его и достал предмет, в котором Бонд узнал портативный магнитофон. Не сводя с Бонда осуждающего взгляда, он поставил магнитофон на стол, сел и включил воспроизведение.

При первых же звуках записи Бонд взял свой бокал с виски и с задумчивым видом стал его изучать. Голос из магнитофона сказал: “Второе условие. Вы никому не говорите, откуда у вас мои инфогмации. Также если вас будут бить”. Голос продолжал: “Тетье условие. Во главе этого аппагатуса есть очень плохой человек. Он толжен быть *destrutto*, убит”. Бонд ждал, когда сквозь ресторанный шум прорежется его собственный голос. Помнится, пауза, когда он обдумывал последнее условие, была довольно длинной.

Что же он тогда сказал? Тут же магнитофон напомнил ему это: “Обещать я вам ничего не могу, это вам должно быть понятно. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, так это то, что, если этот человек попытается уничтожить меня, я уничтожу его”.

Коломбо выключил магнитофон. Бонд выпил свое виски, поставил бокал на стол и приготовился ответить. Взглянув на Коломбо, он сказал:

— Это еще не делает меня убийцей. Коломбо посмотрел на него с сожалением.

— Для меня — делает. Особенно, когда я слышу такое от англичанина. Я работал на вас во время войны. В Сопротивлении. Имею медаль. — Он полез в карман и вытащил оттуда серебряную медаль на красно-бело-синей ленте. — Видите?

Бонд выдержал пристальный взгляд Коломбо. Не отвел глаз. Он сказал:

— А как насчет всего остального, о чем говорилось в ресторане? Вы уже давно работаете не на англичан, а против них. Причем за деньги.

Коломбо вздохнул. Он постучал пальцем по магнитофону и бесстрастно произнес:

— Я слышал все. И это все — ложь. Он снова стукнул кулаком по столу, да так, что бокалы подпрыгнули, и яростно прокричал:

— Это — ложь! Ложь! Каждое слово — ложь! Он резко поднялся из-за стола, оттолкнув кресло. Оно упало, и ему пришлось наклониться, чтобы поднять его. Коломбо взял бутылку с виски, обошел стол и наполнил бокал Бонда. Потом вернулся на свое место и поставил перед собой бутылку шампанского. Теперь его лицо было сосредоточенным и серьезным. Он тихо сказал:

— Не все, однако, здесь ложь. Есть в том, что сказал вам этот ублюдок, доля

правды. Поэтому я и решил не спорить с вами. Вы бы мне не поверили и натравили бы на меня полицию. Это принесло бы мне и моим товарищам много неприятностей. Даже если бы вы или кто-то другой решили, что убивать меня не стоит, все равно все кончилось бы громким скандалом и крахом. Чтобы избежать этого, я решил показать вам, как все обстоит на самом деле. Ведь для этого вас и направили в Италию, не так ли? Через несколько часов, завтра на рассвете, ваше задание будет выполнено. — Коломбо щелкнул пальцами. — Раз! — и все. Вот так.

— Так что же в истории Кристатоса правда? — спросил Бонд.

Коломбо, раздумывая, отвечать или нет, долго смотрел на Бонда. Потом решился:

— Друг мой. Я — контрабандист. Это — правда. Наверное, я самый удачливый контрабандист на всем Средиземном море. Половина из продающихся в Италии американских сигарет доставляется из Танжера мной. Золото? Я — единственный его поставщик на черном валютном рынке. Бриллианты? В Бейруте у меня сидит человек с контактами в Сьерра-Леоне и Южной Африке. Раньше, когда не хватало лекарств, я занимался пенициллином: подкупал медперсонал в американских госпиталях. И многое, многое другое. Даже доставка в публичные дома Неаполя смазливых девиц из Сирии и Персии. Я помогал вывозить из страны бежавших из тюрем заключенных. Но, — кулак Коломбо вновь обрушился на несчастный стол, — наркотиками — героином, опиумом, коноплей — нет! Никогда! Никогда к этому не прикасался. Это — зло. Это — грех. — Коломбо торжественно поднял правую руку. — Друг мой! Клянусь в этом именем моей матери!

Отдельные кусочки мозаики стали складываться в единое целое, и Бонд был уже готов поверить Коломбо. Он даже испытывал какую-то приязнь к этому жизнерадостному пирату, которого Кристатосу чуть было не удалось подставить под удар. Бонд спросил:

— Почему же Кристатос указал именно на вас? Что он от этого выиграет?

Коломбо покачал головой и сказал:

— Друг мой, Кристатос — это Кристатос. Он ведет такую двойную игру, какую трудно себе представить. Чтобы сохранить покровительство и американской разведки, и ваших специалистов по наркотикам, ему приходится время от времени подбрасывать им очередную жертву, какую-нибудь мелкую рыбешку. Но сейчас проблема слишком сложна, и мелочью ему не отделаться. Речь идет об огромных партиях, и жертва требуется на этот раз большая. Вот Кристатос или его наниматели и выбрали меня. Ведь действительно, если бы вы не пожалели денег на подкуп информаторов и как следует копнули, то узнали бы многое о моих операциях. Но каждый след, ведущий ко мне, на самом деле уводил бы вас все дальше от истины. И в конечном итоге — я далек от того, чтобы недооценивать вашу Службу, — я бы сел в тюрьму. Но тот хитрый лис, на которого вы охотитесь, только смеялся бы над вами, слыша, как звуки охоты удаляются от него все дальше и дальше.

— Почему Кристатос хочет, чтобы вас убили?

— Я слишком много знаю, друг мой, — хитро прищурился Коломбо. — Мы, контрабандисты, иногда волей-неволей наступаем на мозоль своим коллегам. Совсем недавно я на этом корабле вел настоящий морской бой с небольшим албанским военным катером. Нам повезло: удачный выстрел — и их баки с горючим взорвались. В живых от экипажа остался только один человек, и его убедили говорить. Я очень много чего полезного узнал, но сделал глупую ошибку — высадил его на берег под Тираной. То есть вместо того, чтобы обойти минное поле, как дурак решил пойти через него напрямик. Ну и поплатился. С этого момента ваш любимый Кристатос сел мне на хвост. К счастью, — Коломбо кровожадно усмехнулся, — мне известно то, о чем этот подонок и не подозревает. Вот с этим “тем” мы и повстречаемся завтра на рассвете, в маленьком порту Санта-Мария, к северу от

Анконы. А там, — Коломбо злобно рассмеялся, — мы увидим то, что увидим.

Бонд спросил:

— И сколько же вы за все это хотите? Вы ведь сказали, что завтра утром мое задание будет выполнено. Так сколько же это будет стоить?

Коломбо покачал головой и сказал равнодушно

— Ничего. Просто складывается все так, что здесь наши интересы совпадают. Но единственное, в чем я хотел бы заручиться вашим честным словом, так это в том, что все сказанное здесь сегодня не будет знать никто, кроме вас, меня и, если это совершенно неизбежно, вашего шефа в Лондоне. В Италии это не должно стать известным. Договорились?

— Да. Я согласен.

Коломбо встал, подошел к шкафчику, достал пистолет Бонда и отдал его владельцу.

— В таком случае, друг мой, — сказал он, — лучше иметь эту вещицу под рукой, так как она может вам пригодиться. А сейчас лучше всего как следует выспаться. В пять утра подадут ром и кофе.

Коломбо протянул Бонду руку, и тот пожал ее, внезапно ощутив, что они стали друзьями. Бонд попрощался с чувством некоторой неловкости и отправился к себе в каюту.

Экипаж “Коломбины” состоял из двенадцати молодых отчаянных парней. В этот ранний час они тихо переговаривались между собой, получая в салоне из рук самого Коломбо чашки с ромом и кофе. Корабль шел без огней, если не считать одного тусклого аварийного фонаря. Бонд даже улыбнулся про себя по поводу этой сцены из “Острова сокровищ”, где царила атмосфера таинственности и романтики. Коломбо подходил к каждому матросу и проверял оружие. Все были вооружены “люгерами” и складными ножами. Пистолеты — за поясом, ножи — в карманах брюк. Коломбо проверял оружие очень придирчиво, кого-то хвалил, кого-то ругал. Бонду вдруг подумалось, что Коломбо живет жутко интересной жизнью, полной приключений, риска и опасностей. Конечно, это была жизнь преступника, постоянная борьба с валютным законодательством, монополией государства на табак, таможней, полицией, но витавший сейчас в воздухе юношеский романтический флер каким-то образом превращал цвет преступлений Коломбо из черного в белый. Ну по крайней мере в серый.

Коломбо посмотрел на часы, отдал приказ всем занять свои места и погасил аварийный фонарь. Вместе с Бондом он поднялся на капитанский мостик. Бонд увидел, что корабль был уже совсем рядом с казавшимся при свете едва зарождающегося утра черным скалистым берегом, вдоль которого он шел на самых малых оборотах. Коломбо сказал:

— Там, впереди, за этим утесом — бухта. В ней, у пирса, должен стоять корабль вроде нашего, и с него должны выгружать и перевозить на склад совершенно безобидные с виду рулоны типографской бумаги. Нас там никто не ожидает увидеть, поэтому у входа в бухту мы прибавим ход, подойдем вплотную к этому кораблю и высадимся на него. Они будут сопротивляться, естественно, и придется разбить пару-тройку голов. Надеюсь, что обойдется без стрельбы. Во всяком случае мы стрелять не будем, если они не начнут первыми. Это — албанский корабль, а экипаж — отпетые албанские головорезы. Так что, если все-таки начнется стрельба, вы должны стрелять вместе с нами. Эти люди — враги и вашей страны, и моей. И здесь уж убьют не убьют — зависит от вас. Согласны?

— Согласен.

В ту же секунду раздался звон машинного телеграфа, и палуба под ногами начала ощутимо вибрировать. На скорости в десять узлов их корабль обогнул утес и вошел в бухту.

Все было так, как сказал Колombo. У каменного пирса был пришвартован небольшой парусный корабль. С кормы на берег были перекинuty доски, которые вели в тускло освещенный, грязный, старый кирпичный склад. На палубе лежали рулоны бумаги, которые по доскам скатывали с корабля, и они сами по инерции катились прямо в открытые двери склада. На корабле и на берегу Бонд насчитал двадцать человек. Только внезапность нападения могла уравнивать шансы. Корабль Колombo был уже всего метрах в пятидесяти от борта парусника, когда его заметили. Кто-то побежал в сторону склада. Одновременно с этим Колombo отдал короткий приказ. Двигатели на мгновение замерли и тут же дали задний ход. На мостике вспыхнул мощный прожектор, ярко осветивший всю картину происходящего, а “Коломбина” тем временем подошла к борту албанского судна. При первом же ударе борта о борт на палубу парусника полетели абордажные крюки, и матросы во главе с Колombo бросились на вражеский корабль.

У Бонда были свои планы. Оказавшись на палубе чужого корабля, он пересек ее, спрыгнул с трехметровой высоты на пирс, приземлившись мягко, как кошка, и замер, рассчитывая следующий шаг. На палубе уже началась стрельба, одним из первых выстрелов прожектор был выведен из строя, и теперь все происходило в сумраке наступающего утра.

В двух шагах от Бонда с палубы рухнуло тело одного из албанцев и распласталось на пирсе. В ту же минуту из черного зева складского помещения заговорил короткими профессиональными очередями ручной пулемет. Укрываясь в тени борта албанского корабля, Бонд бросился к складу. Пулеметчик заметил это движение и перенес огонь в его сторону. Пули завизжали вокруг Бонда и, клацнув о металлическую обшивку борта, рикошетом ушли в сторону. Бонд метнулся к штабелям досок и бросился на землю. Пулеметная очередь впиалась в доски над его головой. Бонд ползком стал пробираться между штабелями. Теперь, когда он продвинулся вперед насколько это было возможно под укрытием досок, ему надо было делать рывок вправо или влево. Послышались звуки рвущихся веревок где-то над ним: видимо, один из людей Колombo перерезал тросы, удерживавшие бумажные рулоны на палубе, и теперь они один за другим покатились по доскам в сторону склада. У Бонда появился шанс. Он кинулся влево. Если пулеметчик и ждал его появления, то скорее всего — справа. Так и оказалось. Пулеметчик притаился у стены склада, и пока дуло пулемета перемещалось, Бонд успел выстрелить дважды. Палец убитого конвульсивно нажал на гашетку, и пулемет несколько раз плюнул огнем, прежде чем освободился от обмякшей руки, и с легким звоном упал на камни.

Бонд побежал к складу, но зацепился обо что-то и растянулся во весь рост в луже какой-то черной вязкой жидкости. Чертыхнувшись, он вскочил и спрятался за одним из рулонов, остановив свой бег у стены склада. Рядом лежал еще один рулон, вспоротый пулеметной очередью. Из него и сочилась эта черная жидкость, запах которой Бонд однажды слышал в Мексике. Это был запах опиума-сырца.

В нескольких сантиметрах от его головы в стену склада ударила пуля. Бонд вытер вымазанные в опиуме руки лапами пиджака и метнулся к двери. Удивительно, но в него никто не выстрелил изнутри, даже когда его силуэт стал четко виден на фоне неба. Внутри было тихо и прохладно. Освещение было выключено, но на улице уже посветлело, и Бонд увидел ровные ряды рулонов типографской бумаги между которыми тянулся проход к другой двери в задней стене. Казалось, склад только и ждал, чтобы кто-нибудь зашел в него. Однако интуиция Бонда говорила о смертельной опасности. Он попятился к выходу и столкнулся лицом к лицу с Колombo. Стрельба постепенно затихала. Бонд резко бросил:

— Стойте здесь, у двери. Не входите сами и своих никого не пускайте. Я посмотрю, что делается с другой стороны.

Не ожидая ответа, он обогнул угол склада, пробежал метров двадцать вдоль

стены и, приблизившись к углу, остановился. Бонд быстро заглянул за угол и тут же отпрянул. Перед задней дверью, прильнув одним глазом к потайному отверстию, стоял человек. В руках у него было какое-то устройство, провода от которого исчезали под дверью. Рядом, тихо урча мотором, стояла черная открытая “ланча-грантурисмо”, повернутая в сторону уходящей от пирса наезженной дороги.

Этим человеком был Кристатос.

Бонд встал на колени и, держа пистолет обеими руками, быстро высунулся из-за угла и выстрелил Кристатосу в ногу. Он промахнулся. Когда фонтанчик пыли взметнулся в сантиметре от цели, раздался взрыв, и его волна швырнула Бонда на землю.

Бонд тут же вскочил на ноги и увидел, как склад начал оседать и рушиться, как колода карт, принимая удивительные очертания. Кристатос был уже в машине и успел отъехать метров на пятнадцать. Из-под задних колес взвивались столбы пыли. Бонд принял классическую позу стрелка — руки вытянуты вперед, ноги слегка согнуты в коленях — и тщательно прицелился. Его “вальтер” выстрелил три раза. Одновременно с последним выстрелом, с пятидесяти метров, фигура вцепившегося в руль человека дернулась, руки взлетели вверх, голова упала на руль. Правая рука так и осталась в воздухе, как будто мертвец показывал, что готовится сделать поворот направо. Бонд пустился бежать по дороге ожидая, что машина остановится. Но глубокие колеи на дороге не выпускали колеса из своих объятий, а правая нога убитого продолжала давить на акселератор. И “ланча”, визжа мотором на так и не переключенной третьей скорости, неслась вперед. Бонд остановился и стал ждать, что же произойдет. Взметая пыль, машина катилась по дороге, пересекая выжженную равнину. Бонд ждал, что она вот-вот свернет с дороги, но этого не произошло, и “ланча” так и скрылась из глаз в дрожащем воздухе утра, предвещавшего прекрасный солнечный день.

Бонд поставил пистолет на предохранитель и засунул его за пояс брюк. Повернувшись, он увидел направляющегося к нему Коломбо. На губах толстяка сияла довольная улыбка. Он подошел к Бонду и, к ужасу последнего, заключил его в объятия и расцеловал в обе щеки.

— Что вы делаете, Коломбо? Ну не надо же, — простонал Бонд.

Коломбо оглушительно захохотал.

— А-а! Тихоня англичанин боится выдать свои чувства! Зато я, — он стукнул себя кулаком в грудь, — Энрико Коломбо, люблю вас от всего сердца и не стесняюсь громко заявить об этом. Если бы вы не убрали этого пулеметчика, не бывать бы нам всем в живых. А так я потерял всего двоих. Правда, все остальные ранены. Но у албанцев-то на ногах осталось всего шестеро, да и те спрятались где-то в деревне, откуда их выкурит полиция. К тому же вы и этого ублюдка Кристатоса спровадили прямо в ад со всеми удобствами. Именно такого конца он и заслужил! Интересно, как там все обернется, когда его гоночная колымага выедет на главную дорогу? Он, кажется, показывает, что повернет направо? А это значит — прямо на автостраду!

Коломбо по-дружески похлопал Бонда по плечу.

— Однако, друг мой, нам пора уходить. Кингстоны на албанском судне уже открыты, и скоро оно будет лежать на дне морском. Телефонов в этом забытом Богом месте нет, и мы легко оторвемся от полиции. К тому же им придется изрядно помучиться, прежде чем они выбьют что-то у местных рыбаков. Я с ними уже побеседовал: здесь никто не жалуется албанцев. Но нам пора сматываться. И ветер сейчас попутный, и докторов, которым бы я доверял, нигде поблизости нет.

Языки пламени уже лизали искореженный склад, над которым поднимались густые облака сладковатого дыма.

Бонд и Коломбо вышли на пирс и через палубу начинавшего тонуть парусника перебрались на борт “Коломбины”, где Бонда ожидали новые объятия и дружеские

похлопывания и тычки. Корабль тут же снялся с якоря и пошел к выходу из бухты. На берегу, у вытащенных на берег лодок, стояло несколько местных рыбаков. Выглядели они угрюмо, но когда Колombo помахал им рукой и прокричал что-то по-итальянски, они дружно подняли руки в ответном приветствии, а один из них крикнул что-то, что заставило весь экипаж рассмеяться. Колombo перевел Бонду:

— Они говорят, что наша драка оказалась гораздо интереснее, чем та, что они недавно видели в кино, в Анконе, и просят приезжать почаще.

Неожиданно Бонд почувствовал навалившуюся усталость. Напряжение спало, и он ощутил себя грязным и небритым, пропахшим опиумом и потом. Он спустился вниз, одолжил у одного из матросов бритву и чистую рубашку, пошел к себе в каюту и постарался, насколько это было возможно, привести себя в порядок. Когда он вытащил из-за пояса пистолет и бросил его на кушетку, из дула пахло кордитом. Запах напомнил о только что пережитом страхе, лихорадке боя, смерти. Бонд открыл иллюминатор. Снаружи весело плясали волны, а удаляющийся берег, казавшийся еще так недавно черным и таинственным, теперь выглядел зеленым и очень красивым. В каюту из камбуза проник изумительный запах жарящегося бекона и свежего хлеба. Бонд захлопнул иллюминатор, оделся и отправился в салон.

Там, за завтраком, состоявшим из яичницы и кофе с ромом, Колombo, похрустывая поджаренным хлебом, расставил все точки над “i”.

— Итак, друг мой, мы уничтожили годовой запас опиума-сырца, который должен был отправиться отсюда в химические лаборатории Кристатоса в Неаполе. Это правда, что у меня у самого есть подобные цеха в Милане. Но они используются для производства простых лекарств. Аспирина, например. Что же касается всей остальной рассказанной вам Кристатосом истории, то замените в ней Колombo именем Кристатоса, к все встанет на свои места. Именно он занимался превращением опиума в героин и нанимал курьеров, переправлявших его в Лондон. Кристатосу и его людям, наверное, пришлось бы выложить за эти рулоны этак миллион фунтов стерлингов. Но знаете что, мой дорогой Джеймс? Они не потратили на это ни единого цента. Почему? Да потому, что это был подарок от русских! Подарок в виде бомбы, которая должна была взорваться в центре Англии. Они могут поставлять практически неограниченное количество этого сырца со своих плантаций на Кавказе, а Албания — очень подходящий перевалочный пункт. Но сами сбросить эту бомбу русские не могут. Вот Кристатос и создал для этого свою организацию. Именно он, по указке своих хозяев из Москвы, бросал бомбы. Между нами, сегодня за полчаса мы уничтожили всю их организацию. Теперь вы можете вернуться домой и с чистой совестью доложить своему начальству в Англии, что поставки наркотиков прекратятся. Вы можете также сказать им чистую правду, а именно, что не Италия изготовляла это страшное оружие, а наши давние друзья — русские. Не сомневаюсь, что разработкой всего плана занимался какой-нибудь отдел психологической войны в их развед-органах. Точно, конечно, я вам назвать его не могу. Но, может быть, они, мой дорогой Джеймс, пошлют вас в Москву разузнать все получше? Если это будет так, то я надеюсь, что и там вы встретите какую-нибудь очаровательную девушку, подобную вашей подруге фрейлейн Лизль Баум, которая выведет вас на дорогу, ведущую к истине.

— Что вы имеете в виду — “вашей подруги”? Ведь она ваша подруга.

Колombo покачал головой.

— Мой дорогой Джеймс. У меня много друзей. Вам предстоит провести в Италии еще несколько дней: надо написать отчет и, может быть, проверить кое-что из того, о чем я вам поведал. Да и с американскими коллегами вам надо будет побеседовать о реальностях жизни. Но в промежутках между этими ответственными делами вам понадобится сопровождающий, который сможет показать вам все красоты моей любимой родины. В нецивилизованных странах существует обычай предлагать в

таких случаях услуги одной из своих жен человеку, которого ты любишь и которому хочешь оказать любезность. Я тоже не шибко цивилизован. У меня нет нескольких жен, но есть много таких подруг, как Лизль Баум. Ей в этом отношении не надо давать никаких инструкций. И у меня есть все основания полагать, что она с нетерпением ожидает вашего возвращения сегодня вечером.

Коломбо полез в карман брюк, достал оттуда что-то и со звоном положил на стол, накрыв рукой.

— Вот доказательство.

Коломбо положил руку к сердцу и со всей серьезностью посмотрел Бонду в глаза.

— Я даю вам это от всего моего сердца. И от ее сердца тоже.

Бонд посмотрел на стол. “Что-то” оказалось ключом, прикрепленным к тяжелому металлическому брелку с надписью: “Отель “Альберго Даниели”. Комната 68”.

Раритет Гильдебранда (The Hildebrand rarity)

В поперечнике скат-хвостикол достигал шести футов, а от тупого клина его рыла до конца смертоносного хвоста было футов десять. Темно-серый цвет чудовища имел тот лиловатый оттенок, который в подводном мире предостерегает об опасности. Время от времени скат снимался со дна и переплывал на небольшое расстояние, напоминая огромное темное полотенце, колышущееся над бледно-золотистым песком.

Прижав руки к бедрам и неспешно перебирая лапами, Джеймс Бонд следовал за черной тенью через широкую окаймленную пальмами лагуну, выбирая удобный момент для выстрела. За исключением крупных мурен и всех скарпеновых, Бонд редко убивал рыб, разве что себе на обед. Но сейчас он решил застрелить ската, ибо тот выглядел омерзительным воплощением зла.

Было десять часов утра. Белл-Анс — гладкая, как зеркало, лагуна на южной оконечности Маэ, самого большого из Сейшельских островов — блестела под апрельским солнцем. Северо-западный пассат исчерпал свою силу месяцем раньше, и только в конце мая юго-восточный муссон принесет сюда прохладу. А теперь воздух сочился влагой, термометр показывал в тени восемьдесят (1). Вода в закрытой лагуне была еще теплее, в ней даже рыбы казались вялыми. Зеленая рыба-попугай фунтов на десять, обгрызавшая водоросли с коралловой глыбы, прервала свое занятие лишь затем, чтобы лениво перекатить глаза на проплывшего сверху Бонда, и вернулась к трапезе. Выводок толстеньких серых бычков, озабоченно куда-то спешащих, учтиво распался надвое, пропуская тень человека, а затем вновь сомкнулся, продолжая свой путь. Секстет маленьких кальмаров, обычно пугливых как птицы, даже не озаботился поменять цвет при его появлении.

Бонд вяло шевелил лапами, держась от ската на расстоянии видимости. Скоро хвостикол устанет и, убедившись, что большая рыба, преследующая его поверху, не собирается атаковать, ляжет на плоский участок дна, изменит окраску на маскировочную, бледно-серую, почти прозрачную, и мягкими волнообразными движениями каймы своих крыльев зароется в песок.

Приближался риф. Теперь на дне стали чаще встречаться торчащие из песка обнажения кораллов и лужайки морской травы. Впечатление было такое, будто по равнине подъезжаешь к большому городу. Всеми цветами радуги поблескивали снующие кругом коралловые рыбы. В тени расщелин пламенели гигантские асцидии — анемоны Индийского океана. Колония колючих морских ежей выпустила в воду облако сепий, словно кто-то разбил о скалу чернильницу. Похожие на маленьких дракончиков, из щелей тянулись и рыскали бриллиантово-голубые и ярко желтые усы

лангустов. То тут, то там на фоне изумрудного ковра водорослей проглядывали крапчато-пестрые раковины леопардовых каури, величиной с теннисный мяч, а один раз Бонд заметил великолепный веер арфы Венеры. Впрочем, все эти чудеса уже порядком надоели ему, а риф интересовал лишь как прикрытие, позволявшее незаметно определить ската и, отрезав его от моря, гнать к берегу. Маневр удался, и вскоре загорелая живая торпеда следом за черной тенью пересекала голубое зеркало лагуны в обратном направлении. Недалеко от берега на глубине футов двенадцати скат лег на дно, наверное, в сотый раз. Бонд тоже остановился, едва двигая лапами. Он осторожно поднял голову и вылил воду из маски. Когда он опять посмотрел вниз, скат пропал.

У Бонда было подводное ружье «чемпион» с двойными резиновыми тяжами и хорошо заточенным трезубцем на конце гарпуна — оружие ближнего боя, но самое надежное для охоты в коралловых рифах. Бонд снял предохранитель и медленно двинулся вперед, плавно перебирая лапами. Он внимательно осмотрелся вокруг, стараясь как можно дальше заглянуть в туманный голубой сумрак огромного подводного холла лагуны. Джеймс Бонд пристально вглядывался в каждую подозрительную тень: ему вовсе не хотелось иметь свидетелем убийства акулу или крупную барракуду. Иногда раненые рыбы кричат, но даже если они умирают молча, бьющаяся в конвульсиях жертва и запах ее крови привлекает морских гиен. Однако в поле зрения не было ни одного живого существа, песчаный горизонт таял в дымке серо—голубых кулис, напоминая пустые подмостки перед началом действия. Теперь Бонд увидел расплывчатый контур на дне. Он подплыл и завис над ним, наблюдая едва заметное движение: два крохотных фонтанчика песка танцевали над похожими на ноздри брызгальцами ската. Позади фонтанчиков виднелась небольшая припухлость — тело твари. Вот она мишень на дюйм позади дышащих песчаных воронок. Бонд прикинул, достанет ли его хвост ската, плавно опустил ружье вертикально вниз и нажал курок.

Песок взорвался под ним, и на короткое страшное мгновение Джеймс Бонд ослеп. Но тут же линь гарпуна натянулся, и он увидел под собой всплывающего ската, конвульсивно хлещущего вокруг себя хвостом. В основании хвоста ошетинились зазубренные ядовитые шипы. Считается, что от такого шипа погиб Улисс, но по свидетельству Плиния скат мог расщепить им ствол дерева. В индийском океане, где морские твари особенно ядовиты, единственная царапина шипом означала бы неминуемую смерть. Внимательно следя за тем, чтобы линь был постоянно натянут, Бонд с трудом справлялся с бешено сопротивляющейся рыбиной. Он старался держаться сбоку от ската, чтобы тот не обрубил капроновый шнур взмахом хвоста. Раньше на Индийском океане из таких хвостов делали бичи для надсмотрщиков рабов. Теперь их запретили, но во многих семьях на Сейшельских островах хвост ската передавали из поколения в поколение и по старинке наказывали им неверных жен. Если шел слух, что кто-то из женщин познакомился с *la crapule* (2) (местное название хвостокола), это означало, что распутница по меньшей мере неделю не встанет из постели.

Сопротивление раненого ската ослабло, и Бонд, заплыв спереди, потащил его за собой к берегу. На мелководье рыба совсем прекратила биться. Бонд выволок ее на пляж, по-прежнему стараясь держаться на расстоянии. Его опасения вскоре подтвердились: внезапно, при каком-то движении Бонда, а может просто надеясь застигнуть врага врасплох, скат резко дернулся и легко взметнулся в воздух. Бонд отпрыгнул в сторону. Рыбина тяжело шлепнулась на песок, подставив солнцу белое брюхо и судорожно зевая огромным серпом своей пасти.

Бонд стоял и смотрел на ската, не зная, что делать дальше. Коротенький толстый человек в рубашке и брюках хаки вышел из-под пальм и направился к Бонду по пляжу, усеянному прибойным мусором и морским виноградом — высохшими под

солнцем гроздьями яиц каракатиц. Еще издали он закричал звонким голосом:

— "Старик и море"! Кто кого поймал? Бонд обернулся.

— Вы, наверное, единственный человек на острове, кто не носит мачете. Фидель, будьте славным парнем и позовите кого-нибудь из ваших людей. Эта тварь никак не подохнет и, кажется, не собирается отдавать мой гарпун.

Фидель Барбе, младшим из многочисленных Барбе, владевших на Сейшельских островах почти всем, подошел и стал рядом, рассматривая ската.

— Неплохой экземпляр. Вам повезло, что попали как раз туда, куда следует, иначе он бы отбуксировал вас за риф, и в конце концов вам бы пришлось бросить ружье. Они дьявольски живучи. Но хватит об этом. Я приехал за вами. В порте Виктории появилась одна любопытная штука. За вашим ружьем я пришлю кого-нибудь из моих людей. Возьмете хвост?

Бонд улыбнулся.

— Я не женат. Как насчет *raie au beurre noir* (3) вечером?

— Не сегодня, мой друг. Пойдем, где вы разделись?

Когда они выехали на прибрежное шоссе, Фидель поинтересовался:

— Когда-нибудь слышали об американце по имени Милтон Крест? Кажется, он владеет сетью отелей и еще основал некий Фонд Креста, точно не знаю. Но одно я вам скажу наверняка. У него самая лучшая яхта на Индийском океане. Встала на рейд вчера. Называется «Уэйв-крест». Около двухсот тонн. Сто футов длиной. Словом, все при ней, начиная от красоти-жены и кончая большим транзисторным проигрывателем на гидроподвесе, чтобы игла не ерзала при волнении. Вся от борта до борта выстелена коврами в дюйм толщиной. Кругом кондиционеры. С этой стороны от Африки только на ней можно найти сухие сигареты. А такого шампанского, как мы распивали после завтрака, я не пробовал с тех пор, когда последний раз был в Париже.

Фидель Барбе залился довольным смехом.

— Мой друг, заверяю вас, это просто обалденная посуда, и хотя сам мистер Крест, похоже, везунчик из породы хамов, нам-то, черт побери, что за дело?

— Как сказать. Но по правде говоря, я не пойму, какое отношение все это имеет к вам или ко мне.

— Самое непосредственное, мой друг. Мы с вами отправляемся в круиз вместе с мистером Крестом... и миссис Крест, прекрасной миссис Крест. Я согласился провести яхту к острову Шагрен, помните, я вам о нем рассказывал? Это чертовски далеко отсюда, еж за Африканскими островами. Нашей семье от Шагрена нет никакого проку, разве что птичьи яйца там собирать. Остров лишь на три фута выше уровня моря. Уже лет пять, как я не заглядывал в это богом забытое место. Но мистер Крест желает попасть на Шагрен. Он собирает образцы морской фауны, якобы для своего Фонда. А там оказывается есть какая-то паскудная рыбешка, которая, как полагают, больше нигде не водится. По крайней мере, как сказал мистер Крест, единственный в мире экземпляр этой рыбы пойман именно на этом острове.

— Звучит довольно забавно. Но при чем здесь я?

— Вы ведь скучаете и у вас в запасе еще целая неделя до отплытия? Так вот, я сказал, что вы — здешний подводный ас и сразу же отловите ему рыбу, если она вообще там есть, и, что в любом случае я не тронусь с места без вас. Мистер Крест согласился. Вот такие дела. Я знал, что вы убиваете время где-то на пляже, поэтому сел в машину и ехал вдоль берега до тех пор, пока один из рыбаков не сказал мне, что какой-то сумасшедший белый человек пытается закончить жизнь самоубийством в Белл-Анс. Я сразу понял, что это вы.

Бонд расхохотался.

— Просто поразительно, как здешний народ боится моря. Казалось бы, уже должны привыкнуть к нему, и тем не менее, сейшельцев, умеющих плавать, кот

наплакал.

— Что вы хотите? Римская католическая церковь. У нас не принято раздеваться на людях. Идиотизм, конечно, но, увы, такова реальность. А что касается страха перед морем, то не забывайте, что вы здесь всего лишь месяц. Акулы, барракуды — вы просто еще не повстречались с проголодавшейся. А камень-рыба? Когда-нибудь видели человека, наступившего на нее? Боль такая, что несчастный достает затылком свои пятки, а иногда просто страшно смотреть, как его глаза на самом деле вылезают из орбит. Редко кто выживает.

Бонд равнодушно заметил:

— Нужно обуваться или на худой конец бинтовать ступни, когда идешь на риф. В Тихом океане рыбы те же, но там их ловят, а крупными раковинами торгуют. Все это чертовски глупо. Все тут ноют, какие они бедные, тогда как здешнее море прямо кишит рыбой. А на дне сидит до полусотни разновидностей каури. Торгуя ими по всему миру, можно запросто нажить неплохие деньги.

Фидель Барбе покатился от смеха.

— Бонда — в губернаторы! Именно этого нам не хватало. На ближайшем заседании законодательного собрания, я выдвину вашу кандидатуру. Вы как раз тот человек, что нам нужен — дальновидный, изобретательный, энергичный. Каури! Это просто восхитительно. Мы бы выправили наш бюджет впервые после бума с пачули сразу после войны. «Кому сейшельские ракушки, налетай!» таким будет наш девиз. Я верю, что вы победите и в два счета станете сэром Джеймсом.

Что выгоднее: делать деньги экспортируя каури, либо продолжать разоряться на ванили? С дружескими подначками они оживленно продолжали спорить об этом до тех пор, пока пальмы вдоль дороги не уступили место гигантским драконовым деревьям на въезде в запущенную столицу острова Маэ.

Примерно за месяц до этого М (4) сообщил Бонду, что посылает его на Сейшельские острова.

— Новая база флота на Мальдивах не дает покоя Адмиралтейству. Туда проникают коммунисты с Цейлона. Забастовки, диверсии, словом, обычная картина. Дело их, разумеется, безнадежное, но они не могут вовремя одуматься и попытаться счастья на Сейшелах. Это на тысячу миль южнее, и по крайней мере пока там спокойно. Но ведь и коммунисты не захотят засыпаться еще раз. Министр колоний утверждает, что на Сейшельских островах, как за каменной стеной, и тем не менее я решил послать человека, чтобы получить независимое мнение. С тех пор, как пару лет назад они избавились от Макариоса (5), у тамошней секретной службы почти не было хлопот. Парочка беглых проходимцев из Англии, японские траулеры, окопачивающиеся вокруг, сильные профранцузские настроения — вот, пожалуй, и все. Так что прокатитесь туда и внимательно осмотритесь на месте. — М бросил взгляд за окно, где падал мокрый мартовский снег, и добавил: — Кстати, не получите солнечного удара.

Свой доклад, из которого следовало, что единственной реальной угрозой для безопасности Сейшельских островов были их красоты, чреватые проникновением сюда туристов, Бонд закончил неделю назад, и теперь бездельничал, ожидая рейсового парохода «Кампала» до Момбосы. Джеймса Бонда уже в буквальном смысле тошнило от жары, чахлах пальм, жалобных воплей чаек и бесконечных разговоров о копре. И он по-настоящему обрадовался возможности поменять обстановку.

Последнюю неделю Бонд гостил в доме Барбе в Порт-Виктории. Сейчас они заскочили сюда за вещами и, проехав почти до конца длинной набережной, оставили машину под навесом таможни.

Сверкающий под солнцем белоснежный корабль стоял на рейде в полумиле от берега. Они наняли пирогу с подвесным мотором и по зеркально гладкой бухте,

миновав проход в рифе, направились к яхте. Она не отличалась изяществом линий — широкий корпус и приземистые надстройки придавали ей грузность, но Бонд сразу понял, что именно так и должно выглядеть настоящее морское судно, годное для плавания в открытом океане, а не только вдоль флоридских набережных. Издали яхта казалась безлюдной, но едва они подошли к ней, как появились два проворных матроса в белых шортах и тельняшках и встали с баграми у трапа, готовые оттолкнуть обшарпанную пирогу от сверкающей краской яхты. Они подхватили сумки Бонда и Барбе, и один из них, сдвинув в сторону алюминиевую крышку люка, жестом пригласил их спуститься вниз. Сделав несколько шагов по трапу, Бонд был ошеломлен окутавшим его прохладным, как ему показалось с улицы, морозным воздухом.

Они попали не в обычную кают-компанию, а в комфортабельную жилую комнату, где ничто не напоминало корабельный интерьер. Наполовину опущенные жалюзи прикрывали не иллюминаторы, а обычные окна. Вокруг низкого стола в центре стояли глубокие кресла. На полу лежал толстый шерстяной ковер бледно-голубого цвета. Светлый потолок и стены, облицованные панелями из серебряного дерева, создавали иллюзию простора. Здесь же стоял письменный стол с обычным набором письменных принадлежностей и телефон, большой проигрыватель и рядом с ним сервант, сплошь заставленный напитками. Над сервантом висел портрет красивой молодой брюнетки в черно-белой полосатой блузе, похоже, кисти Ренуара. Впечатление о гостиной в богатом городском доме дополняли ваза с белыми и голубыми гиацинтами на центральном столе и аккуратная стопка журналов рядом с телефоном. Салон был пуст.

— Ну, что я мм говорил, Джеймс? — прошептал Барбе.

Бонд восхищенно покачал головой.

Этак и я готов наслаждаться морем — будто его, проклятого, вовсе не существует. — Он глубоко вздохнул. — Какое же это наслаждение наполнять грудь свежим воздухом. Я уже почти забыл его вкус.

— Свежий как раз снаружи, приятель, а это — консервы. — мистер Милтон Крест незаметно вошел в салон и стоял у двери, наблюдая за своими гостями. Это был загорелый, еще бодрый, тренированный мужчина, лет пятидесяти с небольшим. Выгоревшие голубые джинсы, рубашка военного образца и широкий кожаный пояс подчеркивали его стремление выглядеть мужественно. Прозрачные карие глаза на обветренном лице, наполовину прикрытые веками, смотрели сонно и высокомерно. Уголки губ были опущены в капризной или, скорее, презрительной гримасе, а слова, которые он процедил сквозь зубы, сами по себе безобидные, кроме покровительственного «приятель», походили на мелкую монетку, брошенную двум кули. Но самым странным в мистере Кресте Бонду показался его голос — мягкий, шепеляво произносящий звук "с", точь-в-точь голос покойного Хамфри Бегарта (6). Джеймс Бонд профессионально окинул его взглядом с головы до ног: короткая стрижка из редких седых волос, похожая на металлический колпачок пистолетной пули, татуировка на правой руке — орел, сидящий на адмиралтейском якорь, задубевшие подошвы босых ног, расставленных по-морскому. Бонд подумал, что этот человек наверняка желает; чтобы его считали хемингуэвским героем, и, что он, Джеймс Бонд, не доставит ему такого удовольствия.

Мистер Крест пересек салон и протянул руку.

— Вы — Бонд? Рад вас видеть на борту, сэр.

Предвидя костоломное рукопожатие, Бонд заранее напряг мышцы и парировал его.

— Так ныряете или с аквалангом?

— Без и не глубоко. Это лишь мое хобби.

— А чем занимаетесь в остальное время?

— Гражданский служащий.

Мистер Крест коротко лающе хохотнул.

— Слуга граждан. Ей-богу, из вас, англичан, выходят самые лучшие в мире дворецкие и камердинеры. Гражданский служащий, вы сказали? Пожалуй мы прекрасно проведем с вами время. Гражданские служащие — как раз их компанию я обожаю.

Звук открывающегося люка удержал Бонда от резкого ответа. Он мгновенно забыл о существовании мистера Креста, увидев как по трапу опускается обнаженная девушка. Нет, конечно, она была не совсем нагая — просто узенькое атласное бикини телесного цвета создавало такое впечатление.

— Смотри-ка, мое сокровище! Где ты пряталась? Я соскучился без тебя. Встречай мистера Барбе и мистера Бонда, с этими ребятами мы отправимся в путь. — Милтон Крест протянул руку к девушке.

— Парни, это — миссис Крест. Пятая по счету миссис Крест. И просто на всякий случай, если кому-нибудь из вас придут в голову разные мысли, сообщаю, что она любит мистера Креста. Ты ведь любишь его, мое сокровище?

— О, ты опять шутишь, Милт. Ты ведь знаешь, что люблю. — Миссис Крест приветливо улыбнулась Бонду и Барбе. — Здравствуйте, господа. Очень мило с вашей стороны, что вы согласились составить нам компанию. Хотите выпить?

— Одну минутку, мое сокровище. Может ты разрешишь мне сначала рассказать им о порядках на борту моего собственного корабля? — Голос мистера Креста был нежен и вкрадчив.

— О, да, Милт, конечно.

— О'кей. Итак, мы уже знаем, кто шкипер на этой посудине. — Его самодовольная улыбка обволакивала гостей. — Идем дальше. Между прочим, мистер Барбе, как ваше имя? Фиделе, да? Отличное имя. В переводе со старинного означает «преданный». — Мистер Крест добродушно фыркнул. — Ну, а сейчас, Фидо, как вы посмотрите, если мы, я и вы поднимемся на мостик и сделаем так, чтобы наш утлый челнок тронулся с места, а? Вы проведете его вдоль острова, выйдете в открытое море, ляжете на курс и передадите штурвал Фрицу, идет? Я — капитан, а он мой помощник. Кроме него в команде еще двое: моторист и кок. Все трое — немцы. Во всей Европе только среди них еще остались настоящие моряки. Теперь мистер Бонд. Вас зовут Джеймс, не так ли? Отлично, Джим, что вы скажете, если вам предложат гражданскую службу у миссис Крест? Кстати, ее зовут Лиз. Поможете ей приготовить закуску и выпивку. Она тоже когда-то была лайми (7). У вас будет возможность повздыхать и обменяться впечатлениями о Пиккадили и Биг-Бене. Окей? Пошли, Фидо. — Крест с юношеской резвостью взбежал по трапу. — К чертям собачьим из этой норы!

Когда ток за ними закрылся. Бонд шумно выдохнул.

Миссис Крест смущенно сказала:

— Пожалуйста, не обижайтесь на его шутки. Просто у него такое чувство юмора. На самом деле он другой. Ему иногда нравится подразнить собеседника. Конечно, это нехорошо с его стороны, но, честное слово, он шутит.

Джеймс Бонд ободряюще улыбнулся ей. Как, наверное, часто приходилось говорить миссис Крест эти слова, успокаивая людей, на которых ее муж испытал свое чувство юмора.

Он сказал:

— Вашему мужу чуть-чуть не хватает проницательности. Скажите, он также ведет себя на родине?

Она спокойно ответила:

— Только со мной. Он любит американцев. Так он разговаривает только за границей. Дело в том, что его отец был немцем, точнее пруссаком. И заразил сына

нелепыми предрассудками, что мол, все остальные выродились и ни на что не годятся. Мой муж прямо-таки намертво вбил это себе в голову, с ним бесполезно спорить на эту тему.

Так вот оно что! Еще один заносчивый гунн. Всегда готов унижить вас, наступить вам на горло. Хорошенькое «чувство юмора»! Что же должна была перетерпеть эта красивая девушка, его рабыня. Английская рабыня...

Бонд спросил:

— Вы давно замужем?

— Два года. Я работала регистратором в одном из его отелей. У него целая сеть отелей. Это было как в сказке. Я и сейчас иногда ущипну себя, чтобы убедиться, что не сплю. Вот, например, это: она обвела рукой салон, слишком роскошно для меня. Он постоянно дарит мне что-нибудь. Знаете, в Америке он очень важная персона. Даже меня встречают как королеву, где бы я ни появлялась.

— Верю. Ваш муж, наверное, любит преклонение?

— О, да. — В ее улыбке читалась покорность судьбе. — В нем много от восточного султана. И он становится совершенно нетерпимым, если к нему относятся иначе. Мой муж часто любит повторять, что человек, всю жизнь в поте лица карабкавшийся на верхушку дерева, имеет право на самый сладкий из плодов, растущих там. — Миссис Крест, как бы спохватившись, что говорит о муже слишком вольно, быстро добавила: — Но что это я, в самом деле. Можно подумать, что мы знакомы сто лет. — Она смущенно улыбнулась. — Наверное, я разболталась потому, что встретила соотечественника. Однако мне нужно пойти переодеться. Я загорала на палубе. — Из корабельного чрева послышался приглушенный гул. — Слышите, мы отплываем. Хотите посмотреть, как мы будет выходить из бухты? Можете выйти на корму, а через пару минут я присоединюсь к вам. Вы мне расскажете о Лондоне, хорошо? Сюда, пожалуйста. — Лиз Крест открыла дверь. — Кстати, если вы спите чутко, можете ночевать здесь. Тут хорошая звукоизоляция, а, кроме того, в каютах немного душно, несмотря на кондиционеры.

Бонд поблагодарил ее и вышел наружу, задвинув за собой дверь. Просторный выкрашенный в кремовый цвет кокпит был застелен пеньковыми матами. В самой корме стоял небольшой полукруглый диванчик из пенополиуретана. Несколько плетеных кресел, сервант-бар в углу у переборки салона, дополняли обстановку. Неожиданно Бонд подумал, что мистер Крест, по-видимому, сильно пьет. В самом деле жена боится его или Бонду только показалось? В ее поведении проскальзывало что-то унизительно рабское. Вне всякого сомнения она дорого платила за свою «сказку». Бонд смотрел, как вдоль борта проплывают склоны Маэ. Он прикинул, что яхта сейчас делает узлов десять. Скоро они обогнут мыс Норт-пойнт и возьмут курс в открытое море. Облокотившись о борт Джеймс Бонд лениво думал о прекрасной миссис Элизабет Крест.

Скорее всего до гостиницы (регистратор — весьма почтенная дамская профессия, хотя и пахивающая высшим полусветом) она была манекенщицей. Даже сейчас она несла свое великолепное тело с безотчетной грацией женщины, привыкшей появляться на людях голой или почти голой. Правда, от нее не веяло мраморным холодом живого манекена, напротив, ее тело и открытое доверчивое лицо согревали. Ей было лет тридцать, определенно не больше, но ее красота, хотя нет, скорее просто миловидность по-прежнему оставалась юной. Самым прекрасным в ней были волосы — свободно ниспадающая густая грива пепельного цвета. По счастью она, похоже, не испытывала ни малейшего тщеславия на этот счет — не отбрасывала волосы нарочитым движением головы, не ласкала их. Бонд вдруг подумал, что и в самом деле он не заметил ни одного признака кокетства с ее стороны. Она стояла тихо, не сводя с мужа кроткого, почти рабского взгляда чистых голубых глаз. На ней не было и следа косметики — ни губной помады, ни

маникюрного лака, брови не были выщипаны. Не считал ли мистер Крест, что его жена обязана выглядеть таким вагнеровским дитем природы? Очень может статься. Бонд пожал плечами. Совершенно неподходящая пара стареющий Хеменгуэй с голосом Богарта и хорошенькая простушка. Между прочим, в их отношениях чувствовалось скрытое напряжение. Как она сжалась, когда за столом он грубым жестом самца облапил ее ногу. Бонд лениво усмехнулся, представив мистера Креста импотентом, неловко пытающимся скрыть порок с помощью примитивного заигрывания. Четыре или пять дней в его обществе наверняка окажутся невыносимыми. Наблюдая за проплывающим вдоль правого борта островом Силуэт, Бонд торжественно пообещал себе не терять хладнокровия. Как говорят в таких случаях американцы, он «съест ворону». Это будет увлекательным психологическим практикумом, и он безропотно станет есть ворон в течение всех пяти суток, но не позволит этому проклятому тевтонцу испортить себе путешествие.

— Ну как, приятель, привыкаете? — С верхней палубы на него смотрел Милтон Крест. — Куда вы подевали женщину, с которой я живу? Наверное, заставили ее делать всю работу за себя? Хотя почему бы и нет? Ведь они для этого и созданы, не так ли? Хотите осмотреть судно? Фидо несет вахту на мостике, и у меня сейчас есть свободное время. — Не дожидаясь ответа. Крест сбежал вниз по трапу, легко спрыгнув с последних четырех ступенек.

— Миссис Крест переодевается. Спасибо, я буду рад осмотреть ваш корабль.

Мистер Крест уперся в Бонда своим тяжелым презрительным взглядом.

— О'кей. Сначала его история. Построен на верфях бронсоновской судостроительной корпорации. Совершенно случайно мне принадлежат девяносто процентов их капитала, поэтому я получил, что хотел. Корабль спроектирован в конструкторском бюро Розенблатта лучшими инженерами. Длина — сто футов, ширина — двадцать, осадка — шесть футов. Два дизеля по пятьсот лошадей. Максимальная скорость четырнадцать, крейсерская — восемь узлов. Дальность автономного плавания 2500 миль. Повсюду кондиционированный воздух. Судостроители оснастили корабль двумя пятитонными холодильниками. Пресной воды и продуктов хватает на месяц. А что моряку нужнее всего? Пресный душ и освежающая ванна, верно? Теперь пройдем на бак и осмотрим помещения команды, а потом спустимся вниз в машинное отделение. И еще одна вещь, Джим, — мистер Крест топнул ногой о палубу. — Это низ, а есть, верх, ясно? Если кто-нибудь на моем корабле делает то, что мне не нравится, я не прошу прекратить, я просто приказываю: «Отставить». Вы меня поняли, Джим?

Бонд понимающе кивнул.

— У меня нет возражений. Эта яхта ваша, а я на ней пассажир.

— Не на ней, а на нем, на моем корабле, — поправил его американец. Полный идиотизм считать женщиной кусок дерева и железа. Но пройдем на бак. Можете не беречь голову. Переборки повсюду не ниже шести футов двух дюймов.

Бонд последовал за ним вниз по узкому коридору, тянущемуся во всю длину корпуса, и в течение последующего получаса почтительно слушал рассказ своего экскурсовода о самой роскошной из всех яхт, которые он когда-либо видел. Каждое помещение было спроектировано с учетом максимального удобства для людей. Даже туалеты и душевая команды были просторными, а камбуз, весь отделанный нержавеющей сталью, не уступал размером капитанской каюте. В последнюю мистер Крест вошел без стука. Здесь у туалетного столика сидела Лиз.

— Что же ты, мое сокровище, — упрекнул ее муж нежным голосом. — Я думал, стол уже накрыт, а ты все еще возишься здесь. Наверное, прихорашиваешься специально для Джима, а?

— Прости меня, Милт. Я уже собиралась идти. Молнию заело.

Лиз поспешно схватила пудреницу и бросилась к двери. Она вымученно

улыбнулась, проскользнув между мужчинами в коридор.

— Панели из вермонтской березы. Плафоны из корингского стекла. Под ногами у вас циновка из мексиканской туссоки. Вот та картина на стене — с парусником — Монтегю Доусон, подлинник, между прочим... — Глухой голос хозяина продолжал плавно журчать, перечисляя музейные экспонаты, но Бонд его не слышал. Он, не отрываясь, смотрел в угол каюты, где за широкой двуспальной кроватью, с той ее стороны, которая без сомнения принадлежала мистеру Кресту, наполовину прикрытый ночным столиком висел тонкий хлыст около трех футов длиной, с витой рукоятью. Это был хвост ската.

Как бы невзначай, Бонд обошел кровать и взял его в руки. Он провел пальцем по шершавой поверхности плети, оцарапавшись даже при легком прикосновении.

Бонд спросил:

— Откуда он у вас? Только сегодня утром я убил одну из этих тварей.

— Купил в Бахрейне. Тамошние арабы учат им своих жен. — Американец с довольным видом осклабился. — Моей Лиз до сих пор хватило одного удара. Результаты великолепные. Мы с ней, называем его «воспитателем».

Бонд повесил хлыст на место. Он внимательно посмотрел в глаза мистеру Кресту и спросил:

— Неужели? А на Сейшельских островах, где обычаи у креолов достаточно жестокие, закон запрещает драться такой штукой. Там ей уже почти никто не пользуется.

Повернувшись к выходу, мистер Крест сказал безразличным голосом:

— Между прочим, дружок, мой корабль — территория Соединенных Штатов.

Перед завтраком он проглотил три двойных водки в замороженном консоме, а во время еды пил много пива. Его прозрачные глаза чуть потемнели и подернулись влагой, но свистящий голос по-прежнему оставался мягким и невыразительным, когда он, видимо искренне полагая, что всем интересно его слушать, стал объяснять цель плавания.

— Дело, парни, в следующем. Мы в Штатах придумали систему фондов специально для тех удачливых ребят, которые имеют много монет, но не желают, понимаете ли, отдавать их в казну дяди Сэма. Учредив фонд, наподобие моего с благотворительной целью: для бедных малюток, инвалидов, для научных целей, — вы просто раздаете деньги — любому и на любые цели. Нельзя только оплачивать собственные расходы и расходы своих нахлебников. Таким способом вы избегаете налогов. Я вложил миллионов десять в Фонд Креста, а так как мне совершенно случайно нравятся морские путешествия, на два из них я построил этот корабль и сказал ребятам из Смитсоновского института (это наш крупнейший естественно — исторический институт), что готов отправиться хоть к черту на куличики, дабы пополнить их коллекции. Так я превратился в ученого, улавливаете? И каждый год в течение трех месяцев я имею превосходный отпуск практически даром! — Мистер Крест победно оглядел своих гостей, по-видимому, ожидая аплодисментов. — Поняли, в чем шутка?

Фидель Барбе с сомнением покачал головой.

— На словах все прекрасно, мистер Крест. Но эти редкие животные. Разве их легко добыть? Смитсоновцам, наверное, нужны гигантская панда, уникальные раковины. А где их взять, если они вымирают или уже вымерли?

Американец с сожалением посмотрел на Барбе.

— Вы рассуждаете, приятель, будто вчера родились. Все дело в деньгах. Вам нужна панда? Купите ее в каком-нибудь захолустном зверинце, у которого нет средств провести центральное отопление в террариум или починить клетку тигра, да мало ли в чем они будут нуждаться. Морские раковины? Вы находите человека; у которого они есть, и предлагаете ему такую сумму, что даже прорыдав неделю, он

все равно продаст их вам. Иногда, правда, возникают мелкие осложнения с правительством. Некоторые из этих дурацких зверей охраняются законом. Но тоже ничего страшного. Поясню на примере. Мы пришли на Маэ вчера. Мне был нужен черный попугай с острова Праслен, исполинская черепаха с Альдабары, полная коллекция ваших каури и рыба, за которой мы сейчас направляемся. Попугай и черепаха охраняются законом. Вечером я навесил губернатора, навел прежде некоторые справки в городе. «Ваше превосходительство, — сказал я ему, — как я понимаю, вы хотели бы построить публичный бассейн, чтобы учить плавать местных ребятишек, О'кей, Фонд Креста даст вам деньги. Сколько надо? Пять, десять тысяч? О'кей, вот вам десять тысяч. Получите чек. — Я выписал его тут же, не сходя с места. — Одна маленькая просьба, ваше превосходительство, — добавил я, не выпуская чека из рук, — так получилось, что мне нужен один черный попугай, который водится только у вас, и одна из альдабарских черепах. Я знаю, что они охраняются законом, но ведь вы не станете возражать, если я отвезу по одной штуке в Америку для Смитсоновского института?» Он было заартачился, но приняв во внимание, что животные нужны для науки и, что главное, чек был все еще у меня, в конце концов согласился, и мы ударили по рукам к обоюдному удовольствию. Вот так-то! На обратном пути я заехал к вашему милому мистеру Абендане, здешнему торговцу, и попросил его приобрести и поддержать до моего возвращения попугая и черепаху, а затем между делом поведал ему о каури. И знаете, что выяснилось? Мистер Абендана с детства собирает эти чертовы ракушки. Он показал мне свою коллекцию. Все раковины прекрасно сохранились, каждая отдельно завернута в вату. Среди них было даже несколько изабелл и мапп, на которые он просил меня обратить особое внимание. Увы, мистер Абендана даже не допускает мысли продать их. Они столько значат для него и тому подобное. Какая чушь! Я просто посмотрел ему в глаза и спросил: «Сколько?». Нет, нет, он даже и думать об этом не хочет. Снова чушь. Я вынул чековую книжку и выписал чек на пять тысяч долларов и показал ему. И он не устоял. Аккуратно сложил чек, запрятал его подальше в карман, затем, поверите ли, этот чертов неженка упал и зарыдал. — Мистер Крест развел руками в недоумении. — Он рыдал, как ребенок из-за кучки дерьмовых ракушек. Я посоветовал ему вытереть нос, забрал раковины и поскорее смылся, пока этот чокнутый негодник не застрелился от огорчения прямо при мне.

Милтон Крест откинулся назад с самодовольным видом.

— Ну, что вы теперь скажете, друзья? Я пробыл на островах всего двадцать четыре часа, а уже выполнил намеченное на три четверти. Неплохой результат, а Джим?

Бонд сказал:

— Вас, наверное, наградят медалью по возвращении в Штаты. А что это за рыба?

Крест встал из-за стола и, порывшись в бюро, вернулся на место с листком бумаги.

— Слушайте, — сказал он и стал читать машинописный текст: — «Раритет Гильдебранда. Пойман в сети профессором Гильдебрандом, университет Витватерсранда, у берегов острова Шержен, Сейшельский архипелаг, в апреле 1925 года». — Мистер Крест поднял глаза от бумаги. — Далее шла целая куча разной научной белиберды, которую я распорядился перевести на нормальный язык. Вот что получилось. — Он вновь стал читать: «Это уникальный представитель семейства рыб — белок получил название „раритет Гильдебранда“ в честь своего первооткрывателя. Длина — шесть дюймов. Цвет — ярко-розовый с черными поперечными полосами. Спинной, брюшные и анальные плавники розовые. Хвостовой плавник черный. Глаза крупные, темно-синего цвета. При поимке требуется осторожность: лучи плавников, как у других голоцентровых рыб,

исключительно острые. Профессор Гильдебранд сообщил, что поймал рыбу на глубине трех футов с внешней стороны рифа на юго— западной оконечности острова». — Милтон Крест бросил листок на стол. — Вот такие дела, парни. Мы плывем за тысячу миль, я трачу несколько тысяч долларов — и все ради того, чтобы поймать заморыша длиной шесть дюймов. А всего пару лет назад эти гниды из налогового управления имели наглость предположить, что мой фонд шарлатанство.

Лиз Крест оживленно вмешалась:

— Но, Милт, нам ведь и в самом деле на этот раз нужно привезти хороший улов. Помнишь, как эти ужасные люди из налогового управления грозились отнять яхту и взыскать налоги за последние пять лет, если мы снова не сделаем выдающегося вклада в науку? Разве не так они сказали?

— Сокровище, — голос мистера Креста был бархатным, — заткнула бы ты свой вонючий фонтан, когда речь идет о моих личных делах. Договорились? Тем же ласковым голосом он продолжил:

— Знаешь, чего ты добилась, сокровище? Заработала маленькое свидание с «воспитателем» сегодня на ночь. Вот до чего ты достукалась.

Девушка закрыла рот рукой. С расширившимися глазами она прошептала:

— О нет, Милт, только не это, пожалуйста.

Через день, на рассвете, они подошли к острову Шагрен. Вначале он появился на радаре — тонкая горизонтальная ниточка на развертке индикатора, а затем на огромном выпуклом горизонте возникло крошечное размытое пятно и стало тягуче медленно расти, пока, наконец, не превратилось в зеленый островок в полмили длиной, окаймленный белым ожерельем прибоя. Странно было видеть землю после двухсуточного плавания в пустынном океане, где яхта казалась единственным одушевленным предметом на фоне бескрайней неподвижной глади. Джеймс Бонд никогда раньше не видел и даже не представлял ясно, что такое полоса экваториальных штилей. Только сейчас он понял, какой страшной опасности подвергались они в эти дни. Гладкое, как стекло, море под бронзовым солнцем, вязкий тяжелый воздух и след редких облачков над краем горизонта — облаков, которые никогда не приблизятся, никогда не принесут ни ветерка, ни благословенного дождя. Какие же проклятья должен был слышать здешний океан веками от мореплавателей, гнувшихся под тяжестью весел, продвигаясь наверное лишь на милю в сутки! Бонд стоял на полубаке, наблюдая за летучими рыбами, выпрыгивающими из-под самого форштевня. Сквозь черную синеву стали проглядывать коричневые, светлые и зеленые островки отмелей. Как здорово, что он скоро сможет ходить и плавать, а не только лежать и сидеть. И какое счастье получать несколько часов одиночества, несколько часов вдали от мистера Милтона Креста.

Яхта отдала якорь с наружной стороны рифа на глубине десяти саженей, и Фидель Барбе отвез их на катере на берег. Шагрен был типичным коралловым островом. Рифовая отмель ярдах в пятидесяти от берега, где с мягким шипением опадали длинные волны наката, окружала около двадцати акров леска и мертвых кораллов, поросших чахлым кустарником. При появлении людей в воздух поднялась туча птиц — крачек, олуш, фрегатов. Покружив, они вскоре сеял обратно. Аммиачный запах гуано пропитывал воздух, а растения были белыми от птичьего помета. Единственные обитатели, острова, кроме птиц, крабы бросились наутек: сухопутные с шуршанием забились в *liane sans fin* (8), а манящие крабы зарылись в лесок.

Белый лесок отражал ослепительное солнце, от которого нигде не было спасения. Мистер Крест распорядился поставить палатку и сидел в ней, куря сигарету, пока с яхты на берег перевезли разное снаряжение. Миссис Крест плескалась на мелководе, собирая ракушки. Бонд и Фидель Барбе надели маски и отправились в противоположных направлениях вокруг острова осматривать риф.

Чтобы отыскать в тропических водах один определенный вид, будь то моллюск, рыба, водоросль или коралл, требуется постоянное и сосредоточенное внимание. Буйство красок, обилие жизни, бесконечная игра света постоянно сбивают с толку. Перед мысленным взором Джеймса Бонда стоял единственный образ — розовой шестидюймовой рыбки с черными поперечными полосами и темно-синими глазами, второй рыбы, которую когда-либо видел человек.

— Если заметите рыбу, — велел мистер Крест, — просто крикните и не теряйте ее из виду. Все остальное — моя забота. У меня здесь в палатке имеется кое-что. Вы такой классной штуки для рыбалки еще не видели.

Бонд остановился, чтобы дать отдых глазам. Лежа на поверхности воды, он расковырял острием гарпуна морского ежа и наблюдал за ватагой пестрых коралловых рыбок, стремглав бросившихся на лохмотья желтой плоти среди острых, как иглы, черных колючек. Чертовски глупо будет с его стороны поймать этот раритет и облегчить жизнь мистеру Кресту! Может промолчать, если он увидит рыбу? Это будет совсем по-детски, а он, между прочим, сейчас, вроде как работает по найму. Бонд медленно двинулся вперед. Его глаза автоматически ощупывали дно, а мысль вернулась к жене Милтона Креста. Весь вчерашний день она провела в постели, из-за мигрени по словам ее мужа. Прикончит ли она его одним прекрасным вечером? Спрячет нож или пистолет и убьет, когда он потянется за своей дьявольской плеткой. Хотя вряд ли. У нее совсем нет силы воли, слишком она забита. Из породы рабынь. Мистер Милтон Крест сделал правильный выбор. «Сказка» ей слишком дорого обходится. Интересно, понимает ли она, что присяжные наверняка оправдают ее, если им покажут хвост ската? Она могла бы получить все, что имеет, и без этого мерзкого типа в придачу. Может стоит ей подсказать? Черт подери, что за глупость! Ну как он ей скажет? «О, Лиз, если ты хочешь замочить своего муженька, валяй, не стесняйся, все будет окей». Бонд ухмыльнулся под маской. А ну их к дьяволу! Зачем лезть в чужую жизнь. Может она мазохистка и обожает своего мужа. Тоже, впрочем, глупость. Она постоянно живет в страхе. Скорее всего, он отвратителен ей. Впрочем, мало что можно было прочесть в ее покорных голубых глазах, лишь один-два раза вспыхивали они чем-то похожим на детскую ненависть. Хотя была ли это ненависть? Может у нее просто заболел живот? Бонд поднял голову и осмотрелся вокруг. Впереди, футах в ста, из воды торчала трубка Фиделя Барбе. Они почти замкнули круг.

Встретившись, они повернули к берегу и, выйдя из воды, растянулись на горячем песке. Фидель сказал:

— С моей стороны все что угодно, кроме нее. Однако мне повезло. Набрел на большую колонию зеленых пинктад. Это — жемчужницы размером с футбольный мяч. Страшно дорогие. По возвращении я пошлю за ними одно из моих судов. Еще видел голубого попугая фунтов на тридцать. Почти ручной, как все рыбы здесь.

Знаете, рука не поднялась убить его. Хотя, честно признаться, стрелять было опасно. За рифом рыскает пара или тройка тигровых акул. Сразу бы явились на кровь. Кстати, я не против чего-нибудь выпить и закусить. А потом поменяемся сторонами и еще раз сплываем.

Когда они подходили к палатке, Милтон Крест вышел на голоса.

— Пусто, да? — Он сердито почесал подмышкой. — Проклятые москиты. Черт знает что, а не остров! Лиз не вынесла вони и смоталась на корабль. Надо сделать еще один заход и тоже отваливать отсюда. Сами найдете, что пожевать. В холодильной сумке есть пиво. Ну-ка, дайте мне вашу маску. Куда ее надевают? Надо и мне заглянуть на морское дно, раз уж я здесь.

Джеймс Бонд с Фиделем Барбе сидели в раскаленной палатке, запивая пивом куриный салат-оливье, и наблюдали, как мистер Крест бултыхается на мелководье рифа.

Фидель сказал:

— Он прав, эти маленькие острова настоящие вонючие дыры. Кучка птичьего дерьма и крабов и много-много моря вокруг. Только холонокровные европейцы могут грезить о коралловых островах. Восточнее Суэца вы не найдете ни одного нормального человека, который бы дал за них ломаный грош. У моей семьи около десятка таких островков, в том числе и довольно большие, с деревнями. Копра и черепахи приносят неплохой доход. Так вот, я бы все их скопом обменял на одну квартиру в Париже или Лондоне.

Бонд расхохотался. Он начал было говорить: — Дайте объявление в «Тайме», и вы станете получать предложения мешками... — как вдруг раздался истошный вопль мистера Креста. Бонд философски заметил: — Одно из двух: либо он нашел своего ублюдка, либо наступил на ската, — и схватив маску, бегом бросился к морю.

Американец стоял по пояс в воде ярдах в пятидесяти от берега и возбужденно тыкал пальцем в воду. Джеймс Бонд неспешно поплыл к нему. Ковер водорослей сменился обломками кораллов и одиночными скалами. Дюжина рыб-бабочек резвилась вокруг них, а маленький лангуст вопросительно тянул к нему свои усы-антенны. Из пещеры торчала голова большой зеленой мурены. Не сводя с Бонда внимательного взгляда золотистых глаз, она приоткрыла челюсти и продемонстрировала два ряда игольчатых зубов. Самое удивительное, что волосатые ноги Милтона Креста, увеличенные маской до размера столбов, стояли не далее, чем в футах от челюстей хищника. Бонд, провоцируя, ткнул мурену острой, но она лишь клацнула зубами по металлу и исчезла в норе. Бонд неподвижно завис, вглядываясь в чашу подводных джунглей. Расплывчатое красное пятнышко, внезапно возникшее на фоне туманной серой мглы, постепенно фокусируясь, приближалось к нему. Оно описало круг прямо под ним, словно демонстрируя себя. Темно-синие глаза равнодушно изучали человека. Рыбка деликатно пощипала водоросли на скале, затем резким броском поймала какие-то крошки в толще воды и, будто покидая сцену, медленно погрузилась в мглистую глубину, растаяв.

Джеймс Бонд отплыл задним ходом от пещеры мурены и встал на дно. Сняв маску, он поднял глаза на мистера Креста. Тот нетерпеливо пялился на него сквозь стекло своей маски. Бонд сказал:

— Все в порядке, это она. Нам лучше потихоньку убраться отсюда. И не волнуйтесь, никуда она не денется, если ее не спугнуть. Эти коралловые рыбы всегда пасутся на одном и том же месте.

Милтон Крест стянул маску.

— Черт возьми, я нашел ее! — торжественно воскликнул он. — Я, черт возьми! — И последовал за Бондом к берегу.

Ожидавшему их Фиделю Барбе он закричал еще издали:

— Фидо, я нашел эту проклятую рыбешку. Я — Милтон Крест, слышите? После того, как два вонючих профессионала проныряли за ней полдня. Я же просто надел вашу идиотскую маску, заметьте, я впервые в жизни надевал этот намордник, зашел в воду и ровно в четверть часа нашел то, что искал. Что вы скажете на это, Фидо?

— Здорово, мистер Крест, просто потрясающе. Но как же мы ее поймем?

— Ага! — Крест подмигнул им с довольным видом. — У меня есть как раз то, что нужно. Достал у одного приятеля-химика. Это — вещество под названием ротенон. Делается из корней тропических растений. В Бразилии дикари без него на рыбалку не ходят. Они просто капают его в воду над той рыбой, которую хотят поймать и будьте уверены, берут ее голыми руками, как миленькую.

Ротенон — разновидность яда. Сужает кровеносные сосуды в рыбьих жабрах. Проще говоря, душит их. На человека не действует, потому что у нас нет жабр, ловко? — Мистер Крест повернулся к Бонду. — Вы, Джим, поплывете туда и будете следить за ней. Смотрите, чтобы эта дрянь не удрала. Мы с Фидо зайдем с тыла, —

он описал пальцем дугу, показывая где они будут. — Я вылью ротенон по вашему сигналу. Его понесет течением прямо на вас. Ясно? Но ради бога, не прозевайте момент. У меня только пять галлонов ротенона. Окей?

— Хорошо, — сказал Бонд и не спеша пошел в воду. Он возвращался туда, где только что был. Под водой ничего не изменилось, все были на своих местах, каждый занимался своим делом. Опять из пещеры торчала пятнистая голова мурены, опять маленький лангуст пытался познакомиться с ним. А буквально через минуту, словно они назначали свидание, вновь появился раритет Гильдебранда. На этот раз рыбка подплыла совсем близко к его лицу. Сквозь стекло маски она заглянула прямо в глаза человеку и, словно ужаснувшись того, что увидела в них, стремглав бросилась назад. Еще несколько секунд ее было видно между скалами, а потом красное пятно растаяло в глубине.

Крохотный подводный мирок в пределах видимости постепенно привыкал к человеку. Маленький осьминог, притворившийся обломком коралла, ожил и медленно на ощупь пошел вниз по скале на песок. Желто-голубой лангуст вышел на несколько шагов из— под скалы и с благоговейным изумлением уставился на Бонда. Какие-то совсем мелкие рыбки, похожие на пескарей, щекоча, клевали пальцы его ног. Бонд разломил для них морского ежа, и они наперегонки бросились к лакомству. Он поднял голову и огляделся. Справа ярдах в двадцати стоял мистер Крест с большой плоской флягой в руках.

Бонд отрицательно покачал головой.

— Когда она появится, я подниму большой палец. Тогда сразу же лейте.

— Окей, Джим, вы штурман, а я бомбардир,

Бонд опустил лицо в воду.

Снова под ним мирок, живущий своими маленькими заботами. Но скоро, ради одной единственной рыбы, не очень-то, наверное, и нужной музею за пять тысяч миль отсюда, должны будут умереть сотни, а может тысячи жителей рифа. Он подаст знак, и тень смерти опустится на них. Интересно, как долго действует яд? Далеко ли он распространяется вдоль рифа? Скорее всего, погибнут не тысячи, а десятки тысяч.

Приплыл маленький кузовок — великолепный красно-черный с золотым шар с крошечными, крутящимися, как пропеллеры, плавниками. Сев на дно, он стал ковыряться в песке. Откуда ни возьмись, материализовалась парочка вездесущих сержантов, привлеченных запахов разломанного Бондом ежа. Полосатые черно-желтые рыбы удивительно напоминали старшинские нашивки.

Кто угрожал рыбьему народцу с этой стороны рифа? Кто здесь хищничал? мелкие барракуды, случайно заплывшая макрель? Но сейчас здесь появился настоящий хищник, человек по имени Крест, он ждет своего выхода на сцену. Он убьет всех, просто убьет, почти что ради забавы.

Две загорелые ноги появились в поле зрения Бонда. Он поднял голову. Напротив стоял Фидель Барбе с большой плетеной корзиной на ремне и рыболовным сачком с длинной ручкой. Бонд сдвинул маску на лоб.

— Настроение как у того летчика над Нагасаки.

— У рыб холодная кровь. Они ничего не чувствуют.

— Откуда вы знаете? Я сам слышал, как они кричат перед смертью.

Барбе равнодушно заметил:

— Эти не закричат. Они просто задохнутся. Что с вами, Джеймс? Это всего лишь рыбы.

— Да, да, знаю.

Фидель Барбе всю жизнь только тем и занимался, что охотился на рыб и зверей. А он, Джеймс Бонд, порой, не колеблясь, убивал людей. Не дрогнула же у него рука застрелить ската. Но хвосток был рыбой-врагом, а здесь кругом безобидный дружелюбный народец. Народ, люди? Патетическая софистика!

— Эй, — донесся голос американца. — Что там происходит? Сейчас не время чесать языки. Гляди вниз, Джим.

Бонд натянул маску и снова лег на поверхности воды. И сразу же увидел красную тень, всплывшую из туманной мглы. Рыба направилась прямо к нему, словно на этот раз поверив человеку. Она зависла в толще воды под ним и с любопытством рассматривала его.

Бонд проворчал в маску:

— Убирайся отсюда, черт тебя подери.

Он сильно ткнул ее гарпуном. Рыба стремительно улетела назад в голубую дымку. Бонд поднял голову и со злостью шлепнул по воде кулаком с оттопыренным большим пальцем. И тут же ему стало стыдно за свой нелепый и мелочный обман. Темно— коричневая маслянистая жидкость расплывалась на поверхности лагуны. Было еще не поздно остановить мистера Креста, прежде чем он выльет все, дать ему возможность поймать раритет Гильдебранда. Бонд молча наблюдал, как из канистры стекали последние капли ротенона. Черт с ним, с мистером Крестом!

Поверхность лагуны подернулась маслянисто-свинцовой пленкой. Теперь лоснящееся под солнцем темное пятно разрасталось и, медленно опускаясь вглубь, окутывало риф. Следом за гигантской жаткой смерти по пояс в воде шел Милтон Крест.

— Внимание, парни, — крикнул он весело. — Сейчас она сдохнет где-то прямо под вами.

Бонд опустил голову. Под водой жизнь текла своим чередом, как вдруг с ошеломляющей внезапностью все кругом сошли с ума.

Впечатление было такое, будто всех разом захватил приступ пляски святого Витта. Рыбы описывали мертвые петли и словно опадающие листья опускались на дно, устилая трупами песок. Мурена медленно выползала из своей пещеры с широко раскрытой пастью. Вытянувшись, она встала на хвост, и мягко повалилась на бок. Маленький лангуст трижды судорожно дернулся и опрокинулся на спину. Осьминог отклеился от скалы и, перевернувшись, пошел на дно. А затем все пространство заполнили трупы обитателей рифа, погибших выше по течению. Медленно дрейфовали рыбы вверх белыми брюшками, креветки, черви, раки-отшельники, пятнистые и зеленые мурены, лангусты всех размеров. Словно дуновением смертельного бриза проносило мимо Бонда раскоряченные тела с успевшими поблекнуть красками. Пятифунтовая макрель, судорожно разевая рот, боролась с удушьем. Ниже по течению слышались всплески на поверхности воды — крупные рыбы пытались спастись бегством. Один за другим на глазах Бонда со скал отпадали морские ежи, оставляя на песчаном дне чернильные пятнышки.

Бонд почувствовал толчок в плечо. Подняв лицо, он встретился с налитыми кровью глазами Милтона Креста. Губы американца были белыми от толстого слоя солнцезащитной пасты. Он нетерпеливо закричал Бонду в стекло маски:

— Где, черт тебя возьми, моя рыба?

Бонд, приподняв маску, сказал:

— Похоже ей удалось смыться как раз перед тем, как ротенон осел на дно. Я продолжаю искать ее.

Не дождавшись ответа, он быстро опустил голову в воду. Масштабы бойни все нарастали, все больше появлялось мертвых тел. Но губительное облако, похоже, стало редеть. Да, если рыба — теперь его рыба, ведь он спас ее если она вернется сюда, то будет в безопасности. Бонд замер. В отдаленной мгле мелькнул розовый проблеск. Рыба вовремя ушла, но сейчас она возвращалась. По лабиринту расщелин кораллового рифа раритет Гильдебранда медленно подплывал к нему.

Не обращая внимания на мистера Креста, Бонд свободной рукой с силой хлопнул по поверхности. Рыба неумолимо приближалась. Сдвинув предохранитель,

он выстрелил перед ней. Рыба не реагировала. Бонд опустил ноги на дно и по ковру трупов пошел ей навстречу. Прекрасная розово-черная рыба остановилась, задрожала всем телом и вдруг сильным рывком подлетела к нему и упала на песок. Она лежала неподвижно. Бонду оставалось лишь нагнуться и подобрать ее. Он не почувствовал даже последних биений хвоста. Рыбка просто заполнила его ладонь, легонько покалывая колючками спинного плавника. Бонд опустил руку под воду, чтобы не поблекли ее цвета. Он подошел к мистеру Кресту и, протянув ладонь, сказал: — Вот.

Отдав ему рыбку, Бонд нырнул и поплыл к берегу.

Вечером того же дня на борту яхты, скользящей по дорожке огромной желтой лагуны, мистер Крест раздавал приказания относительно того, что он сам назвал «попойкой».

— Устроим праздник, Лиз. У нас был ужасный, ужасный день, но мы сбили последнюю мишень и теперь можем послать к чертям собачьим проклятые Сейшелы и вернуться к цивилизации. Как ты посмотришь, если мы возьмем на борт черепаху и этого дурацкого попугая и отправимся прямиком в Момбасу? Оттуда долетим до Найроби, пересядем в большой самолет, и дальше — в Рим, Венецию, в Париж, куда пожелаешь. Ну что скажешь, сокровище? — Он захватил в жменю ее щеки и подбородок и чмокнул в бледные выпятившиеся губы. Бонд взглянул ей в глаза, но они были плотно зажмурены. Крест отпустил жену. Она помассировала лицо. На щеках по-прежнему выделялись белые следы его пальцев.

— Фу ты, Милт, — слабо усмехнулась она. — Ты чуть не раздавил меня. Ты все время забываешь о своей силе. Давай отпразднуем. Мне кажется, мы прекрасно проведем время. А твоя идея насчет Парижа просто грандиозна. Поедем туда, ладно? Что мне заказать к обеду?

— Проклятье, икру, конечно, — мистер Крест развел руки. — Откупорим одну из тех двухфунтовых банок от Гаммахера-Шлеммера — зернистая икра номер десятый. Ну все остальное к ней. А пить будем розовое шампанское. — Он повернулся к Бонду. — Вас устраивает такое меню, приятель?

— Звучит аппетитно, — Бонд решил поменять тему. — Куда вы дели свой трофей?

— Плавает в формалине. Вместе с остальной гадостью, что мы набрали здесь, рыбами, ракушками. Не беспокойтесь, в моем домашнем морге полный порядок. Меня специально обучили хранить образцы. Когда вернемся в цивилизованный мир, я pošлю эту проклятую рыбу авиапочтой. Но прежде организую пресс-конференцию. Мне необходим большой шум в газетах по возвращении в Штаты. Я уже дал радиogramмы в Смитсоновский институт и всем телеграфным агентствам. Газетные вырезки помогут моим счетоводам прищемлять хвост этим подонкам из фискального департамента.

За обедом мистер Крест сильно напился. Впрочем, внешне это почти не проявилось. Круглая массивная голова поворачивалась медленнее. Прикуривал гасшую сигару он чуть дольше обычного и смахнул со стола один стакан. Вкрадчивый богартовский голос стал еще мягче и размеренней. Выдавало его лишь то, что он говорил. Слишком близко к поверхности у этого человека лежала жестокость, патологическая страсть причинить боль. Этим вечером его первой жертвой стал Джеймс Бонд. После обеда Милтон Крест по-дружески растолковал ему, почему Европа, и в первую очередь Англия и Франция утратили влияние. Сегодня в мире, по мнению мистера Креста, есть только три державы: Америка, Россия и Китай. Только они разыгрывают покер, у остальных нет ни фишек, ни денег, чтобы вступить в игру. Он, конечно, допускает, что какая-нибудь маленькая страна, в прошлом относившаяся к высшей лиге, может одолжить мелочь, чтобы поставить свою карту во взрослой игре. Но всем понятно, что это простая вежливость, так в клубе

разрешают мной раз поставить на кон разорившемуся прихлебателю. Нет, в Англии приятные люди, неплохая охота и можно поглазеть на старые развалины, королеву и тому подобное. Франция? Единственное стоящее, что там есть, это хорошая кухня и доступные женщины. Италия? Солнце, спагетти, в целом же не страна, а большой санаторий. Германия? Здесь, пожалуй, еще можно встретить настоящих мужчин, но две подряд проигранные войны выпустили из них последний дух. С оставшейся частью мира мистер Крест расправился несколькими короткими замечаниями в том же духе, а затем поинтересовался мнением Бонда.

Джеймс Бонд смертельно устал от него. Он сказал, что точка зрения мистера Креста кажется ему чересчур упрощенной и даже, он бы сказал, наивной. Далее Бонд заметил, что доводы мистера Креста напомнили ему одну довольно остроумную байку об американцах.

— Хотите послушать ее? — спросил он.

— Разумеется.

— Все потому, что Америка от детства сразу перешла к старости, миновав стадию половой зрелости.

Мистер Крест задумчиво посмотрел на Бонда. Наконец он произнес:

— Что я могу сказать, Джим? Довольно тонко подмечено. — Прикрыв глаза веками и подняв подбородок, он повернулся к жене. — Кажется, ты согласна с Джимом, а, сокровище? Я припоминаю, как ты однажды сказала, что в американцах есть что-то от детей. Помнишь?

— О, Милт, — глаза Лиз Крест стали страдальческими. Казалось она прочла свой приговор. — Как ты можешь говорить так? Ты же знаешь, что я, не подумав, сказала один раз о комиксах в газетах. Конечно же, я не согласна с Джеймсом. Во всяком случае он только пошутил. Это ведь шутка, правда, Джеймс?

— Конечно, — ответил Бонд. — Я пошутил, точно также, как пошутил мистер Крест, сказав, что Англии нечем гордиться, кроме руин и королев.

Милтон Крест по-прежнему, не отрываясь, смотрел на жену. Он проворковал свистящим голосом:

— Чушь, мое сокровище. Почему ты так нервничаешь? Конечно, я пошутил. Он сделал паузу. — Но я запомню это, сокровище, я обещаю тебе помнить это долго.

По оценке Бонда мистер Крест уже влил в себя около бутылки спиртного, преимущественно виски. Он решил, что если американец в ближайшее время не свалится сам, придется помочь ему. Дать в челюсть, один раз, но крепко. Теперь Фидель Барбе получал свою порцию.

— Когда я впервые увидел твои острова на карте, Фидо, то решил, что ее просто засидели мухи. — Мистер Крест хихикнул. — Даже попробовал сколупнуть мушиное дерьмо ногтем. Потом я немного почитал о них и убедился, что мое первое впечатление было верным. Они ни на что не годятся, признайся, Фидо. Удивляюсь, как умный парень, вроде тебя, может жить здесь. Разве это жизнь попрошайничать на пляже. Правда, я слышал, что кто-то из вашей семейки настрогал больше сотни ублюдков. Может поэтому тебе нравится здесь, а, шалун? — Крест понимающе осклабился.

Фидель Барбе ответил спокойным голосом:

— Это мой дядя Гасток. Его в нашей семье осуждают. Он сильно подорвал наше семейное состояние.

— Как, как, семейное состояние? — Милтон Крест подмигнул Бонду. — Из чего же оно состоит? Из ракушек каури?

— Не только из них. — Столь беспардонная манера американца была Фиделю Барбе в новинку. Он смутился. — Мы неплохо заработали на черепаховой кости и перламутре лет сто назад, когда они были в цене. Но главным нашим бизнесом всегда была копра.

— Ага, а на плантациях вкалывали ваши семейные бастарды. Кстати, неплохая идея. Надо будет и мне завести нечто подобное в моем семейном кругу. — Он взглянул на жену. Уголки его резиновых губ опустились еще ниже. Но прежде, чем он успел произнести очередную грубость, Бонд, отбросив стул, резко встал и вышел из салона на корму, плотно задвинув за собой дверь.

Спустя минут десять он услышал сзади крадущиеся шаги. Бонд обернулся.

Со шлюпочной палубы по трапу спускалась Лиз Крест. Она подошла к нему и произнесла вымученным голосом:

— Я сказала, что иду спать, но по пути решила зайти сюда и спросить, может вам что-нибудь нужно. Боюсь, я не слишком гостеприимная хозяйка. Вам удобно спать здесь?

— Да, я всегда предпочитаю свежий воздух. А кроме того, мне нравится смотреть на звезды. Никогда раньше не видел столько звезд.

Она живо откликнулась, словно обрадовавшись его словам:

— А я больше всех люблю пояс Ориона и Южный Крест. Знаете, в детстве звезды казались мне настоящими дырочками в небе. Я думала, что весь мир накрыт большим черным покрывалом, за которым вселенная наполнена ярким светом. А звезды — это обычные дырочки в покрывале, пропускающие лучики света. У детей всегда бывают ужасно глупые мысли. — Она подняла на Бонда глаза, и он увидел в них затаенную тревогу: она боялась получить в ответ грубость.

Он сказал:

— Наверное, вы были правы. Нельзя же верить всему, что говорят ученые. Они всегда стремятся сделать этот мир скучным. Где вы провели детство?

— В Рингвуде на юге Гэмпшира. Там прекрасные места для детей, очень красивые. Как бы я хотела когда-нибудь вернуться туда хоть ненадолго.

— Ну, с тех пор утекло много воды. Скорее всего, вам покажется там скучно, — рассудительно заметил Бонд. Она протянула руку и тронула его за рукав.

— Пожалуйста, не говорите так. Вы не понимаете... — В ее тихом голосе послышалось отчаяние. — Я больше не могу, я хочу жить, как все остальные люди — обычные люди. Я имею в виду... — Она нервно рассмеялась. — Вы не поверите, как я мечтаю поговорить, просто поговорить с кем-нибудь похожим на вас. Даже этого я лишена... — Она внезапно схватила его за руку и сильно сжала ее. — Простите меня. Мне захотелось пожать вам руку. А сейчас я иду спать.

Сзади послышался вкрадчивый голос. Он был нетвердым, но тщательно выговаривал каждое слово, отделяя его от следующего.

— Ну, ну. Как вам это понравится? Поцелуй и объятия с моим водолазом.

В проеме двери салона, вцепившись за притолоку, стоял мистер Крест. На фоне света черный силуэт с широко расставленными ногами и поднятыми руками сильно смахивал на бабуина. Из-за его спины тянуло холодом. Мистер Крест шагнул вперед и мягко задвинул за собой дверь.

Джеймс Бонд тоже сделал шаг навстречу, прикидывая расстояние до солнечного сплетения американца. Расслабив мышцы, он сказал:

— Не торопитесь с выводами, мистер Крест. И попридержите свой язык. Вам очень повезло, что сегодня вечером вы еще не получили трепку. Так что не испытывайте судьбу. Вы пьяны. Идите проспите.

— Ого! Вы только послушайте этого наглого юношу. — Мистер Крест повернул мертвенное в лунном свете лицо к жене. По-габсбургски презрительно оттопырив нижнюю губу, он вытащил из кармана серебряный свисток и покрутил им на цепочке. — Этот парень совершенно не оценивает ситуацию, не так ли, сокровище? Ты ему, наверное, еще не успела сообщить, что я держу тех ландскнехтов на баке не для мебели? — Он повернулся к Бонду. — Сынок, еще шаг, и я дуну вот сюда, один раз. И знаешь, что будет? Будет «раз-два взяли» мистера проклятого Бонда и... — Он

махнул рукой в сторону моря. — Человек за бортом! Ужасное происшествие. Мы возвращаемся и начинаем искать, и ведь находим тебя, парень. Совершенно случайно находим и проезжаем прямо по твоей башке двойными винтами. Заверяю тебя в этом. Какое несчастье приключилось с этим приятным парнем Джимом, мы все его так любили! — Мистер Крест покачнулся. — Ты все понял, Джим? Окей, значит мы снова друзья и пойдем баиньки. — Открыв дверь салона, он снова повис одной рукой на притолоке, а другую протянул к жене и медленно согнул указательный палец.

— Иди сюда, сокровище. Время спать.

— Да, Милт. — Широко раскрытые испуганные глаза покосились на Бонда. Спокойной ночи, Джеймс. — Не дожидаясь ответа, она нырнула под руку мужа и почти бегом ринулась через салон.

Мистер Крест поднял руку.

— Не принимай близко к сердцу, приятель. Не обижайся на меня, ладно? Бонд молчал. Он пристально смотрел мистеру Кресту в глаза. Тот неуверенно рассмеялся и пробормотал: — Ну, тогда окей. — Отступив, он задвинул за собой дверь. Через окно Бонд видел, как американец, покачиваясь, двигается по салону, выключая свет. Затем в глубине темного коридора мелькнул проблеск из двери капитанской каюты и тут же погас.

Джеймс Бонд пожал плечами. Боже, что за человек! Он облокотился на борт и стал смотреть на звезды над фосфорисцирующей кильватерной струей.

Через полчаса, когда Бонд, приняв душ в ванной на баке, готовил себе постель из ворсистых диванных подушек, тишину тропической ночи разорвал короткий пронзительный крик. Кричала Лиз. Бонд опрометью пронесся через салон и по темному коридору. Лишь дотронувшись рукой до двери капитанской каюты, он пришел в себя. Из-за двери доносились всхлипывания девушки и перекрывающее их невнятное журчание голоса мистера Креста. Бонд убрал руку с щеколды. Проклятье! Ему-то что за дело? Если жена терпит издевательства мужа и не разводится, какой прок ему разыгрывать из себя сэра Галахада (9)? Бонд медленно побрел назад по коридору. Когда он шел через салон, его нагнал второй крик, на этот раз не такой отчаянный. Бонд, не останавливаясь, вышел на корму, разделся, и лег в свою постель. Он постарался сосредоточиться на мягком урчании дизелей. Почему у нее так мало силы воли? Или дело в ином? Может, женщины готовы терпеть от мужчин все, кроме равнодушия? Его мозг отказался развивать дальше эту мысль, погружаясь все глубже и глубже в сон. Часом позже, когда Бонду уже начало что-то сниться, со шлюпочной палубы раздался храп мистера Креста. На вторую ночь после выхода из Порты Виктории он тоже среди ночи пришел спать из своей каюты в гамак, специально для него подвешенный между катером и спасательной шлюпкой. Но тогда он спал тихо. Теперь же мистер Крест зычно храпел со свистом и всхлипами, время от времени оглушительно всхрюкивая.

Это было, черт подери, уже слишком. Бонд взглянул на часы. Половина второго. Если он не перестанет храпеть в течение 10 минут, придется заявиться к Фиделю в каюту и лечь там на пол, даже если бы это грозило к утру насморком.

Бонд наблюдал, как светящаяся минутная стрелка медленно крадется по циферблату. Все! Он поднялся и стал собирать вещи, когда с верхней палубы донесся тяжелый шлепок. Следом послышались какое-то шарканье, отвратительное бульканье и хрип. Наверное, мистер Крест вывалился из гамака и сейчас травит на палубе. Бонд раздраженно бросил шорты и рубашку, подошел к трапу и неохотно полез на верх. Когда его глаза были на уровне шлюпочной палубы, хрип прекратился. Он сменился другим звуком — зловещим! Частой барабанной дробью пяток о палубу. Бонд слишком хорошо знал, что это означает. Он прыжком залетел на верхнюю палубу и бегом бросился к телу, распластавшемуся навзничь под ярким лунным светом. Он остановился и медленно опустил на колени, объятый ужасом. Лицо

мертвеца было чудовищным. Но самое страшное то, что торчало из его зияющего рта, не было языком. Это был хвост рыбы. Черно-розовый хвост. Из рта Милтона Креста торчал раритет Гильдебранда!

Мистер Крест был мертв, и умер он жуткой смертью. Когда рыбу впихнули ему в рот, он проснулся и отчаянно пытался сначала выплюнуть, а затем вытащить ее. Но не смог — колючки спинного и анального плавников влились изнутри в щеки. Некоторые из них прошли насквозь и сейчас торчали наружу на испещренном каплями крови лице мертвеца. Джеймса Бонда передернуло. Смерть наступила примерно через минуту. Но что это была за минута для Милтона Креста!

Бонд поднялся на ноги. Он подошел к стеллажу со стеклянными банками для хранения проб и заглянул под защитный брезент. Пластмассовая крышка крайней банки лежала рядом с ней на палубе. Он поднял крышку, тщательно протер ее парусиной и, взяв кончиками ногтей, положил сверху на горло банки.

Затем Бонд вернулся назад и стал над трупом. Кто из них сделал это? То, что орудием убийства был выбран драгоценный трофей мистера Креста, говорило о нечеловеческой озлобленности против него. Это указывало на женщину. У нее-то причин для убийства было в избытке. Но и Фидель Барбе, с его креольской кровью, был способен на особо жестокое насилие, а кроме того ему был присущ черный юмор. «Je lui au foutu son sacre poisson dans la quelle (10).» Бонд слышал от Барбе нечто подобное. Если после того, как он покинул салон, мистер Крест продолжал дразнить сейшельца, особенно, если издевался над его семьей, Фидель Барбе, конечно, не полез бы в драку и не схватился за нож, но он запомнил бы все и, выждав момент, наверняка расквитался бы с обидчиком.

Бонд огляделся вокруг. Храп жертвы мог послужить сигналом для любого из них. С обеих сторон шлюпочной палубы на мостик поднимались трапы. Но рулевой сейчас был в рубке и за шумом из машинного отделения не мог ничего слышать. Вытащить маленькую рыбку из формалиновой купели и сунуть ее в открытый рот спящего было секундным делом. Бонд пожал плечами. Кто бы это ни сделал, он не подумал о последствиях — неизбежном расследовании и, возможно, последующем суде, на котором, кстати, и он, Джеймс Бонд, будет фигурировать в качестве подозреваемого. Убийца был явно не в себе, иначе бы он позаботился уничтожить следы.

Бонд заглянул вниз. Там вдоль всего борта яхты тянулась узенькая, фута три шириной, полоска главной палубы. С внешней стороны ее огораживали лееры высотой два фута. Если бы гамак, скажем оборвался, мог бы мистер Крест, упав покатиться под катером, перевалиться через край верхней палубы и, не задев борта, упасть в море? При сильном шторме мог, но при мертвом штиле, как сейчас, едва ли. Тем не менее, именно это решил инсценировать Джеймс Бонд.

Он энергично приступил к делу. Взяв столовый нож в салоне, Бонд надрезал одну из растяжек гамака, разорвал ее и тщательно разлохматил концы. Гамак вполне правдоподобно обвис одной стороной на палубу. Затем Бонд влажной тряпкой вытер с палубы кровь и дорожку формалиновых капель от хранилища проб. Далее предстояло самое трудное — избавиться от трупа. Джеймс Бонд аккуратно подтащил его к самому краю шлюпочной палубы, спустился на главную палубу и на всякий случай привязал себя к борту. Подняв руки он потянул на себя мистера Креста. Мертвец обрушился на него тяжким объятием. Бонд пошатнулся и, присев, перебросил его за борт. В последний раз промелькнуло перед ним омерзительная раздутая личина, обдало тошнотворным запахом перегара, и с тяжелым всплеском мистер Милтон Крест исчез в буране кильватерной струи. Бонд прижался спиной к переборке рядом с дверью салона, готовый в любой момент проскользнуть в свою постель и притвориться спящим, если вахтенный наведается на корму выяснить, что здесь происходит. Но с бака не доносилось ни звука, лишь приглушенно рокотали

дизели.

Джеймс Бонд перевел дыхание. По-настоящему дотошным должен быть коронер, чтобы вынести иной приговор, нежели «смерть в результате несчастного случая». Бонд вернулся на шлюпочную палубу, все проверил еще раз, выбросил за борт тряпку и нож и, спустившись к себе на корму, лег в постель. Было пятнадцать минут третьего. Через десять минут Бонд спал.

Увеличив скорость до двенадцати узлов, они подошли к мысу Норт-пойнт в шесть часов вечера следующего дня. Сзади над аквамарином океана пылали багровые и золотые полосы заката. Двое мужчин и женщина, между ними, стояли на корме. Облокотившись на борт, они смотрели, как мимо проплывают зеленые склоны Маэ, отражающиеся в перламутровом зеркале моря. На Лиз Крест было легкое белое льняное платье с черным пояском и черно-белая косынка на шее.

Траурные цвета хорошо гармонировали с ее золотистой кожей. Все трое чувствовали себя неловко и принужденно, ибо каждый, скрывая тайну, делал вид, что ему ничего неизвестно.

Утром они, словно для конспирации, долго спали. Джеймса Бонда разбудило солнце лишь в десять часов. Он принял душ на баке, поболтал немного с рулевым на мостике, а затем спустился в каюту Фиделя Барбе. Тот еще спал. Открыв глаза, Фидель пожаловался на похмелье и обеспокоенно спросил, чем кончился вчерашний обед. Не нагрубил ли он мистеру Кресту? Он абсолютно ничего не помнит, кроме того, что, кажется, рассердил чем-то мистера Креста.

— Помнит, Джеймс, что я вам сказал о нем в самом начале. Высочка из хамской породы. Теперь-то вы со мной согласны? В один прекрасный день кто-нибудь заткнет ему навсегда грязную пасть.

Неубедительная улика. Бонд приготовил себе завтрак и ел на камбузе, когда сюда вошла Лиз Крест. Она была одета в бледно-голубое чесучевое кимоно до колен. Под глазами у нее темнели круги. Свой завтрак она съела стоя. Однако выглядела она совершенно спокойной и вела себя непринужденно. Тонем заговорщицы она прошептала:

— Я должна извиниться за вчерашний вечер. Я тоже слегка перебрала. И очень прошу вас простить Милта. Он такого вам наговорил. Это бывает с ним только, когда он выпьет лишнего и с ним не соглашаются. Но на следующее утро он всегда раскаивается. Вот увидите.

До одиннадцати часов никто из них не выказал ничего подозрительного, и Бонд решил нарушить идиллию. Он тяжело посмотрел на Лиз Крест, которая, лежа на животе на палубе, читала журнал, и спросил:

— Между прочим, где ваш муж? Все еще спит?

Она нахмурилась.

— Наверное. Ночью он ушел спать в свой гамак на верхней палубе. Я даже не помню когда. Я приняла таблетку снотворного и отключилась.

Фидель Барбе, забрасывая наживку на тунца, сказал, не оборачиваясь:

— Наверное, он на мостике.

Бонд заметил:

— Но если он до сих пор спит наверху, то сгорит ко всем чертям.

Миссис Крест воскликнула:

— Ой, бедный Милт. Я и не подумала об этом. Пойду гляну. — Она пошла вверх по трапу. Когда ее голова поднялась над шлюпочной палубой, она остановилась и взволнованно бросилась вниз:

— Джеймс, его здесь нет, а гамак оборвался.

Бонд равнодушно произнес:

— Вероятно, Фидель прав. Пойду посмотрю бак.

Он поднялся на мостик. Здесь были Фриц, помощник и моторист.

Бонд спросил:

— Кто-нибудь видел мистера Креста?

Фриц озадаченно ответил:

— Нет, сэр, а в чем дело? Что стряслось?

Бонд изобразил на своем лице беспокойство.

— И на корме его нет. А ну-ка, живо! Общитесь все кругом. Он спал на верхней палубе. Там тоже его нет, а гамак порван. Вчера вечером он был сильно утомлен. Быстрее! Одна нога здесь, другая там.

Когда случившееся уже не вызывало сомнений, миссис Крест разразилась короткой, но вполне правдоподобной истерикой. Бонд увел ее в каюту.

— Успокойтесь, Лиз, — сказал он. — Побудьте здесь и никуда не выходите. Я все сделаю. Мы дадим радиogramму в Порт-Викторию. Фрицу я сказал форсировать двигатели, но боюсь, что возвращаться искать — безнадежное дело. С восхода прошло уже шесть часов, и за это время он не мог выпасть за борт незамеченным. Скорее всего, это произошло ночью. Мне жаль, но продержаться шесть часов в здешних водах невозможно.

Она с ужасом смотрела на него широко открытыми глазами.

— Вы имеете в виду... Вы думаете, что акулы?..

Бонд кивнул.

— О, бедный Милт! Мой дорогой Милт! Но почему все так получилось...

Джеймс Бонд вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Яхта обогнула мыс Кэннон-пойнт и сбросила скорость. Держась на расстоянии от отмелей рифа, она скользила к месту якорной стоянки по широкой бухте, лимонно— бронзовой в последних лучах заката. Городок у подножья гор уже скрылся в густой фиолетовой тени и мерцал россыпью желтых огоньков. Бонд наблюдал, как от набережной отвалил таможенный катер и направился им навстречу. Провинциальное общество, должно быть, уже гудело он новости, которая, разумеется, моментально просочилась с радиостанции в Сейшельский Клуб, а оттуда, через шоферов и прислугу, в город. Лиз Крест повернулась к нему.

— Я начинаю беспокоиться. Вы мне поможете справиться с этими ужасными формальностям" и всем остальным?

— Конечно.

Фидель Барбе сказал:

— Да не волнуйтесь вы так. Все эти люди мои друзья. Главный судья — мой дядя. Мы должны будем дать показания. Наверное, завтра начнется предварительное следствие. А послезавтра вы сможете уехать.

— Вы правда так считаете? — На переносице у нее выступила испарина. Беда в том, что я не знаю, куда мне податься и что делать дальше. Я бы хотела... — Она запнулась и, подняв глаза на Бонда, сказала: — Я бы очень просила Вас, Джеймс, проводить меня до Момбаси. Кстати, на яхте вы будете там на сутки раньше, чем на этом вашем пароходе «Кам...», как его?

— "Камлала", — Бонд закурил сигарету, чтобы скрыть растерянность. Провести с ней четверо суток на роскошной яхте!.. Но рыбий хвост, торчащий изо рта мертвеца. Хотя, конечно, это не она, а Фидель, который заранее рассчитал, что его многочисленные дядюшки и кузены на Маэ в любом случае замнут дело. Ах, если бы один из них проговорился. Бонд с готовностью ответил:

— Спасибо за предложение, Лиз. Конечно же, я с удовольствием провожу вас.

Фидель Барбе хихикнул.

— Bravo, мой друг. И я припадаю к вашим стопам, но по другому поводу. Надо решить, что будем делать с этой чертовой рыбой. Не забывайте, что теперь вы оба — хранители научного «Кохинура» (11). Смитсоновцы забросают Вас телеграммами. Вы же знаете американцев. Они будут трясти из вас душу, пока не вытрясут раритет.

Бонд, прищурившись, смотрел на вдову мистера Креста. Слова Барбе, разумеется, уличали ее. Теперь надо подыскать предлог и отказаться от совместного путешествия. Что-то не нравился ему способ Элизабет Крест сводить счеты...

Но чистые голубые глаза ответили ему открытым доверчивым взглядом, миссис Крест повернулась к Фиделю Барбе и сказала очаровательным голосом:

— О, это не составит проблем. Я решила подарить раритет Гильдебранда Британскому Музею.

Джеймс Бонд заметил, что теперь капельки пота выступили у нее на висках. Но, в конце концов, вечер был ужасно душным...

Гул моторов затих, и в тиши бухты загрохотала якорная цепь.

1) — По Фаренгейту, или 26,7°C

2) — Негодяй(фр.).

3) — Скот во фритюре (фр.).

4) — Один из руководителей британской секретной службы, и непосредственный начальник Джеймса Бонда. М — не инициал, а псевдоним.

5) — Архиепископ Макариос III, будущий президент Кипра, в 1956-67 гг. был в ссылке на Сейшельских островах.

6) — Известный американский театральный киноактер, отличавшийся мягким вкрадчивым голосом.

7) — Презрительная кличка англичан (ам.).

8) — Стелющиеся, перевитые клоками лианы (фр.).

9) — Один из рыцарей Круглого Стола, образец благородства.

10) — «Обещаю заткнуть ему пасть этой проклятой рыбой» (фр.).

11) — «Кохинур» — «Горе света» — бриллиант (108 каратов) с самой древней историей. Известен с 1304 г. С 1849 — в короне королевы — матери (Великобритания).